

БОРЬБА

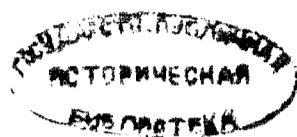
КЛАССОВ

№ 4

**АПРЕЛЬ
1936**

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

ПРИЕЗД ЛЕНИНА В РОССИЮ*

(АПРЕЛЬ 1917 г.)

Поиски пути в революционную Россию

Февральская революция застала Ленина в Швейцарии. При первых же известиях о перевороте вождь партии решил немедленно ехать туда, где, наконец, вспыхнуло пламя, которое он неутомимо раздувал всю свою жизнь. Лучше чем кто-либо другой, Ленин предвидел, какие перспективы открываются перед русской революцией и какие опасности стоят на ее пути. По опыту многолетней борьбы он знал, что опаснейшими врагами революции будут ее мнимые друзья, болтуны мелкобуржуазного болота — меньшевики и эсеры, уже не раз предававшие интересы рабочего класса.

«Ни тени доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и К^о) и вооруженное выжидание, вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа»¹, — писал Ленин из Швейцарии спустя несколько дней после начала Февральской революции в ответ на запрос петроградских большевиков.

В этих немногих словах была на-

* Перепечатано из «Истории гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 95. ОГИЗ. 1935.

¹ Ленин В. И. Два письма А. М. Коллонтай. Соч. Т. XX, стр. 8.

мечена целая программа действий. Однако директив «из далека» было недостаточно. Следовало самому быть там, где разгорался огонь революции, гасить который на помощь русским меньшевикам спешили пожарные команды лжесоциалистов со всех концов земли.

Но как попасть в революционную Россию? Англия и Франция, в руках которых находились все пути сообщения, не пропускали в Петроград большевиков, а тем более Ленина. Они хорошо знали отношение Ленина к грабительской войне. Капиталисты прекрасно понимали, какие «убытки» могут причинить им большевики разоблачением империалистской грабительской бойни.

Было ясно, что большевистская партия и русский пролетариат займут правильную позицию и найдут нужные лозунги. Но приезд Ленина ускорил бы этот путь. Буржуазия, и русская и иностранная, поступила в этом случае так же, как ее предшественница в эпоху Парижской коммуны. На требование парижских коммунаров обменять известного революционера Бланки на кучу попов и архиепископов, застрывших в Париже, версальские палачи Коммуны ответили: «Отдать Бланки коммунарам — значит послать им целую армию».

Ленина в Россию не пустили.

Он обдумал все способы. Обращение за помощью к Временному правительству было совершенно безнадежным. Министр иностранных дел Временного правительства Милюков разослал на имя всех русских посольств и миссий циркулярную телеграмму:

«На случай возникновения каких-либо сомнений о личности политических эмигрантов, желающих возвратиться в Россию в силу акта амнистии, благоволите образовать при вверенном вам заграничном учреждении Министерства комитет из представителей политических эмигрантов для разъяснений всех могущих возникнуть сомнений по этому вопросу»¹.

Этот циркуляр Милюкова был подтвержден разосланной по тем же адресам телеграммой Министерства иностранных дел, в которой говорилось:

«При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадежности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашей телеграммы»².

Вряд ли кто мог из «достойных» эмигрантов засвидетельствовать «военную благонадежность» Ленина в том смысле, как это понималось Временным правительством. Позицию Ленина по отношению к войне знали все. Нужно было искать другого пути, которым можно было бы попасть в Россию. Н. К. Крупская так рассказывает о планах Ленина:

«Ильич метался. Он попросил Бронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может доехать только до Берлина. Кроме того контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, Владимир Ильич никакого дела иметь не хотел.

Надо искать другого пути... Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит: «Знаешь, я могу поехать с

паспортом немого шведа». Я посмеялась: «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед»».

Ленину остался только один путь: проехать через Германию, предложив русскому правительству обменять русских эмигрантов на германских военнопленных. Вообще говоря, этот путь был уже испробован. Во время войны крупный буржуазный либерал М. Ковалевский приехал через Германию, причем на вокзале в столице он был торжественно встречен самим Милюковым, тогда еще только мечтавшим стать министром. В приветственной речи Милюков ни словом не обмолвился, что путь через Германию является предательством. Тот же Милюков — теперь министр Временного правительства — оказал совсем другую встречу Владимиру Ильичу.

Мысль о проезде через Германию принадлежала отнюдь не Ленину. План этот выдвинул Мартов, известный меньшевик, после того как выяснилось, что английское правительство не пропустит в Россию тех, кто выступает против войны. План Мартова был принят на совещании представителей партии эсеров, бундовцев и меньшевиков. В Россию были посланы телеграммы с требованием добиться пропуска эмигрантов в обмен на германских и австрийских пленных. Две недели напрасно прождали эмигранты ответа: Временное правительство, видимо, спрятало телеграммы под сукно. Английское и русское правительства действовали согласно.

Только после этого Ленин решил провести в жизнь выдвинутый Мартовым план организации проезда большевиков через Германию. Предвидя неистовый лай, который поднимут оборонцы и буржуазия по этому поводу, Ленин придавал особое значение документации каждого мероприятия по подготовке проезда: он тщательно собирал все доказательства, разоблачающие сопротивление Временного правительства допуску большевиков.

¹ Попов А. Л. Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. «Красный архив». Т. I (XX), стр. 4—5. 1927.

² Там же, стр. 5.

³ Крупская Н. К. Из эмиграции в Питер. В книге Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917 г. «Московский рабочий», стр. 113—114. 1925.

Свой от'езд из Швейцарии Ленин согласовал с рядом интернационалистов, которые вынесли по этому поводу следующее заявление:

«Нижеподписавшиеся осведомлены о затруднениях, чинимых правительствами Антанты к от'езду русских интернационалистов, и о тех условиях, какие приняты германским правительством для проезда их через Германию. Они отдают себе полный отчет о том, что германское правительство разрешает проезд русских интернационалистов только для того, чтобы тем самым усилить в России движение против войны. Нижеподписавшиеся заявляют:

«Русские интернационалисты, во все время войны неустанно и всеми силами боровшиеся против всех империализмов, и в особенности против германского, возвращаются в Россию, чтобы работать на пользу революции; этим своим действием они помогут пролетариату всех стран, и в частности пролетариату Германии и Австрии, начать свою борьбу против своего правительства. Пример, подаваемый героической борьбой русского пролетариата, является лучшим и сильнейшим стимулом к подобной борьбе. Из всех этих соображений нижеподписавшиеся интернационалисты Швейцарии, Франции, Германии, Польши, Швеции и Норвегии находят, что их русские товарищи не только вправе, но даже обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию»¹.

По предложению Ленина, Фриц Платтен, секретарь Швейцарской социалистической партии, заключил с германскими представителями соглашение, по которому:

1) пропуск давался всем эмигрантам независимо от их отношения к войне;

2) вагон эмигрантов не подвергался обыску, контролю или проверке;

3) эмигранты по прибытии в Россию обязуются потребовать обмена пропущенных эмигрантов на австро-германских военнопленных.

С группой других эмигрантов в со-

В. И. Ленин в вагоне Финляндской железной дороги при возвращении из-за границы в Россию в 1917 г. С карт. Моравова.

провождении Фрица Платтена, организовавшего проезд через Германию, 26 марта Ленин выехал из Швейцарии в Стокгольм, а оттуда через Финляндию в Петроград.

Ленин и сопровождавшие его большевики ехали через Германию в особом вагоне, при этом по условиям проезда сношения германских властей с проезжавшими разрешались только через Платтена, — отсюда впоследствии возникла легенда о «пломбированном вагоне», в котором будто бы ехали большевики через Германию.

В дороге немецкие шовинисты пытались завязать разговор с Лениным, но последний категорически отказался от встречи с ними.

Всего уехало из Швейцарии 32 эмигранта, из них 19 большевиков, 6 бундовцев и 7 от разных партий и групп. Любопытно, что оставшиеся в Швейцарии эмигранты, отказавшиеся ехать с Лениным, уже 30 апреля постановили приехать в Россию тем же путем, иначе в Россию попасть было невозможно. Среди этих эмигрантов большевиков совсем не было.

¹ Протокол о проезде через Германию. Лен. сборник II, стр. 392--393, 3-е изд. М. Госиздат. 1924.

Ленин в Петрограде

Союзные империалисты зорко следили за каждым шагом Ленина. 3 апреля, в день, когда он прибыл в Петроград, английское посольство передало в русское Министерство иностранных дел записку с характеристикой Ленина.

«Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек, — говорилось в этой записке, — и, весьма вероятно, он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде»¹.

В тот же день в Министерство иностранных дел поступила записка и от французского посла, в которой также говорилось о проезде Ленина через Германию.

Товарищ министра иностранных дел А. Нератов пометил на этих документах:

«Все сведения из третьих источников нужно поместить в газетах завтра же, не указывая источников, и подчеркнуть благожелательность гер-

¹ Попов А. Л. Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. «Красный архив». Т. I (XX), стр. 11. 1927.

манского правительства к Ленину и пр.»².

Так начал закручиваться клубок лжи и клеветы вокруг приезда Ленина в Россию. Боязнь, что «этот хороший организатор найдет многочисленных последователей в Петрограде», заставила союзных империалистов поднять травлю против Ленина. Его обвиняли чуть ли не в государственной измене в пользу Германии. Травля эта с легкой руки Временного правительства была подхвачена всей буржуазной и оборонческой печатью. Вот что писала кадетская газета «Речь» 5 апреля 1917 года:

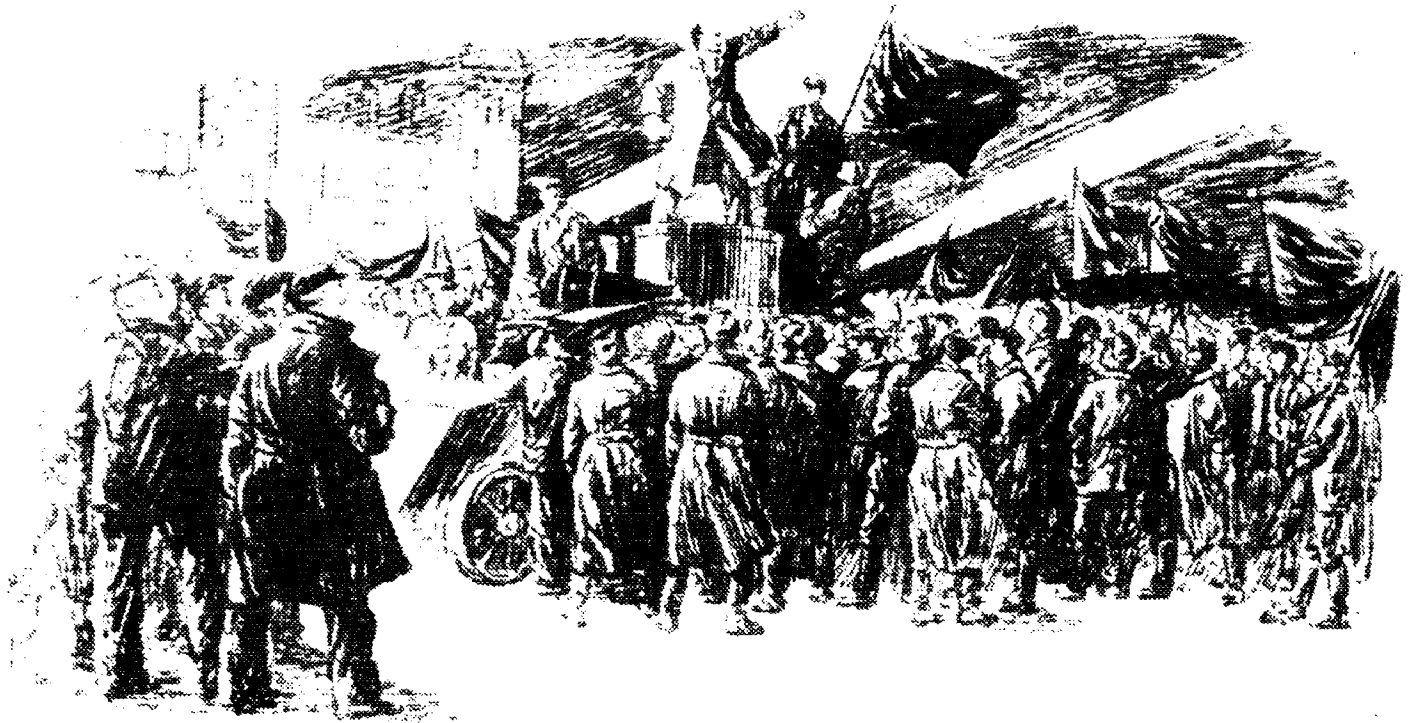
«Гражданин Ленин и товарищи, торопившиеся в Россию, должны были, раньше чем выбрать путь через Германию, спросить себя, почему германское правительство с такой готовностью спешит оказать им эту беспримерную услугу, почему оно сочло возможным провезти по своей территории граждан вражеской страны, направляющихся в эту страну? Ответ, кажется, был ясен. Германское правительство надеется, что скорейшее

² Там же, стр. 12.

Приезд Ленина в Петроград. Встреча на Финляндском вокзале. «Чхеидзе прочитал Ленину целую нотацию».

Рис. Машкевича.

В. И. Ленин произносит речь с броневика, Финляндский вокзал. 1917 г.

Рис. А. Ермолаева.

прибытие гражданина Ленина и его товарищей будет полезно германским интересам, оно верит в германофильство вождя большевиков. И одной возможности такого ответа было по нашему мнению совершенно достаточно, чтобы ни один ответственный политический деятель, направляющийся в Россию во имя блага народа, не воспользовался этой своеобразной любовью... Но думаем... что русскому политическому деятелю, каких бы взглядов он ни держался, путь к сердцу и совести народных масс России не идет через Германию»¹.

От кадетов не отставали эсеры. Вождь партии В. Чернов писал 16 апреля в газете «Дело народа» о Ленине буквально то же, что и кадеты:

«Он даже и не подумал о том, что и с его точки зрения соизволение Англии на его поездку было бы лучше уже тем, что его вынудило бы давление русской революции, а соизволение Германии по мотивам может быть подозрительным»².

Все — от английских империалистов до русских эсеров и меньшевиков — по одной и той же шпаргалке

клеветали на Ленина, натравливали на него отсталую массу, намекая на шпионаж вождя большевиков в пользу Германии.

Однако пролетариат и солдатско-крестьянские массы не поверили гнусной клевете. 3 апреля, в день приезда Ленина, 3-я рота Финляндского полка выступила с резолюцией протеста против клеветы буржуазии и ее приспешников из мелкобуржуазного лагеря:

«Считая единственным безопасным путем в Россию дорогу через Германию, мы требуем, чтобы Временное правительство немедленно вступило в соглашение с германским правительством для обмена наших эмигрантов на германских пленных»³.

Рабочие Петрограда встретили своего любимого вождя с неподдельным восторгом. Со всех концов города потянулись к Финляндскому вокзалу мощные демонстрации. Соратники Ленина, борцы большевистской партии, шли приветствовать того, кто создал, организовал и выпестовал героическую партию. Революционные солдаты и матросы пришли за указаниями, жадно ловя боевые лозунги. Рабочие, работницы, матросы, солдаты, партий-

¹ Приезд Ленина. «Речь» № 73, 5 апреля 1917 г.

² Чернов В. Ленин. «Дело народа» № 26, 16 апреля 1917 г.

³ Третья рота гвардейского Финляндского полка. «Рабочая газета» № 38, 23 апреля 1917 г.

ные организации, первые отряды Красной гвардии вышли навстречу вождю революции. Улицы были запружены колоннами рабочих со знаменами: «Привет Ленину». Площадь Финляндского вокзала была залита огромной толпой.

Пришли встречать Ленина и меньшевики. Большевистские лидеры пришли отговаривать Владимира Ильича от борьбы за большевистскую линию, пришли, чтобы оторвать его от масс. Виднейший меньшевик Чхеидзе пророчески считал Ленину целую нотацию, как вести себя в революции.

Меньшевик Суханов, соучастник Чхеидзе по предательству пролетариата и борьбе с большевистской партией, был свидетелем того, как меньшевистский школьный учитель уговаривал Ленина отступить от революции:

«Во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в «царскую» комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изысканным лицом и с роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе, не покидая своего прежнего угрюмого вида, произнес следующую «приветственную речь», хорошо выдерживая не только дух, но и тон нравоучения:

«Товарищ Ленин, от имени Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов и всей революции мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разделение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...» Чхеидзе замолчал. Я растерялся от неожиданности. Как же, собственно, отнестись к этому «приветствию» и к этому прелестному «но»?.. Но Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому: он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось, —

осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок «царской» комнаты... а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации исполнительного комитета, «ответил» так:

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплуататоров — капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит.... Не нынче — завтра, каждый день — может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»¹

Отделавшись от меньшевистских учителей, Ленин появился на ступенях вокзала. Площадь ожила. Многотысячное «ура» встретило вождя. Ленину помогли взобраться на бронемашину. Проекторы осветили Владимира Ильича. Чуть потоптавшись на месте, словно пробуя крепость броневику, Ленин уверенно бросил в затихшую толпу свой призыв к мировой социалистической революции. Речь Ленина сразу подняла революцию на новую ступень.

Революции нужен был необыкновенной силы ум, чтобы разобраться быстро в сложнейшем переплете противоречий и безошибочно указать массам их ближайшую цель.

Нужна была необыкновенной твердости воля, чтобы повести массы верным путем к этой цели.

Таким гигантом мысли и воли, впитавшим в себя опыт революционной борьбы трудящихся всех стран, стоявшим на высоте научного понимания задач пролетариата, и был Владимир Ильич Ленин. Вождь революции занял свое место.

¹ Суханов Н. Записки о революции. Кн. 3, стр. 14—15. Берлин, Гржебин. 1922.

ПОСЛЕДНЕЕ ПОДПОЛЬЕ

В. И. ЛЕНИНА*
(1917 г.)

Хронологические вехи

Последнее подполье В. И. Ленина охватывает небольшой, но богатый событиями период в 112 дней: с 5(18) июля по 24 октября (6 ноября) 1917 года.

Началось подполье в связи с наступлением реакционных сил после событий 3—4 июля, внешне разгромивших большевистскую партию, но внутренне безгранично усиливших ее, «...ибо именно в эти тяжелые дни массы поняли и увидели ее преданность и измену эс-эров и меньшевиков»¹.

Уйдя в подполье, партия пролетариата развернула огромную, напряженную работу по подготовке вооруженного восстания, и через 4 месяца это блестяще организованное восстание принесло ей победу.

Вместе с последним днем подготовки восстания окончилось и последнее подполье Владимира Ильича.

За эти 112 дней Ленин переменил

* Настоящая статья является попыткой частично восполнить существенный пробел в биографии В. И. Ленина по предоктябрьскому периоду. В основу ее положены специально собранные автором материалы (опросы Фофановой, Лещенко, Рахьи и т. д.) и отчасти использованы опубликованные ранее мемуары свидетелей этого периода.

Являясь первой публикацией итогов проделанной работы, статья не претендует на исчерпывающее освещение вопроса. Для этого предстоит собрать и изучить еще немало материалов, до сих пор не выявленных и не суммированных.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 282.

несколько квартир в Петрограде и довольно долго пробыл вне города.

По приезде из-за границы он жил легально в квартире сестры А. И. Елизаровой, на Петроградской стороне, на углу Широкой и Газовой улиц (д. № 48/9, кв. 24), и 28 июня (11 июля) уехал по болезни в Финляндию.

Утром 4(17) июля, получив сведения о событиях в Петрограде, Ленин вернулся в город; днем выступал перед демонстрантами с балкона дворца Кшесинской, а ночью участвовал в заседании ЦК, постановившем призывать массы к прекращению демонстрации, уже достигшей своей цели— «показать всем массам трудящихся и эксплуатируемых силу наших (большевистских.— С. Б.) лозунгов, их вес, их значение, их необходимость для освобождения народов от войны, от голода, от гибели»².

Начавшийся бешеный разгул реакции угрожал личной безопасности Владимира Ильича. Поэтому, по предложению Свердлова, он, не возвращаясь домой, рано утром 5(18) июля пришел на квартиру М. Сулимовой (д. № 25, по набережной Карповки).

Однако вскоре квартира Сулимовой оказалась небезопасной. «7 июля утром, так же рано, как пришел, Владимир Ильич в сопровождении Надежды Константиновны ушел, пройдя ворота с самым беззаботным видом, помахивая зонтиком»³. А в воротах дежурили дворники, имевшие распоряжение Временного правительства задерживать незнакомых и подозрительных людей в целях поимки Ленина.

«Самое надежное место, — рассказывает Н. К. Крупская, — где лучше всего можно было укрыть Ильича, было на Выборгской стороне. Решено было, что он будет жить у одного рабочего»⁴. Отсюда Ленин выходил для участия в собрании ПК в сторожке завода Рено, на Б. Сампсониевском проспекте (теперь проспект К. Маркса, д. 77-б). На Выборгской стороне

² «Правда» № 99 от 5 (18) июля 1917 года.

³ М. Сулимова «Июльские дни». «Правда» № 159 от 16 июля 1934 года.

⁴ Н. К. Крупская «Воспоминания о Ленине». Ч. 2-я, стр. 283. Партиздат.

В. И. Ленин.

1917 г.

даже в дни разгула реакции Ленин мог относительно свободно передвигаться. Все же жить здесь было неудобно, и Ленин перешел на квартиру бывшего депутата Государственной думы большевика Н. Г. Полетаева (Мытнинская ул., д. № 55), а 7-го (20-го), к вечеру, переехал к С. Я. Аллилуеву (10-я Рождественская, д. 17-а, кв. 20), где пробыл четыре дня. Здесь, на совещаниях со Сталиным, Орджоникидзе, Ногиным и Яковлевой, было решено на суд не являться и скрыться за пределами Ленинграда.

11(24) июля Ленин перебрался на станцию Разлив, прожил на сеновале домика Емельянова шесть дней, а затем перешел в шалаш в болотистом лесу, за озером, где пробыл до конца августа. Погода испортилась, продолжать жить в шалаше стало невозможно. Был организован переезд Владимира Ильича в Финляндию. По пути он приехал опять на Выборгскую сторону, на квартиру рабочего завода «Айваз» Э. Кальске (Выборгское шоссе, д. № 36), где пробыл сутки, сел на станции Удельной на паровоз, к машинисту Ялаве, и перебрался в Финляндию, в деревню Ялкала, у ст. Териоки, в семью жены

Э. А. Рахьи — Л. П. Парвиайнен. Отсюда его переправили в г. Лахти, где он прожил два дня у одного финского рабочего и переехал к депутату финляндского сейма Вийку, на ст. Мальм. Последний привел, наконец, Владимира Ильича в 11 часов в Гельсингфорс к финляндскому социал-демократу Г. Ровио. Спустя неделю Ленин снова переменял квартиру, поселившись «у Теле»¹, в семье одного рабочего.

17(30) сентября он перебрался в Выборг и жил несколько дней у литератора Латукка, а в конце сентября или начале октября (по одной версии 7-го (20-го) переехал с помощью Рахьи, ставшего его постоянным «телохранителем», на том же паровозе машиниста Ялавы в Петроград, на квартиру М. В. Фофановой (Сердобольская ул., д. 1/92). Здесь он жил до 24 октября (6 ноября), когда в сопровождении Рахьи явился в Смольный. Из квартиры Фофановой Ленин выходил несколько раз для встреч с товарищем Сталиным и руководящими работниками партии.

Таков краткий перечень квартир Ленина в этот период.

К сожалению, отдельные даты пока нельзя установить точно, и ряд имен, документов и подробностей утерян.

Внешний облик

Первые дни подполья Владимир Ильич сохранял свой обычный вид, столь известный тысячам людей, слушавших его на митингах и встречавших на многочисленных собраниях.

Только на улицу он выходил или рано утром или поздно вечером, поднимая, по старой конспиративной привычке, воротник и низко надвигая головной убор.

7(20) июля Временное правительство опубликовало в печати постановление об аресте Ленина.

Положение становилось более серьезным, и, собираясь в Разлив, Владимир Ильич решил изменить свою внешность.

«После обеда, — рассказывает тов. Аллилуев, — Владимир Ильич сбрил бороду, подстриг усы и волосы на

¹ Теле—название местности в Гельсингфорсе; «у Теле» — выражение Ровио.

голове. Затем последовало переодевание. Мое пальто подошло по росту В. И. В этом, рыжевато-голубого цвета пальто и в серой кепке, без бороды и с подстриженными усами В. И. походил на финского крестьянина или немца-колониста»¹.

Этот новый облик, с некоторыми изменениями и дополнениями, Ленин сохранил до конца подполья, причем контраст с прежним, всем знакомым Ильичем был разителен. Огромную роль в этой перемене сыграло не столько изменение костюма, сколько отсутствие бороды и появление впоследствии парика, прикрывавшего лоб.

Изменив чуть-чуть походку, Ленин смог в этом виде пройти неузнанным через весь город, на станцию Приморской железной дороги, и благополучно уехать в Разлив.

Единственная неизменяемая примета Владимира Ильича — его голос, произносивший слова чрезвычайно своеобразно, с небольшой картавинкой, — при постоянном наличии спутника была нестрашна: ведь можно было молчать.

Стояла теплая июльская погода, поэтому и на сеновале и в шалаше Ленин ходил в кепке, косоворотке (а не в рубашке с воротничком, как его изображают некоторые художники) и ботинках.

Имевшееся у него пальто использовалось в сырые, туманные ночи как одеяло. Особенно оно пригодилось в августе, в период дождей.

Когда встал вопрос о переправе Ленина в Финляндию, решено было использовать служебное удостоверение рабочего Сестрорецкого завода, для чего необходима была фотография Владимира Ильича в новом виде. Шотман достал парик, и в один из первых дней VI съезда партии, вероятно, числа 27 — 29 июля (9 — 11 августа), свез Лещенко в Разлив, где и была произведена с'емка, давшая два, столь широко известных и единственных снимка Ленина в этот период: один — в кепке, другой — без нее. Лещенко сообщает, что парик Ленин надел только для с'емки: видимо,

¹ Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 32. Изд. «Старый большевик». М. 1934.

он его сильно стеснял. В описанном костюме Ленин ушел из шалаша и переехал в Финляндию.

В сентябре Ленин, об'явив Ровио о своем желании переехать поближе к Петрограду, просил устроить квартиру в Выборге и достать парик и краску для бровей. Вероятно, парик, доставленный Шотманом в Разлив, к этому времени был утерян.

Ровио достал седоватый парик, в котором Ленин ходил до самого появления в Смольном. Несмотря на пригонку парик у ушей немного отставал. Владимир Ильич часто поправлял эти места, приглаживая их рукой. Это вошло у него в привычку. Шотман, например, отмечает, что на заседании 16(29) октября в лесновской районной думе Ленин вышел к собравшимся без парика. Когда ему было предоставлено слово, он «по привычке поднял руку, чтобы погладить парик, и, спохватившись, улыбнулся»².

Фофанова вспоминает, что Владимир Ильич не любил носить парик и постоянно забывал его надевать. Когда же в ночь с 24 на 25 октября (6 — 7 ноября) он пришел в Смольный, то, раздеваясь, по ошибке снял шапку вместе с париком и засунул в карман пальто. Его, конечно, сразу узнали, но теперь это уже не представляло опасности»³.

Когда Ленин уезжал из Выборга в Петроград, сопровождавший его Рахья «предложил ему как-нибудь замаскироваться»⁴.

«Он надел на себя крахмальную рубашку с черным галстуком, приладил все тот же парик, очки и надел на голову фетровую шляпу. В этом костюме, в осеннем пальто, он удивительно стал похож на лютеранского пастора.

Поглядев на себя в зеркало, Ильич остался очень доволен. В особенности благочестивый вид ему придавали сорочка с галстуком и очки»⁵.

² Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 75.

³ М. Фофанова «Из воспоминаний 1917 года». «Правда» № 19 (3851) от 22 января 1928 года.

⁴ Э. Рахья «Последнее подполье Владимира Ильича». «Красная летопись» № 1(58), стр. 86. 1934.

⁵ Э. Рахья «Мои встречи с Лениным». «Новый мир» № 1, стр. 31. 1931.

Владимир Ильич Ленин в гриме в период подполья. 1917 г.

Вечером 24 октября (6 ноября), собираясь в Смольный, Ленин произвел с помощью Рахьи последнее переодевание и маскировку.

«Я нашел,—рассказывает Рахья,—старую кепку, одел Ильича в какую-то, до последнего заношенную одежду и повязал ему белой, достаточно грязной тряпкой щеку, чтобы было похоже на то, что у него болят зубы. Тип получился очень подозрительный, и мы отправились, надеясь, что в таком виде его не очень-то узнают на улицах»¹.

Такова была внешность Ленина при передвижениях; в самых же квартирах он оставался всем нам хорошо известным Ильичем.

Здесь он носил темный костюм, темный галстук со светлыми крапинками,

¹ Э. Рахья «Мои встречи с Лениным». «Новый мир» № 1, стр. 35. 1934.

Этот рассказ о маскировке не сходится с воспоминаниями Фофановой. Она говорит, что Ленин ушел в Смольный в своем черном драловом пальто. Вероятно, повязка на лице, поднятый воротник и надвинутая на глаза кепка при вечернем освещении придавали ему «подозрительный» вид, о котором говорит Рахья.

белую рубашку с мягким воротничком и штiblеты. Никаких халатов, хождения в рубашке или только в жилете он не признавал, всегда был очень опрятен в костюме². Лишь отсутствие бороды напоминало о подполье.

Жилищные условия

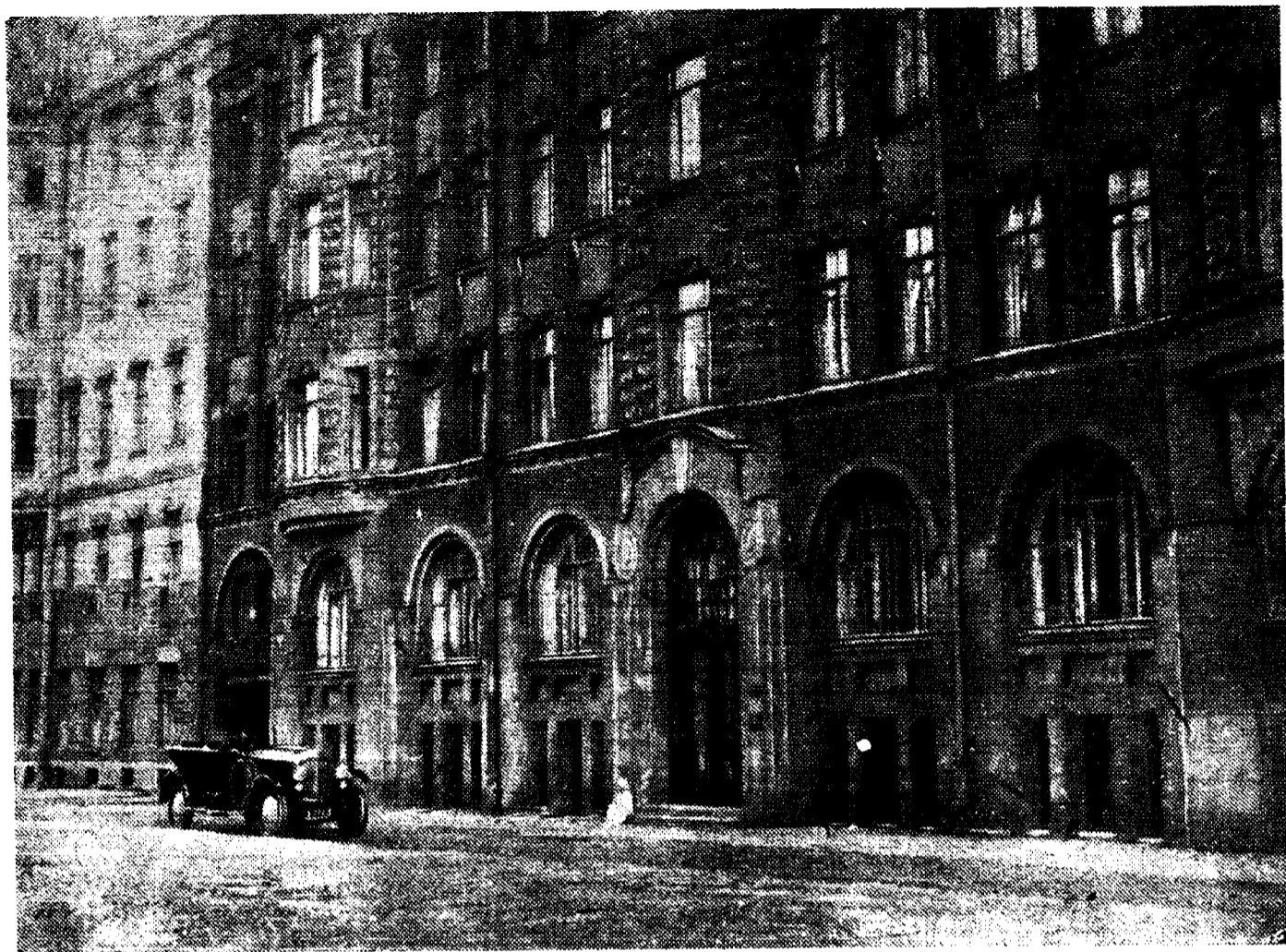
За период подполья Владимир Ильич жил в городской и сельской обстановке. К первой группе относятся квартиры Сулимовой, Аллилуева, Ровио, Латукка, Фофановой и др., ко второй — домик Емельянова, Парвиайнена и знаменитый шалаш.

Квартира Аллилуева находилась в дворе флигеле огромного доходного дома под № 17-а, на 10-й Рождественской (теперь Советской) улице, на пятом этаже, и состояла из трех комнат. В отведенной Ленину комнате стояли: отоманка, небольшой письменный столик, этажерка со стопкой книг и простые венские стулья.

Попав в домик Емельянова, Ленин очутился в большой семье, со множеством ребятишек. Не желая стеснять хозяев, Владимир Ильич выбрал своим местожительством сеновал на чердаке сарая. Здесь стояли старый ломберный стол с простой стеклянной чернильницей и два венских стула; на полу лежали два матраца с подушками и простынями. Взбирались туда по приставной лестнице, через дверцу в крыше. Разговаривать громко было нельзя.

Пребывание в шалаше в этом отношении оказалось менее стесняющим. Шалаш находился на покосе, недалеко от берега Разлива. Это было низкое легкое сооружение из прутьев, ветвей и листьев, с двумя скатами. Торец с одной стороны служил выходом, с другой — был заделан. В шалаше лежа могло поместиться человека 3—4, вплотную друг к другу. Чтобы не страдать от холода и болотных испарений, укрывались теплыми пальто. В первый же сильный осенний дождь шалаш пропустил воду — и обитателям пришлось

² См. стенограмму опроса Фофановой, стр. 21—25.

Дом на 10-й Рождественской ул., где находилась квартира Аллилуева.

спешно укреплять его ветками, листьями и сеном¹.

Для Ленина в сторонке был устроен «кабинет»: в центре громадного густого ивового куста вырублена небольшая площадка, где он мог спокойно читать и писать, незаметный для постороннего глаза².

У Парвизайнена Ленин выбрал себе пристройку, где в момент его приезда помещались куры. Их срочно выселили, вымыли помещение и поставили стол, стул, кровать и лампу. Здесь Ленин продолжал усиленно работать. По его уходе стоявшая в коморке печка оказалась набитой исписанной

¹ Это сводное описание составлено на основании опубликованных воспоминаний гг. Шотмана, Орджоникидзе, Рахьи, Лещенко, Емельянова и стенограммы дополнительного опроса тов. Лещенко, проведенного мной 25 февраля 1935 года.

² Отсюда следует, что выставленный в Ленинградском музее революции макет «Ленин в Разливе», где Владимир Ильич изображен сидящим за столом, внутри шалаша из гигантского тростника, выше человеческого роста, совершенно не соответствует действительности, так же как и костюм Ленина.

бумагой, которую он велел сжечь³.

Квартира Ровио состояла из комнаты площадью метров в 15—18, кухни рядом с ней и прихожей.

Комната, довольно высокая и очень светлая, делилась на две части печью, поставленной по середине глухой продольной стены. Задняя часть представляла собой спальню, а передняя — кабинет и гостиную.

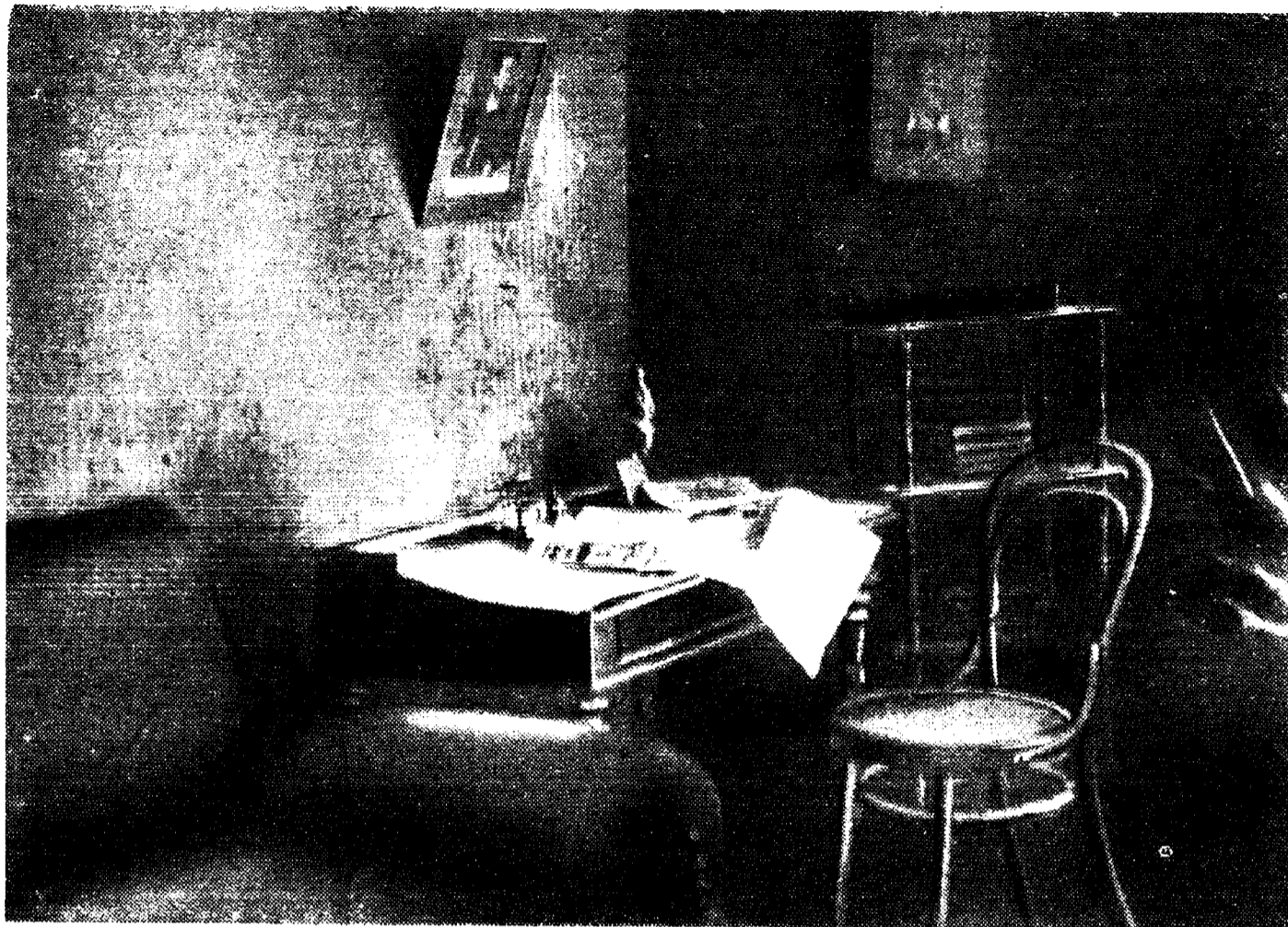
Обои — простого рисунка, светлые; на окне и двери на балкон — тюлевые занавески, белые, до полу. На преддиванном столике и комоде — дорожки из сурового полотна. В целом — типично финская обстановка.

В находившейся за стеной кухне была газовая плита, на которой Ленин готовил себе пищу⁴.

Поселившись у Фофановой, Владимир Ильич попал в весьма скромную,

³ Э. Рахья «Мои встречи с Лениным». «Новый мир» № 1, стр. 30. 1934.

⁴ В 1929 году обстановка комнаты была подарена тов. Ровио Ленинградскому музею революции. Следует отметить, что, в силу ряда музейных условий, комнату не удалось восстановить полностью: размеры приданы меньшие, отсутствует ряд мелочей, в расстановке мебели допущены изменения.

Комната в квартире Аллилуева, где скрывался В. И. Ленин. 1917 г.

но уютную семейную обстановку. Всюду чувствовалась заботливая женская рука. Тишина, спокойствие, полное отсутствие в квартире посторонних создавали чрезвычайно удобные условия для работы¹.

Квартира Фофановой помещалась в большом каменном доме, на углу Сердобольской ул. и Б. Сампсониевского проспекта, населенном преимущественно рабочими. Длинный кирпичный неоштукатуренный, весьма неказистый на вид, дом одним концом подходил к насыпи Финляндской железной дороги, а другим — к косогору Б. Сампсониевского проспекта. Впереди его находились два деревянных двухэтажных дома и довольно большой двор. Войдя в одну из средних лестниц, надо было подняться до последнего, 4-го этажа. Здесь, на площадке, была дверь квартиры Фофановой, выходящей окнами на противоположный фасад, обращенный на соседний участок рассадника Общества животноводства.

¹ Нижепомещенные сведения составлены на основании стенограмм моих специальных опросов тов. Фофановой 10, 12 и 16 ноября 1934 года.

При входе в квартиру попадали в длинный узкий коридор, в конце которого была дверь в комнату Владимира Ильича, а ближе — двери в столовую и в комнату, где жила в это время сама Фофанова.

Комната Ленина, площадью в 18 метров, была самой большой в квартире и наиболее изолированной: с двух сторон были капитальные стены, граничившие с соседними квартирами, с третьей — столовая.

В дальнем от окон углу, напротив двери, находилась круглая железная печь.

По боковой глухой стене, недалеко от печки, стояла кровать. В углу, у правого окна, — простой, канцелярский стол, обтянутый коричневой клеенкой, за которым работал Ленин. На нем — керосиновая лампа с зеленым абажуром, чернильница, бумага, газеты.

В простенке между окнами помещалась этажерка. При Ленине она была завалена газетами.

По второй продольной стене стояла отоманка, на которой спала Надежда Константиновна, когда приходила сюда ночевать.

В таком же духе была обставлена столовая. Здесь были вечнозеленые растения, пальма «латания» и срезаемые цветы в вазах.

Такую простую, удобную обстановку Владимир Ильич любил больше всего: в ней он чувствовал себя хорошо и мог спокойно и плодотворно работать.

Питание

Вопрос о питании Владимира Ильича в этот период являлся целой проблемой. Характерной чертой Ленина являлась нетребовательность в пище. Но даже то небольшое, что нужно было Ильичу, в этот период надвигавшегося голода добывалось с большим трудом.

В предыдущие годы забота о питании Ленина лежала на Надежде Константиновне. Теперь, будучи оторвана от него, она не могла уже его обслуживать. Правда, во время приездов она всегда тащила что-нибудь съестное, но зачастую он отдавал это окружающим его людям.

В Разливе о Ленине заботилась жена Емельянова — Надежда Кондратьевна, о которой у Владимира Ильича сохранились самые лучшие воспоминания¹. Приезжавшие в Разлив Шотман и Токарева привозили из города провизию. Чрезвычайно характерную черточку отмечает Шотман: «Ни разу за все это время Владимир Ильич не просил привезти ему из города чего-либо съестного несмотря на то, что питание у него было весьма скудное»²: каша, картошка, селедки, чай, немного хлеба и пойманная в Разливе рыба.

Хотя жили и около леса, где водилась дичь, но охотиться не решались, боясь попасть в руки лесника, а через него и в руки Временного правительства (одна такая попытка чуть не закончилась большой неприятностью).

У Ровио, жившего на холостом положении, Владимир Ильич сам себя обслуживал. Но часто, заработавшись, он забывал об еде.

Переехав от Ровио к одному рабо-

чему, Ленин попал в очень хорошие бытовые условия: «Его жена готовила кушанье и вообще всячески заботилась обо всех удобствах Ленина. Ленин был весьма доволен своей квартирой и квартирохозяевами»³.

После переезда к Фофановой последняя взяла на себя заботу о нем и все свое внимание обратила на то, чтобы создать для Владимира Ильича наилучшие условия. Был установлен твердый порядок часов еды.

Надежда Константиновна иногда передавала вместе с корреспонденцией что-нибудь сладкое для Владимира Ильича.

«24 октября, — рассказывает Фофанова, — когда я весь день бегала по его поручениям, Ильич должен был единственный раз приготовить себе пищу.

Вернувшись, я застала неосвещенную квартиру, на столе в столовой незаконченный ужин и третий чистый прибор, на котором я уже потом разглядела узенькую длинную записку, на которой было написано: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свиданья. Ильич»⁴.

Конспирация и связь с внешним миром

Пребывание в подполье требовало от Ленина и окружающих его людей соблюдения самой строгой конспирации. Хотя вместе с царским режимом развалился и полицейско-жандармский аппарат, а правительство Керенского еще не сумело создать своего аппарата сыска, все же попасть в его лапы было легко благодаря добровольным сыщикам (юнкерам, мелкой буржуазии и несознательным элементам из среды городского и сельского населения). Только большой конспиративный навык Ленина и его осторожность помогали избегать опасности.

У Владимира Ильича была привычка входить во все мелочи, прежде чем дать согласие на какое-

³ Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 81.

⁴ М. Фофанова «Из воспоминаний 1917 года». «Правда» от 22 января 1928 года.

¹ См. сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 19 и 45.

² Там же, стр. 60.

нибудь предложение. Так например он всегда предварительно знакомился с планом пути, по которому должен был пройти или проехать. Он требовал, чтобы спутники его заранее обследовали весь этот путь, узнали опасные места и возможности их преодоления. Объясняется это не недоверием, а предусмотрительностью Ленина. В пути он мог неожиданно остаться один, и только знакомство со всеми подробностями и трудностями предстоящего пути могло обеспечить безопасность.

На улицах применялся прием парного движения, причем пары делали вид, что не знают одна другую, но в то же время следили друг за другом, чтобы вовремя помочь или скрыться при опасности. Так, идя на Приморский вокзал, чтобы уехать в Разлив, Ленин шел в первой паре, а во второй — Сталин и Аллилуев.

Устраиваясь на новом месте, Ленин знакомился с устройством помещения, где должен был жить, с окружающей обстановкой, людьми и возможностями скрыться в случае налета. Например у Фофановой он осведомился, далеко ли от его окна находится водосточная труба, по которой можно будет спуститься вниз.

Поселившись в квартире, он устанавливал систему сигналов и правила открывания дверей. Так, у Фофановой он имел свой ключ, а Рахья и Надежда Константиновна должны были давать два коротких звонка и два коротких удара.

Владимир Ильич требовал, чтобы его местопребывание было известно самому ограниченному кругу лиц.

Знали квартиру очень немногие, и без предварительного сговора никто не приходил. К самой Фофановой, в то время как там жил Ильич, тоже никто не приходил, за исключением двух—трех случаев, да и то она старалась пришедших поскорее куда-нибудь сбить.

Ограниченное число лиц, поддерживавших связь, приходило не каждый день. В некоторых местах роль связистов играли хозяева квартир: Ровио, носивший почту на вокзал, Фофанова, отвозившая письма Ленина в Выборгский комитет для пересылки дальше, в ЦК, и т. п.

Переписка шла очень оживленная. Если бы удалось собрать ее целиком, получился бы солидный том, вскрывающий механику организационной работы перед Октябрем. Характерно при этом, что и здесь, принимая внешние предосторожности (небольшой, удобный для запрятывания формат листков, посылка писем с заведомо известными людьми: Крупской, Шотманом, Рахьей, Ровио, Ялавой, Токаревой и др.), Владимир Ильич дополнительно, так сказать, страховал письмо, подписывая его своей новой конспиративной кличкой «К. Иванов» и не ставя числа. В отдельных случаях он применял прием химического письма, при котором на листке пишется обыкновенными чернилами ничего не значащее письмо, а затем между строк молоком пишется секретный текст. При подогревании на огне этот текст проявляется. Так было, например, когда Ленин вызвал к себе Надежду Константиновну и прислал в письме не только свой адрес, но и план, как его найти в Гельсингфорсе.

В особо важных случаях, зная, что запись может подвести, выдать, он требовал от связистов, чтобы они не записывали, а запоминали его поручения.

Время было очень тревожное, но не столь опасное в смысле систематической слежки, как при царском режиме. Поэтому Ленин и позволял себе иногда нарушать строгие правила конспирации. Так, в октябре у Фофановой, увлекшись чем-нибудь или раздраженный неприятными известиями, он позабывал правила осторожности и начинал шагать по квартире в отсутствие Фофановой или громко говорил и смеялся. В последние дни конспирация вообще соблюдалась плохо: слишком напряжены были нервы, да и события разворачивались так быстро, массы так явно переходили на сторону большевиков, что в центре рабочего района особенно опасаться не приходилось.

Но, когда положение бывало опасным, Ленин никогда не забывал о правилах конспирации. Так, придя из шалаша на станцию Дибунь, Ленин не пошел на платформу, а спрятался в кустах, под откосом, что спасло его жизнь для дела революции: стан-

Чердак, где скрывался В. И. Ленин у Емельянова на ст. Разлив, 1917 г.

ция была полна вооруженных добровольцев Временного правительства.

Таких случаев, говорящих о мудрой предусмотрительности Ленина, можно было бы привести немало.

«Владимир Ильич, — говорит Надежда Константиновна, — с самого начала своей работы учил товарищей приемам нелегальной работы, что называется школил всех в этом отношении»¹.

Благодаря умелой конспирации и хорошо налаженной связи Ленин сумел, не отрываясь, руководить подготовкой восстания и в решительный момент оказался в центре его — Военно-революционном комитете.

Режим и приемы работы

В период подполья Ленин был, естественно, стеснен в установлении распорядка своей жизни. Постоянная настороженность, готовность к неожиданностям — все это накладывало отпечаток на режим жизни Владимира Ильича. Но и в этот период он не отдался вынужденному безделью. Наоборот, «как раньше Ильич использовал тюрьму и ссылку, чтобы там де-

¹ Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 9.

лать «на свободе» от текущей работы нужную партии работу, так и в этом своем последнем подполье он написал важнейшую работу — «Государство и революция»².

Нужно отметить, что благодаря исключительной работоспособности и скорости мышления Ленин успевал проделывать чрезвычайно трудоемкие работы в минимально короткие сроки.

Вместе с тем он напряженно следил за всем, что делается в Петрограде и во всей России: читал газеты, подробно расспрашивал приезжавших к нему, непрерывно писал инструктивные письма и записки, руководя подготовкой восстания.

Целый ряд совещаний, конференций прошел при его незримом участии. Из своего подполья он направлял работу VI съезда партии (в августе 1917 года), проходившего под непосредственным руководством товарища Сталина. Подготовка восстания играла доминирующую роль во всех его занятиях. «Весь целиком, без остатка, жил Ленин мыслью о восстании, только

² Н. К. Крупская «Ленин в подполье в период перед Октябрем». Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 10.

Шалаш на ст. Разлив, где скрывался В. И. Ленин. 1917 г.

об этом и думал, заражал товарищей своим настроением, своей убежденностью»¹.

В первые дни подполья о введении жизни в определенное русло не приходилось и думать. Зато, попав в Разлив, Владимир Ильич быстро установил твердый распорядок времени и старался его точно соблюдать.

Во время пребывания у Сулимовой Ленин немедленно по уходе сопровождавшего его Свердлова принялся за работу.

«Владимир Ильич, — рассказывает она, — заставил меня купить все выходявшие тогда газеты и стал их читать. Тут же была написана статейка «Новое дело Дрейфуса», напечатанная в «Листке правды» 6 июля»².

Днем здесь состоялось совещание руководящих работников партии, затем шли телефонные переговоры, причем подходила к телефону Сулимова и, лишь узнав, кто звонит, подзывала Ленина. После этого он опять работал над газетами. Приходила Надежда Константиновна — самый верный личный секретарь Владимира Ильича, — поддерживавшая связь с внешним ми-

¹ Н. К. Крупская «Роль Ленина в организации Октябрьской революции». Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 14.

² М. Сулимова «Июльские дни». «Правда» № 159 от 16 июля 1924 года.

Статьи под таким названием в сочинениях Ленина нет. Была им написана 6—7 (19—20) июля статья под названием «Дрейфусиада», не опубликованная вследствие закрытия Временным правительством «Правды» и разгрома ее типографии. Повидимому, автор говорит о какой-либо другой статье Ленина, помещенной в «Листке правды» от 6 (19) июля 1917 года. Их было четыре, и все они писались на ее квартире.

ром (через нее шли бесчисленные записки) и сообщавшая попутно сведения о событиях в городе. Эту роль осведомителя она сохранила до 24 октября, частично разделяя ее с другими товарищами. «Обычно, — рассказывает она, — когда мы жили в России, я могла много свободнее передвигаться, чем Владимир Ильич, говорить с гораздо большим количеством людей. По двум—трем поставленным им вопросам я уже знала, что ему хочется знать, и глядела во всю. И теперь еще не изжила привычку — каждое свое впечатление формулировать мысленно для Ильича»³.

Поселившись у Аллилуева, Ленин первый день совещался с товарищем Сталиным и другими товарищами по вопросу о явке на суд. Затем большую часть времени он проводил в отведенной ему комнате, усиленно занимаясь. Здесь им были написаны статьи и заметки: «В опровержение темных слухов», «Три кризиса», «К вопросу об явке на суд большевистских лидеров», «Политическое положение» и, наконец, перед отъездом — «Письмо в редакцию «Новой жизни»»⁴. Все эти дни «Владимир Ильич был неподражаемо спокоен и заражал всех своим ровным настроением»⁵.

На сеновале домика Емельянова Ленин имел несколько свиданий с товарищами и в то же время усиленно читал газеты и писал.

Устроившись в шалаше, он наладил регулярную работу. Писал книгу «Государство и революция», повидимому, начатую ранее.

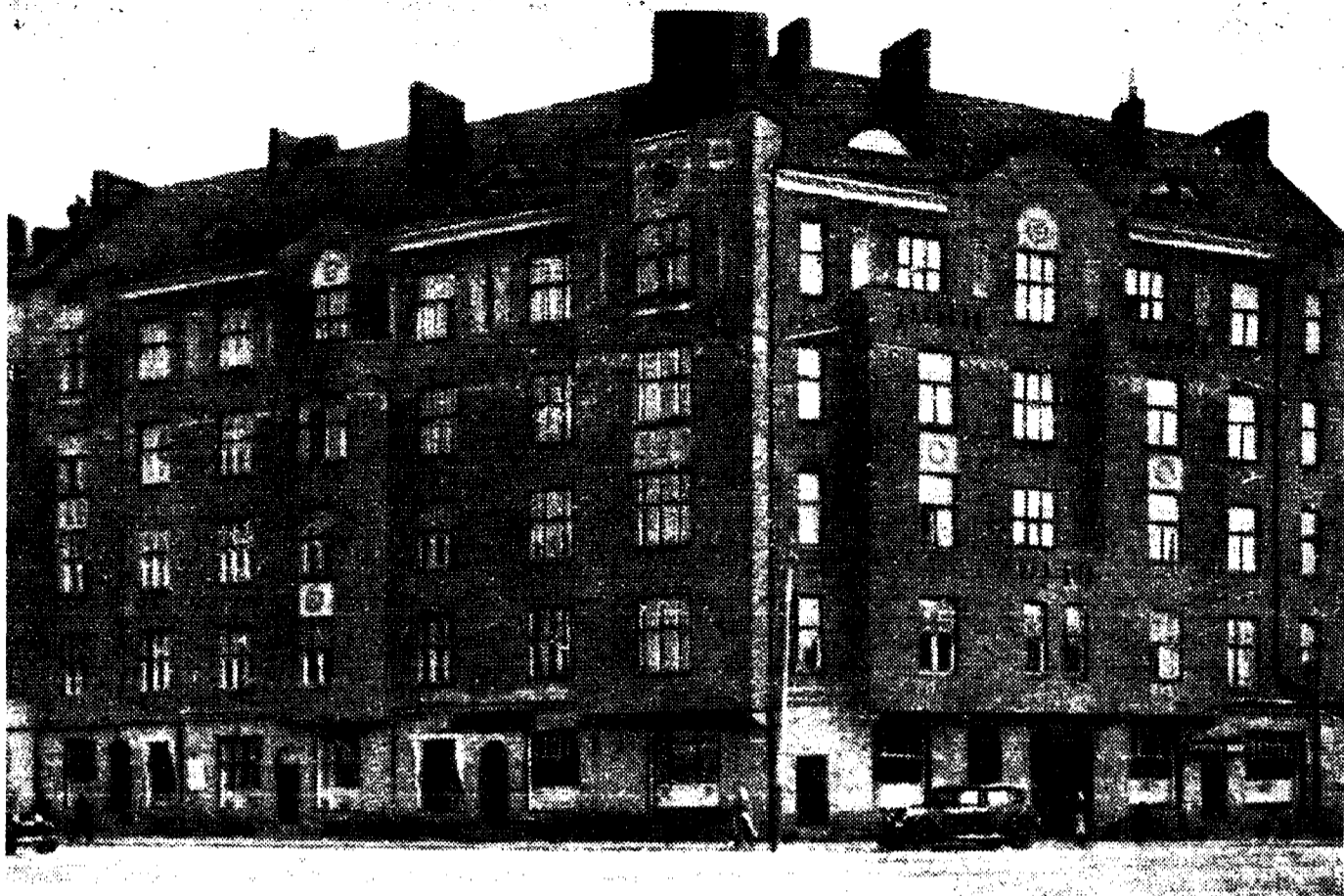
Параллельно Владимир Ильич настойчиво требовал аккуратной доставки газет и выпущенных по поводу июльских событий брошюр, листовок и т. д. «На газеты... он набрасывался с какой-то лихорадочной поспешностью, делал на них какие-то пометки и затем начинал писать»⁶.

³ Н. К. Крупская «Воспоминания о Ленине». Ч. 1-я, стр. 105. Партиздат. 1934.

⁴ Установлено по датам, указанным в XXI томе сочинений Ленина, стр. 19—30.

⁵ Воспоминания Аллилуева. Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 32.

⁶ Шотман «Ленин в подполье». Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 60.

Дом № 1, на Хагневской площади, в Гельсингфорсе, в пятом этаже которого помещалась квартира тов. Ровно.

Утром он купался, завтракал и садился за работу, затем, в порядке отдыха, помогал сушить и убирать сено.

В июле и в особенности в августе рано темнеет, и работать по вечерам было нельзя. Поэтому с наступлением темноты долго сидели вокруг костра и разговаривали.

Характерно, что Ильич жил настолько уединенно, что за все время его пребывания в шалаше у него ни разу не была Н. К. Крупская, чтобы не навести шпиков на его след.

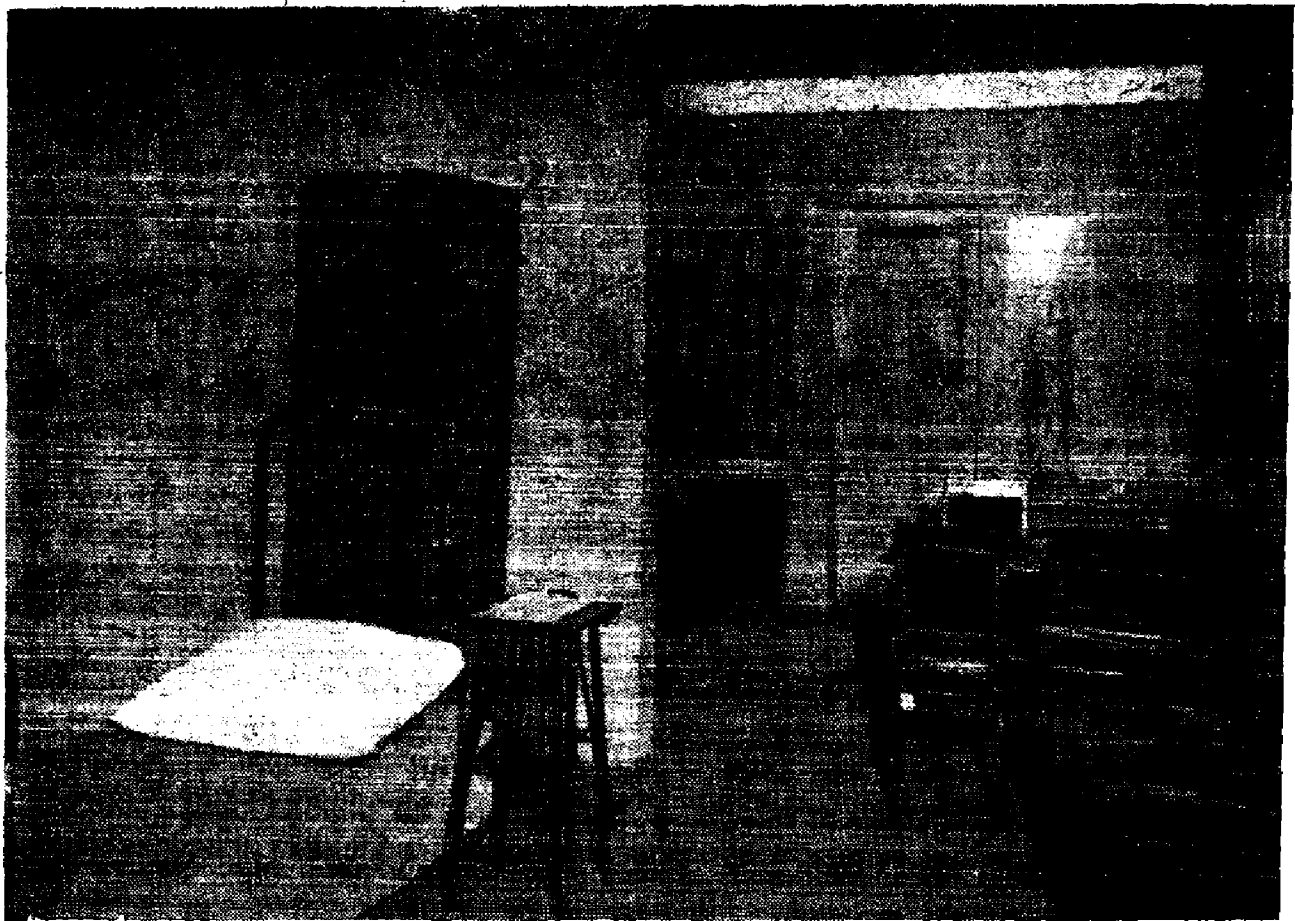
Из города приезжали связисты. В темноте подплывала лодка, гость высаживался, шел по тропинке через кустарник и попал в «апартаменты» Ленина. Начинались беседа, рассказы о городских новостях, бомбардировка пришедшего знаменитыми ленинскими вопросами. Ночевал гость вместе с Лениным в шалаше и на утро отправлялся обратно, увозя записки и устные наказы. Вставал Владимир Ильич рано, торопясь использовать утро и день для занятий. Несмотря на постоянную занятость он находил, однако, время заниматься с сыном Емельянова—Николаем. Что касается любимого отдыха Ленина — прогулок,

то и здесь, из соображений осторожности, пришлось от них отказаться.

В Разливе Ленин написал брошюру «К лозунгам» и статьи: «Ответ», «О конституционных иллюзиях», «Начало бонапартизма», «Уроки революции», «О выступлении Каменева в ЦИК по поводу стокгольмской конференции», «По вопросу о программе партии», «За деревьями не видят леса», «Слухи о заговоре», проекты резолюций VI съезда партии и много записок и мелких статей, до настоящего времени не найденных и не установленных¹.

У Парвизайнен Ленин также постарался установить свой распорядок. Вставал рано утром, садился писать. Когда поднималась детвора, он сейчас же отправлялся в лес собирать грибы и ягоды и купаться. Так же, как в Разливе, Ленин начал с установления порядка доставки газет и налаживания связей с городом. Однако получение газет шло с перебоями. Связь поддерживала жена Рахьи, три раза ездившая сюда из Петрограда.

¹ Время написания указанных выше статей определено на основании дат, помещенных в XXI томе сочинений Ленина, стр. 33—92.

Комната в квартире тов. Ровно, где скрывался В. И. Ленин. 1917 год.

У Ровно Владимир Ильич продолжал работать регулярно и усидчиво. Вставая утром, приготовив себе еду и поев, он садился за работу: читал, делал выписки, писал «Государство и революция», которую в Гельсингфорсе и закончил. В своей работе он пользовался библиотечкой Ровно, которая содержала преимущественно книги по вопросам профессионального движения и деятельности социал-демократической партии за границей¹.

Перелистывая их страницы, можно заметить на некоторых из них подчеркивания в виде горизонтальных, вертикальных, прямых и волнистых линий, любимых Ильичем *pota bene* и т. д. Они очень напоминают характерные для Владимира Ильича пометки.

Однако сказать, что они сделаны именно Лениным, могут только специалисты. Все же характер пометок и тот факт, что Владимир Ильич пользовался этими книгами, дают основания предполагать его авторство, хотя бы в части из них.

Работая днем над книгой, вечера

¹ В настоящее время эта библиотечка, состоящая из 57 книг, находится вместе со всей обстановкой комнаты в Ленинградском музее революции.

Ленин отдавал газетам. Ровно «как улил на вокзале почтовый поезд, и купал газеты и приносил Ленину. немедленно прочитывал их и эти статьи до поздней ночи, на следующий день передавал их для пересылки Питер»².

Только иногда он позволял себе черные прогулки по городу вместе Ровно.

Приходили к Владимиру Ильичу варищи. Приезжали Шотман и Крская. Надежда Константиновна, надевшись крестьянкой, приехала Ленину по его вызову.

«Ильич обрадовался очень, — кричит она. — Видно, как истосковал он, сидя в подполье в момент, когда так важно было быть в центре подготовки к борьбе. Я ему рассказывала обо всем, что знала. Пожила в Гельсингфорсе пару дней. Ильич непременно захотел проводить меня до вокзала, до последнего поворота до Условились, что приеду еще.

Второй раз я была у Ильича не ли через две... Вагон был битком бит солдатами и матросами... Сол

² Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 21.

ты открыто говорили о восстании... Когда я рассказала Ильичу об этих разговорах солдат, лицо его стало задумчивым, и потом уже, о чем бы он ни говорил, эта задумчивость не сходила у него с лица. Видно было, что говорит он об одном, а думает о другом—о восстании, о том, как лучше всего его подготовить»¹.

Сам Ленин ездил с Ровио к гг. Маннеру и Куусинену, видным финским социал-демократическим работникам.

Описанный режим был сохранен и при переезде в семью рабочего в Теле, с тем только различием, что теперь о питании и обслуживании Ленина заботилась хозяйка — жена рабочего.

Живя в Гельсингфорсе, Владимир Ильич вел усиленную переписку с ЦК партии и с товарищем Сталиным, написал много статей. Важнейшие из них — «О компромиссах», «Пугают гражданской войной» и «Грозящая катастрофа». К этому же периоду относятся знаменитые письма в ЦК о подготовке восстания: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание»².

Накопляя фактический материал, Ленин производил кропотливейшую работу по выборкам из газет, на основании которых он с уверенностью делал свои гениальные прогнозы. Чего стоят, например, таблички с подсчетами поданных за большевиков голосов на выборах в городские и районные думы Москвы и Петрограда, которые он показывал Шотману!

Уверенность в близости решающих боев побуждала Ленина передвинуться поближе к Петрограду. В этот период все его внимание, все силы были сосредоточены на продумывании мельчайших вопросов, связанных с восстанием.

И у Латукка в Выборге и в особенности у Фофановой в Петрограде Владимир Ильич жил напряженнейшей жизнью, болезненно переживая каждое колебание в среде своих товарищей по партии. Больше чем кто-либо понимая, какие непоправимые потери

может принести упущенный для выступления момент, Ленин яростно боролся со всеми препятствиями, горячо опровергал оппортунистические возражения Зиновьева, Каменева и других. «Вера в творческие силы масс—это та самая особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции»³. В горячке последних предоктябрьских дней Ленин чувствовал себя как рыба в воде. Он жил в эти дни, не зная отдыха, не чувствуя усталости, остро воспринимая впечатления и отдавая все время подготовке к восстанию.

Потребность иметь под рукой газеты, чтобы быть в курсе событий, занимала первенствующее место. Ленин настоятельно требовал от Фофановой, чтобы каждое утро, к 10 часам, когда он выходил из своей комнаты, были приготовлены свежие номера.

Несмотря на чрезвычайную интенсивность жизни этих дней режим Владимира Ильича в это время был наиболее организованным, размеренным и точным⁴. Засиживаясь за работой до поздней ночи, он вставал в 9—10 часов утра.

После завтрака Ленин уходил к себе заниматься. Еще до еды он начинал просмотр принесенных газет. Читал он газету преимущественно днем и во второй половине дня, после обеда. Лишь огромный навык, исключительно быстрое мышление и способность легко ориентироваться в распределении материала на газетных «простынях» позволяли Ленину быстро проделывать эту работу.

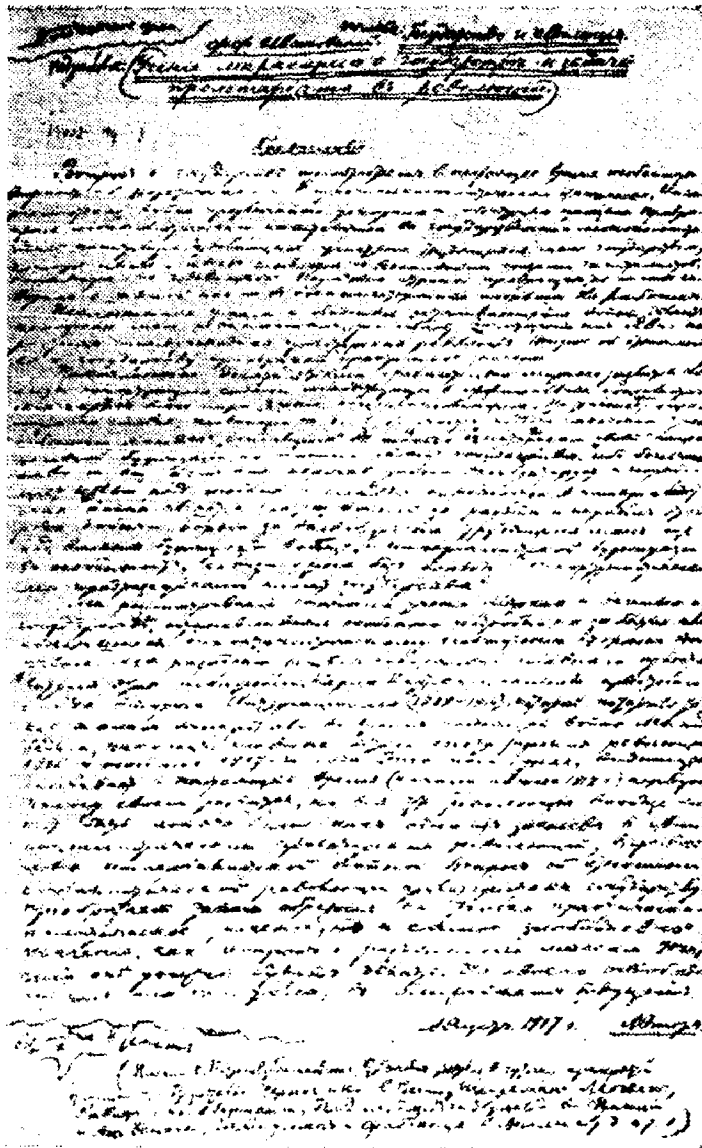
У него была характерная манера чтения газет. Фофанова часто заставляла его в такой позе: развернутая газета лежит на столе, Владимир Ильич стоит на правой ноге, левая поставлена на сиденье стула; согнутая рука опирается о колено локтем, а ладонью подпирает левую щеку; другая рука лежит свободно на столе или подчер-

³ И. Сталин «О Ленине», стр. 27. Партиздат. 1935.

⁴ Нижепомещенные сведения являются краткой сводкой ответов тов. Фофановой, содержащихся в стенограмме опроса ее, проведенного мной 10, 12 и 16 ноября 1934 года. Публикуются впервые.

¹ Сборник «Последнее подполье Ильича», стр. 21.

² Установлено по XXI тому Сочинений Ленина.

Начало рукописи В. И. Ленина «Государство и революция», написанной в период последнего подполья. 1917 год.

квивает синим карандашом важные места текста. Ленин любил ходить во время работы, обдумывая прочитанное или подготовляясь писать. Хотя здесь он был стеснен в этой привычке, но все-таки сохранил манеру делать несколько шагов, почему и читал стоя.

Прочтя номер, он переключивал его на кровать, отоманку или даже на пол и разворачивал следующую газету. Прерывая чтение, он подходил к ранее прочитанным номерам и вновь проглядывал их, видимо, сопоставляя между собой. Поэтому днем комната бывала забросана газетами. К вечеру или ложась спать Владимир Ильич сам их собирал и складывал на этажерку. Вырезок он не делал, по комплектам газеты не подбирал. Обладая исключительной памятью, он требовал лишь, чтобы Фофанова не трогала их, не убирала и не выносила из комнаты без его ведома. Наиболее

нужные номера газет подолгу лежали на столе.

Уходя к себе, он обычно запирался на ключ. Во время работы, в особенности когда он писал, он не любил, чтобы ему мешали, отрывали. Фофанова при входе в комнату условно стучала двумя ударами в дверь.

Иногда, найдя что-нибудь особенно интересное, Ленин входил к Фофановой и делился с ней впечатлениями.

Как уже отмечалось, у Ленина была манера ходить во время работы. «Когда он писал, он ходил обычно быстро из угла в угол и шепотком говорил то, что собирался писать»¹.

По счастью, и Фофанова любила ходить по своей комнате, и соседи к этому привыкли. Ленин поселился в ее комнате и поэтому мог ходить, но только тогда, когда Фофанова была дома, остальное время он должен был сидеть тихо, чтобы не вызвать чьих-либо подозрений.

Однако это соблюдалось далеко не точно, и только по счастливой случайности соседи на это не обратили внимания.

В промежуток между 4 и 5 часами был обед.

После обеда Владимир Ильич отдыхал около часа. Ночью он спал плохо, с перерывами. Кроме того напряженный умственный труд требовал отдыха. Поэтому послеобеденный сон был для него очень существенен. В квартире в это время была тишина: Фофанова старалась уйти из дому; если была Надежда Константиновна, то она тихо сидела и занималась.

Время до ужина, а затем и до глубокой ночи использовалось Лениным для напряженной работы. Именно тогда он писал свои статьи, письма, продумывал содержание прочитанного во время дня.

Некоторые его рукописи переписывала Надежда Константиновна, иногда ей помогала Фофанова. Рукописи и письма Ленина и ими переписанные копии уносились Надеждой Константиновной, Фофановой или Рахьей в Выборгский райком, а оттуда шли дальше.

¹ Н. К. Крупская «Воспоминания о Ленине». Ч. 1-я, стр. 49. Партиздат. 1934.

Живя у Фофановой, Ленин написал ряд статей, много писем, записок и записочек.

Вечерами Владимир Ильич иногда разговаривал с Фофановой. Ходя по комнате, заложив большой палец правой руки за вырез жилета, а левую сунув в карман или держа за спиной, он спрашивал о том, что слышала она в городе, часто говорил на остро волновавшую его тогда тему: удержали ли большевики власть. Разговоры переходили на близкие Фофановой сельскохозяйственные темы¹, причем особенно интересовался Ленин работами по внедрению минеральных удобрений в крестьянских хозяйствах, проводившимися перед войной стебутовским институтом. Эти сведения он использовал вскоре же после Октября и привлек Фофанову к реорганизации министерства земледелия.

Очень часто, а в последние дни каждый вечер, приходил Рахья и, запершись в комнате, рассказывал Ленину новости, получал поручения, записки и прочее.

Появление Владимира Ильича в Петрограде означало фактическое включение его в непосредственное руководство работой ЦК, ПК, военной организации и т. д. Будучи здесь, он мог, пренебрегая опасностью, уже не издали, а лично участвовать в заседаниях, обсуждавших и решавших вопросы подготовки вооруженного восстания. Так, широко известно его участие в заседаниях ЦК 10 (23) и 16 (29) октября, где при поддержке товарищей Сталина, Свердлова, Калининна и других он дал решительный бой Каменеву и Зиновьеву.

Иногда Владимир Ильич по вечерам уходил в сопровождении Рахьи из дому. Это были выходы на деловые свидания с товарищем Сталиным и другими товарищами и на заседания руководящих органов партии. Прогулок в порядке отдыха Ленин себе в эти напряженные дни не позволял. Обычно, уходя с Рахьей, он возвращался домой один: Рахья его сопровождал только до ворот.

Один или два раза он приходил в сопровождении Рахьи на квартиру партийного организатора Лесновско-

¹ Фофанова—агроном по образованию.

го подрайона, рабочего-айвазовца Кокко, где виделся с товарищем Сталиным.

Первая встреча произошла вскоре по приезде Ленина в Петроград. Около 7 часов вечера Рахья привел Ленина на квартиру Кокко (Выборгское шоссе, теперь проспект Энгельса, д. 14, кв. 23), оставил его там, а сам пошел на улицу, навстречу товарищу Сталину. Это было их первое свидание после июльских дней. Беседа продолжалась около двух часов. «Владимир Ильич очень подробно спрашивал товарища Сталина, а тот так же подробно освещал положение дел в Петрограде»².

С этого момента установилась тесная связь между ними. Помимо встреч шла непрерывная переписка через Выборгский районный комитет партии.

Один из членов РК, тов. Свешников, так рассказывает об этом:

«Помню, как однажды «Женя»³ сказала мне: «Вам, тов. Николай, нужно будет время от времени передавать записки товарищу Сталину», — и дала мне адрес на Пески.

Помню, как сейчас, я получал записки Ильича (об этом я догадывался) от «Жени» и на трамвае или же пешком добирался на одну из Рождественских улиц, к тов. Аллилуеву, у которого жил товарищ Сталин.

Однажды товарищ Сталин спросил меня, знаю ли я, от кого эти записки; я ответил, что мне хотя и не говорили от кого, но я догадываюсь, что эти записки от Ильича.

Товарищ Сталин усмехнулся и, по обыкновению, просил меня подождать.

Через 20—30 минут с его запиской я ехал обратно в Выборгский районный комитет и передавал все «Жене»⁴.

Фофанова вспоминает, что Владимир Ильич переслал через нее записку товарищу Сталину, участвовавшему на митинге в Политехническом институте.

Появившись в Смольном, Ленин сразу же послал Рахью за Сталиным.

² Э. Рахья «Мои встречи с Лениным». «Новый мир» № 1, стр. 33. 1934.

³ Егорова, секретарь РК.

⁴ Н. Свешников «Директивы Ленина. Сборник «Об Ильиче», стр. 47—48. Стцэкгиз. 1934.

ТАММЕРФОРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**(ПЕРВАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ, ДЕКАБРЬ 1905 г.)**

Подготовка таммерфорской конференции

Весь ход революции 1905 г. подтвердил правильность большевистских установок и решений III съезда. В процессе борьбы рабочие массы все более убеждались, что только руководимое большевиками всенародное вооруженное восстание может свергнуть царизм.

Часть рабочих, шедшая за меньшевиками, также начала приходить к этому выводу.

Для успешного разворачивания революции, для победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и для борьбы за немедленное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую надо было создать единый фронт рабочего класса под руководством большевиков. Рабочих, еще шедших за меньшевиками, надо было вырвать из-под их влияния, изолировать меньшевистских вождей, разоблачив оппортунистическую сущность их тактики. Надо было добиться единства пролетарских рядов, тяга к которому была чрезвычайно велика среди низовых партийцев.

Социал-демократическая партия вырастала и становилась массовой. «Весной 1905 г., — писал Ленин, — наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией миллионов пролетариата»¹.

В новых слоях социал-демократов, пришедших в ряды партии в 1905 г., была особенно сильна тяга к объединению и созданию единой партии. Но

это единство должно было состояться на основе проведения большевистской линии в революции.

Еще III съезд партии принял резолюцию (не подлежавшую опубликованию), в которой было записано: «Третий съезд РСДРП поручает ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП, причем окончательное утверждение таких условий должно быть предоставлено новому партийному съезду»².

Этим съезд большевистской партии указал на необходимость переговоров об объединении, причем условия этого объединения должны были быть предварительно утверждены новым съездом большевиков.

III съезд большевиков избрал Центральный комитет, в который вошли Ленин, Красин, Богданов, Рыков и Посталовский. На меньшевистской конференции в Женеве, заседавшей одновременно с III съездом в Лондоне, в качестве центра была избрана организационная комиссия, в состав которой вошли Гутковский, Тарасович, Хинчук, Гринзер и Макодзюб. Решения меньшевистской конференции считались необязательными даже для меньшевистских комитетов в России. В организационной комиссии и в редакции меньшевистской «Искры» был полный разброд. Меньшевик Плеханов, недовольный организационной неразберихой, ушел из редакции «Искры».

Для того чтобы сплотить вокруг большевиков основную массу социал-демократических рабочих и изолировать меньшевистских вождей, надо было созвать объединительный съезд совместно с меньшевиками. Но Ленин считал необходимым до объединения размежеваться с меньшевиками, довести до широких рабочих масс решения III большевистского съезда. Он говорил: прежде размежеваться, потом объединиться.

В тот период Ленин и написал свою программную работу «Две тактики пролетариата в демократической революции» (июль 1905 года). В ней Ленин обосновал главный, центральный

¹ Ленин. Т. XII, стр. 301.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1932). Ч. 1-я, стр. 57. Партиздат. 1932.

лозунг большевиков — необходимость организации победоносного вооруженного восстания, завоевания революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства для борьбы за немедленное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В этой работе Ленин разоблачил оппортунистическую сущность всех решений I общероссийской конференции меньшевиков, их отказ от организации вооруженного восстания для свержения самодержавия, отрицание гегемонии пролетариата в революции, отрицание необходимости для пролетариата руководить крестьянством, отрицание контрреволюционной роли русской буржуазии.

В письме в Центральный комитет РСДРП 29 июня (12 июля) 1905 г. Ленин пишет, что объединение с меньшевиками без полного признания решений III съезда недопустимо, что шаги в сторону объединения, «... без реального обеспечения мира, будут лишь фальшивым шагом, еще более запутают дело, вызовут новые расколы, нарушения договоров, пререкания, новое озлобление и только отдалят дело объединения. По моему, все толки об объединении будут пустой фразой, пока не выработается на опыте осуществимый план его: к этому идет дело, надо выждать несколько месяцев, пусть все оценят нелепость решений конференции, пусть опыт разрушит их идиотский «организационный устав», пусть опыт посократит их претензии (ибо, в общем, у нас дела лучше, и мы, явно, идем к победе), — тогда начнутся переговоры прямые, без посредников, между центрами, тогда мы выработаем (сразу или с 2-х, 3-х раз, не берусь сказать, конечно) *modus vivendi* *. А теперь надо бороться»¹.

Объединение с меньшевиками должно было быть проведено на основе признания устава, принятого на III съезде. Предварительные отдельные съезды большевиков и меньшевиков должны были со всей тщательностью обсудить условия объединения. После них только мог быть создан объединительный

В. И. Ленин. 1905 год.

съезд двух партий. Такова была директива Ленина членам Центрального комитета Красину и Богданову, которые повели переговоры с меньшевистской организационной комиссией.

При встрече представителей Центрального комитета и организационного комитета, состоявшейся 12 (25) июня 1905 г., и последующих встречах меньшевики настаивали на немедленном слиянии, без предварительного созыва отдельных съездов большевиков и меньшевиков. Богданов и Красин заняли примиренческую позицию к лидерам меньшевиков.

В «открытом письме Ц.К. в О.К.», нарушая ленинские директивы, Богданов писал: «Что нас раз'единяет? Тактические разногласия. Различия между тактическими резолюциями III съезда и вашей I конференцией настолько незначительны, что постороннему наблюдателю их нелегко даже заметить»².

Так писал примиренец Богданов, в то время как Ленин в «Двух тактиках» с чрезвычайной четкостью указал на большую принципиальную разницу между тактикой революционной, принятой III съездом, и оппортунистической, принятой женеvской конференцией меньшевиков.

* Образ действий. — Ред.

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 7—8.

² «Пролетарий» № 11.

И. В. Сталин. 1905 г.

Ленин подверг резкой критике примиренческую линию Богданова и Красина, которые согласились на условия объединения, выдвинутые организационной комиссией и шедшие вразрез с решениями III съезда большевиков. В письме в Центральный комитет Ленин писал, что, идя на уступки меньшевикам, члены ЦК нарушили волю III съезда:

«Вы пишете, что «речь шла о слиянии на основах III съезда». Помилуйте, господа! Зачем обманывать себя? Зачем ослаблять свою верную позицию явным лицемерием?»¹

И в следующем письме Центральному комитету от 3 октября 1905 г. Ленин предупреждает:

«... Мы не должны смешивать политику объединения двух частей с спутыванием обеих частей. Объединить две части — согласны. Спутать две части — никогда. Разделитесь ясно, должны мы потребовать от комитетов, затем два съезда и тогда объединение. Два съезда в одно и то же время, в одном месте, и они уже обсудят и примут заранее заготовленные проекты соединения.

А сейчас надо бороться самым решительным образом с спутыванием двух частей партии. Я бы советовал дать такой лозунг агентам самым определенным образом и поручить им проводить это в жизнь»².

Ленин в первую очередь настойчиво требовал лучшей организации нашей большевистской партии и только при этих условиях считал возможным окончательно отвоевать у меньшевиков рабочих-партийцев, еще не свободных от меньшевистского влияния.

Письмо в ЦК Ленин закончил следующими словами:

«Давайте готовить реальное объединение, увеличивая свою силу и зарабатывая ясные проекты уставных и тактических норм. А пустых болтунов об объединении, которые спутывают отношения между частями партии, по моему следует устранять из нашей среды беспощадно»³.

К спутыванию двух частей партии стремились также лидеры II интернационала Каутский и Бебель, которые считали разногласия в русской социал-демократии несущественными и поддерживали оппортунистов-меньшевиков. Еще в начале 1905 г. Ленин и большевики отвергли предложение Бебеля созвать третейский суд, который должен был примирить большевиков с меньшевиками.

Лидеры II интернационала поддерживали меньшевиков и их оппортунистическую платформу. Каутский считал себя «беспристрастным» и советовал не распространять немецкий перевод резолюций III большевистского съезда. «Vorwärts» отказался напечатать извещение о III съезде партии.

К концу 1905 г. по всей стране прокатывается волна всеобщих политических забастовок. Для Ленина было совершенно ясно, что российскую всеобщую забастовку необходимо превратить в вооруженное восстание. Еще в октябре 1905 г. Ленин писал:

«Теперь обрисовывается уже тип преобладающей в настоящее время формы революционной борьбы в России: стачка + разрозненные вооруженные стычки...»⁴.

² Ленин. Т. VIII, стр. 247.

³ Там же.

⁴ Ленинский сборник XVI, стр. 215.

Ленин требует перевода движения на высшую ступень:

«Стачка более широкая + восстание более сплоченное и вооруженное. Nil aliud*».

Вооруженное восстание + революционная армия + временное революционное правительство»¹.

Вопрос о едином фронте социал-демократических рабочих на основе большевистских лозунгов приобретает особенно актуальное значение. На заседании ЦК от 9 (22) ноября с участием Ленина было принято обращение «Ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам» по поводу созыва IV с'езда нашей партии.

«Мы созываем IV очередной с'езд Российской Социал-демократической Рабочей Партии, — было сказано в обращении, — на основе устава III с'езда, при чем, в силу предоставленного нам этим уставом права, мы приглашаем на с'езд с совещательным голосом представителей от всей периферии, т.-е. от всех организаций, входящих в партию...»².

Дата созыва IV с'езда была назначена на 10 (23) декабря 1905 года. Одновременно с большевистским с'ездом должен был собраться меньшевистский с'езд. Два с'езда — две партии — должны были обсуждать вопросы партийной политики и условия объединения, а затем слиться в один, объединительный с'езд. На этот объединительный с'езд каждая партия должна была послать равное число делегатов.

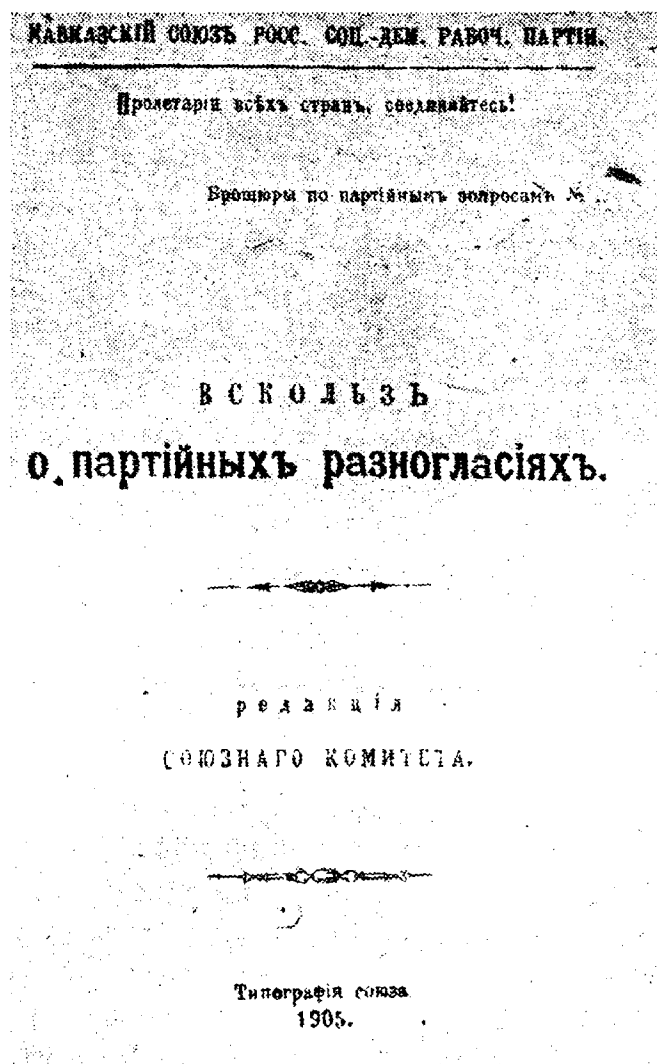
Под давлением рабочих-меньшевиков и твердой линии большевистской партии II общероссийская конференция меньшевиков в конце ноября 1905 г. приняла § 1 устава в ленинской формулировке.

Объединение с меньшевиками, как мы уже сказали, никоим образом не мыслилось Лениным как спутывание двух частей. Борьба с меньшевиками, с их принципиальными и тактическими установками в период подготовки объединения не только не ослабела, но, наоборот, достигла большей остро-

ты и интенсивности. Она развернулась по всей России. Образцом этой борьбы может служить борьба с меньшевиками в Закавказье, которую вел большевистский Союзный комитет, руководимый товарищем Сталиным. Еще в январе 1905 г. Кавказский союзный комитет поставил своей целью организацию вооруженного восстания против самодержавия. В прокламации от 26 марта 1905 г. Союзный комитет со всей четкостью сформулировал идеи гегемонии пролетариата в революции. Большевистская газета «Кавказский рабочий листок» в марте 1905 г. выдвинула уже совершенно конкретные практические задачи перед социал-демократами и всем пролетариатом и крестьянством Закавказья:

«1. Решительная, отчаянная схватка. 2. Революционная армия, организованная в процессе этой «схватки». 3. Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в виде временного революционного правительства, выдвинутого в результате победоносной «схватки».

А меньшевики в Закавказье весной

Брошюра И. В. Сталина. 1905 г.

* Ничего иного. — Ред.

¹ Ленинский сборник XVI, стр. 215.

² Ленин. Т. VIII, стр. 463.

Диспут с меньшевиками.

С картины Кроткова. 1906 г.

1905 г. разрабатывали тактические резолюции, которые легли в основу решений меньшевистской женеvской конференции. Кавказские меньшевики в своей резолюции «предупреждали» социал-демократов об «опасности» руководства вооруженным восстанием. Если будет создано революционное правительство, писали они, буржуазия обязательно отшатнется от дела революции и тем ослабит ее размах.

Ленин в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» особо останавливался на откровенно оппортунистической позиции грузинских меньшевиков. Вскрывая их буржуазную сущность, он писал: «Да не по ошибке ли назван грузинский орган «Социал-Демократом», вместо того, чтобы быть названным «Освобождением»?»¹.

В газете тифлисских меньшевиков «Социал-демократ» печатались фельетоны Ноя Жордания под названием «Большинство или меньшинство», переизданные позже меньшевистской «Искрой» в виде отдельной брошюры. Большевики по заслугам называли

брошюру Жордания «черносотенной литературой». Кавказский союзный комитет в ответ на фельетоны Жордания выпустил на ряде языков боевую брошюру товарища Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», в которой товарищ Сталин защищает ленинское учение о партии, ленинскую политику и показывает оппортунистическую природу меньшевиков, в том числе и закавказских.

Товарищ Сталин заканчивает брошюру словами: «... мы видели, что вожди «меньшинства» не подчинили свое «я» нашему святому делу, мы видели, что именно эти вожди начали дряблеть хныканье, когда остались в «меньшинстве» на втором съезде, мы видели, что именно они плакали «из-за первых мест» после съезда и именно из-за этих мест пошли они на партийные разногласия... Это ли ваш пролетарский характер? Почему же стали на нашу сторону рабочие в некоторых городах? — спрашивает «меньшинство». Да, наверно, на сторону «меньшинства» стали рабочие в некоторых городах, но этим ничего не доказывается. На сторону ревизионистов (оппортунистов) стали рабочие в не-

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 67.

которых городах Германии, но это еще не значит, что они оппортунисты. Недаром говорится:

«Орлам случается на землю опустаться, но курам никогда до облак не подняться».

Теперь ясно, на какой почве возникли партийные разногласия. Нечего и говорить, что в нашей партии выяснились двоякого рода тенденции: тенденция к пролетарской устойчивости и тенденция к интеллигентскому шатанию. Выразителем интеллигентской тенденции является нынешнее «меньшинство». Покорным слугой этого «меньшинства» является тифлиссский «Комитет» и его «Социал-демократ».

Закавказские большевики во всех промышленных районах Закавказья: Баку, Тифлисе, Кутаисе, Чиатурах, Самтреди, Потти и др. — развернули большую идейно-организационную борьбу против меньшевизма, разоблачая оппортунизм и предательскую роль меньшевиков в революции, большевики укрепляют свои партийные организации, завоевывая на свою сторону рабочих—социал-демократов.

Тифлиссское бюро большевиков проводит дискуссию с меньшевиками в ряде городов и районов.

Большая дискуссия прошла в Тифлисе среди социал-демократических рабочих железнодорожных мастерских, депо, завода Адельханова, табачных фабрик и др. На этих дискуссиях товарищ Сталин разоблачает меньшевистских лидеров: Ноя Жордания, И. Церетелли, Н. Рамишвили и др.

Во время дискуссии в Батуме товарищ Сталин выступал против Н. Рамишвили, Р. Арсенидзе и других главарей меньшевиков.

Ряд дискуссий проводился одновременно в Чиатурах, почти во всех марганцевых рудниках (Перевиси, Шукурты и др.). От большевиков на этих дискуссиях опять выступал товарищ Сталин.

На чиатурских дискуссиях меньшевики потерпели полное поражение. В результате дискуссии подавляющее большинство социал-демократических рабочих примкнуло к большевикам.

Товарищ Сталин организовал в Чиатурах большевистский уездный комитет партии, выделил группу про-

пагандистов из передовых рабочих—активистов, а также подготовил специальную группу актива для работы среди крестьян Чиатурского района.

В Петербурге, Москве, на Урале, в Донбассе, в Иваново-Вознесенске, Иркутске, Чите и других городах, где руководили партийными организациями большевики, в борьбе с меньшевиками развертывалось революционное движение рабочих, крестьян и солдат, подготавливалось вооруженное восстание. На этой основе происходил отход меньшевистских рабочих от их вождей и переход на сторону большевизма.

Работа и решения I большевистской конференции в Таммерфорсе

IV большевистский съезд партии был назначен на 10 (23) декабря. Местом для съезда выбрали Таммерфорс — промышленный город в Финляндии. Но вооруженное декабрьское восстание в Москве и забастовки на железных дорогах задержали проезд ряда товарищей (не прибыли делегаты Москвы, Самары, Нижнего Новгорода, Урала).

Вместо съезда была объявлена конференция. Ленин писал: «Эта конференция, в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, выбранных более чем 4.000 организованных членов партии, заменила собой намеченный и объявленный Центральным Комитетом IV съезд партии. Съезд не мог состояться, вследствие железнодорожной забастовки, московского восстания и различных событий в самых различных концах России. Но съехавшиеся делегаты организовали конференцию «большинства»...»¹.

На I большевистской конференции в Таммерфорсе присутствовал 41 делегат от следующих комитетов: Петербургского, Сибирского союза, Тифлисского, Тульского, Николаевского, Тверского, Костромского, Таганрогского, Саратовского, Уфимского, Тамбовского, Рижского, Нарвского, Казанского, Ярославского, Самарского, Воронежского, Вятского. От ЦК и ЦО присутствовали Ленин, Красин и Румянцев.

¹ Ленин. Т. IX, стр. 13.

Всесоюзная железнодорожная забастовка в 1905 г.

С карт. Савицкого.

Товарищ Сталин и передовой рабочий Георгий Телия были посланы делегатами от закавказских большевистских организаций. Товарищ Сталин принимал активное участие в работах конференции и был избран в политическую комиссию по редактированию резолюций конференции.

На конференции товарищ Сталин лично связался с Лениным, которого знал раньше только по переписке.

«Вот как вспоминает о переписке товарища Сталина один из участников лейпцигской группы большевиков Д. Сулиашвили:

«От товарища Сталина мы получили вдохновенные письма о Ленине. Письма получал тов. М. Давиташвили¹. Товарищ Сталин в этих письмах восхищался Лениным, его неуклонной, чисто марксистской тактикой, решением с его стороны вопросов партийного строительства и т. д. В одном из

писем товарищ Сталин называл Ленина «горным орлом» и восторгался его непримиримой борьбой против меньшевиков. Мы эти письма переслали Ленину и скоро получили от него ответ, в котором он Сталина называл «пламенным колхидцем» (Из воспоминаний Д. Сулиашвили)².

Вот что рассказывает товарищ Сталин о своей первой встрече с Лениным:

«Замечательны были две речи Ленина, произнесенные на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление,—все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

¹ М. Давиташвили в 1905—1907 гг. состоял членом Кавказского союзного комитета РСДРП.

² Цит. по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 39. Партиздат. 1935.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то всеильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства»¹.

На таммерфорсской конференции были заслушаны доклады делегатов о работе местных партийных организаций и отчет Центрального комитета РСДРП. Ленин выступил с докладом о текущем моменте. Конференция обсудила вопросы об объединительном съезде, о реорганизации партии, о тактике нашей партии по отношению к Государственной думе и аграрный вопрос.

Протоколы конференции² не сохранились. Но по всем вопросам повестки дня были приняты резолюции.

Тов. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о Ленине пишет:

«В середине декабря состоялась таммерфорсская конференция. Как жаль, что не сохранились протоколы этой конференции! С каким подъемом она прошла! Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять. Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов, и торжественность этого собрания соответствовала целиком настроению делегатов. Вряд ли кто из бывших на этой конференции делегатов забыл о ней. Там были Лозовский, Барановский, Ярославский, многие другие. Мне запомнились эти товарищи потому, что уж

¹ И. Сталин «О Ленине», стр. 22 — 23. Партиздат. 1935.

² Партийная конференция в Таммерфорсе происходила с 24 (11) по 30 (17) декабря 1905 года.

**Российская
Социаль-Демокр. Рабочая Партия.**

**Пролетарии
всѣхъ странъ,
соединяйтесь!**

Петербургскіе Рабочіе!

Граждане Петербурга!

**Бойкотируйте полицей-
скую фальшивую Государ-
ственную Думу!**

**Отказывайтесь отъ вся-
нихъ выборовъ по закону
11 декабря!**

**Требуйте созыва Учреди-
тельного Собранія на основѣ
всеобщаго, прямого, равнаго
и тайнаго голосованія!**

**Объед. Петерб. Комитетъ
Р. С.-Д. Р. П.**

Типографія Об. Центр. Комитета.

Листовка РСДРП. 1906 г.

больно интересны были их «доклады с мест».

На таммерфорсской конференции, где собрались только большевики, была принята резолюция о необходимости немедленной подготовки и организации вооруженного восстания»³.

Таммерфорсская конференция высказалась за немедленное слияние центров и местных параллельных организаций. Объединенный ЦК должен был организовать объединительный съезд.

³ Н. К. Крупская «Воспоминания о Ленине», стр. 110 — 111. Ч. 1-я и 2-я. Партиздат. 1934.

Оратор призывает к забастовке на заводе.

Журнал «Искра». 1906 г.

Таммерфорсская конференция считала возможным, после того как проведена была большая разъяснительная работа и большевистские лозунги начали претворяться в жизнь, подготовить созыв объединительного съезда. Выборы на съезд должны были проходить после предварительного обсуждения тактических платформ большевиков и меньшевиков. Во время проведения выборной кампании на объединительный съезд большевики продолжали разоблачать оппортунистическую тактику меньшевиков.

Конференция сочла необходимым использовать обстановку некоторой свободы, вырванной всеобщей октябрьской забастовкой, и реорганизовать партию, осуществляя принцип демократического централизма, проводить выборное начало в партии, устраивать областные конференции, шире связываться с массовыми организациями.

Еще в статье о реорганизации партии в ноябре 1905 года Ленин писал: «Вообще говоря, теперешним расширением свободы действия мы, социал-демократы, должны пользоваться всячески, и чем обеспеченнее будет эта свобода, тем энергичнее будем мы вы-

двигать лозунг: «в народ!» Теперь инициатива самих рабочих будет проявляться в таких размерах, о которых мы, вчерашние конспираторы и «кружковики», не смели и мечтать. Теперь воздействие идей социализма на массы пролетариата идет и будет идти такими путями, которых мы зачастую совершенно не в состоянии будем проследить»¹.

Ленин уже на III съезде, весной 1905 г., выразил пожелание, чтобы в комитетах партии на 2 интеллигентов приходилось 8 рабочих, а в конце 1905 г. он считал, что на одного члена партии из социал-демократической интеллигенции должно быть несколько сот рабочих—социал-демократов. В отличие от меньшевиков, которые при всех обстоятельствах требовали широкой демократии, большевики всегда стояли за необходимость строго централизованной партии, которая в зависимости от условий меняет методы и формы своей работы. В решениях таммерфорской конференции было сказано, что сейчас возможно проведение «... широкого выборного начала с предоставлением выборным

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 378.

центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, на ряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий»¹.

Используя все возможности для расширения выборного начала в партии, Ленин в то же время энергично боролся против ликвидаторских элементов, которые пытались уничтожить подпольную организацию партии. До тех пор, пока самодержавие не уничтожено, подпольная партия должна быть сохранена.

Ленин выступал докладчиком по аграрному вопросу на таммерфорской конференции. Программа отрезков, т. е. возврат крестьянам тех земель, которые у них были отрезаны при проведении реформы 1861 г., на этом этапе революции уже оказалась недостаточной. III съезд РСДРП по докладу Ленина принял тактическую резолюцию по крестьянскому вопросу, в которой было сказано, что большевики поддерживают все революционные мероприятия крестьянства, способные улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих земель. В резолюции таммерфорской конференции по докладу Ленина было записано: «...пункт об отрезках устранить; вместо него поставить, что партия поддерживает революционные мероприятия крестьянства вплоть до конфискации всей государственной, церковной, монастырской, удельной, кабинетской и частновладельческой земли, ставя своей главной и постоянной задачей самостоятельную организацию сельского пролетариата...»².

Ленин видел, что крестьянство готово к борьбе под руководством пролетариата против царя и помещиков, что пролетариат созрел для борьбы против буржуазии, а деревенская беднота выступает против кулацкой кабалы. Эти две социальные войны и являются показателем необходимости и возможности не только победы буржуазно-демократической революции, но и ее немедленного перерастания в революцию социалистическую.

Одним из центральных вопросов на

¹ ВКП(б) в резолюциях. Ч. 1-я, стр. 63. Партиздат. 1932.

² Там же, стр. 64.

таммерфорской конференции был вопрос о Государственной думе.

Революционная борьба рабочего класса заставила царское правительство пойти на некоторый маневр, с тем чтобы затормозить революционное движение и сохранить самодержавие. 6 августа 1905 г. был опубликован проект министра внутренних дел Булыгина о созыве совещательной Думы. По проекту Булыгина, пролетариат и беднота отстранялись от участия в выборах. Лишены были голоса женщины и евреи. Установлен был возрастной ценз в 25 лет, имущественный ценз (избиратели должны быть собственниками) и оседлость (постоянно жить в одном месте). Дума не имела права обсуждать бюджет, военные расходы и т. п. Все решения Думы должны были иметь только совещательный характер и утверждаться Государственным советом.

Большевики выступили за активный бойкот булыгинской Думы. За бойкот стояла также и мелкая буржуазия, представители союза врачей, инженеров и другие организации, объединенные в «Союз союзов». Что означал активный бойкот? Это было не простое отстранение от выборов, а широкое использование избирательной кампании, использование всех возможных легальных условий для агитации против царизма, за организацию революционных сил и подготовку вооруженного восстания.

Меньшевики, исходя из своей линии приспособления к либеральной буржуазии, выступили за поддержку булыгинской Думы. Но так как рабочие были лишены возможности участвовать в выборах в Думу, меньшевики предложили передоверить защиту интересов рабочих буржуазии, которая должна дать словесное обещание продолжать в Думе борьбу против самодержавия. Затем, по замыслу меньшевиков, из тех, кто не имеет права выбора в Думу, создадутся самочинные агитационные комитеты, которые в один из благоприятных моментов соберутся во всероссийском масштабе, объявят себя «народной Думой» и будут оказывать революционное давление на представителей либеральной буржуазии в Государственной думе. На местах, заявляли меньшевики, из

Арестованные крестьяне Самарского уезда, участники аграрного восстания 1906 г.

коллегии буржуазных выборщиков будут созданы органы «революционного самоуправления».

Ленин разоблачил либерально-монархическую тактику меньшевиков, их попытку заменить лозунг вооруженного свержения самодержавия и установления новой революционной власти лозунгом «революционного самоуправления». Никакого «революционного самоуправления» на местах не могло быть без победы вооруженного восстания и установления революционного правительства в центре.

Всеобщая октябрьская забастовка 1905 г. смела булыгинскую Думу и подтвердила правильность большевистской тактики. Закавказские меньшевики, которые занимали в лагере оппортунистов самые оголтелые позиции, приветствовали царский манифест 17 октября, считая, что Россия уже стала конституционной страной. Большевики Закавказья во главе с товарищем Сталиным усилили борьбу за организацию вооруженного восстания.

После манифеста 17 октября 1905 г. развернулась борьба большевиков с меньшевиками по вопросу об участии в I государственной думе. В I думе избирательные права распро-

странялись также на среднюю, мелкую буржуазию и на отдельные группы рабочих. Сохранен был возрастной ценз и оседлость. I дума имела право уже не только совещаться, но и издавать отдельные законы. Большевики продолжали проводить свою старую тактику активного бойкота. Нужно было разбить конституционные иллюзии, которые сеяли в массах буржуазия и ее подголоски—меньшевики. Нужно было не ослаблять, а усиливать работу по организации и подготовке вооруженного восстания. Меньшевики, ориентируясь на Думу, а не на вооруженное восстание, выдвинули так называемый «полубойкот». Смысл этой мудреной тактики заключался в следующем: на первых ступенях участвовать в выборах (уполномоченных на местах, а затем выборщиков в губернских центрах), а дальше—объявить бойкот и делегатов в Думу не избирать. В Думу идти, но не дойти до нее. Меньшевики своей оппортунистической тактикой сеяли конституционные иллюзии и вносили разложение в революционный фронт пролетариата.

Активный бойкот Государственной думы был необходим для осуществления боевой тактики—использова-

Баррикады на улицах Москвы. Декабрь 1905 г.

ния революционного кризиса и мобилизации масс на вооруженное восстание. «Полубойкот» меньшевиков способствовал срыву вооруженного восстания и имел своей целью выслужиться перед буржуазией.

Когда присутствовавший на таммерфорсской конференции в качестве гостя меньшевик Гуревич-Смирнов ознакомил конференцию с меньшевистской тактикой «полубойкота», товарищ Сталин выступил с резкой отповедью, указав, почему в интересах вооруженного восстания необходим активный бойкот.

В резолюции таммерфорсской конференции, разработанной комиссией, куда входили Ленин и Сталин, было сказано: «Конференция полагает, что социал демократия должна стремиться сорвать эту полицейскую Думу, отвергая всякое участие в ней. Конференция советует всем партийным организациям широко использовать избирательные собрания не для того, чтобы производить, подчиняясь полицейским ограничениям, какие бы то ни было выборы в Государственную Думу, а для того, чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию за вооруженное восстание. Восстание должно быть немедленно подготовлено, организовано повсюду, ибо только его победа даст возмож-

ность создать действительное народное представительство, т. е. свободно избранное Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»¹.

Через 15 лет в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин писал, что если бросить взгляд на весь ход революции 1905 г., то декабрьское восстание в Москве было наивысшим этапом борьбы и после его поражения можно было участвовать в I думе, которая собралась весной 1906 г., используя ее как трибуну для организации сил революции. Но это совсем не означало, что меньшевистская тактика была правильна. Тактика меньшевиков была буржуазной: она означала отказ от вооруженного восстания, не говоря уже о той путанице, которую она вносила «полубойкотом». После разгона I думы, меньшевистский ЦК выдвинул лозунг за созыв Думы как органа власти. Ленин и большевики вновь развернули агитацию за всенародное вооруженное восстание. В этот период происходили восстания в Сибири, Кронштадте, Свеаборге и ряд крестьянских восстаний. В связи с I думой и ее разгоном большевики высказались за создание «исполнительного коми-

¹ ВКП(б) в резолюциях. Ч. 1-я, стр. 64—65. Партиздат. 1932.

тета левых групп» совместно с представителями крестьянства, которые создали в I думе группу трудовиков и высказались за передачу крестьянам помещичьей земли. Меньшевики продолжали проводить свою линию соглашения с либерально-монархической буржуазией.

Поражение декабрьского вооруженного восстания в Москве Ленин не рассматривал как поражение революции. В начале марта 1906 г. Ленин писал: «...период относительного затишья следует рассматривать не как поражение сил революции, а как период накопления революционной энергии, усвоения политического опыта пройденных стадий, вовлечения новых слоев народа в движение и, следовательно, подготовки нового еще более могучего революционного натиска»¹.

Ленин после поражения декабрьского вооруженного восстания указывал, что надо неуклонно готовить новое вооруженное восстание, надо поощрять партизанские выступления боевых дружин, пролетарские центры должны догонять Сибирь, Кавказ, Польшу, где восстание подготовлено.

¹ Ленин. Т. IX, стр. 40.

Большевики первыми вступают в бой за вооруженное свержение ненавистного господствующего строя и последними уходят с поля битвы. Восстание в Москве потерпело поражение, большевики будут готовить новое восстание. В обстановке некоторого отлива революционной волны нужно использовать трибуну Государственной думы для разоблачения политики господствующих классов, для мобилизации и организации революционных сил.

Таммерфорсская конференция была первой большевистской конференцией, органически примыкавшей к III съезду.

Таммерфорсская конференция, в работах которой наряду с В. И. Лениным принимал участие И. В. Сталин, наметила путь борьбы за массы, за тактику завоевания на сторону большевиков социал-демократических рабочих, которые еще шли за меньшевиками. Решения таммерфорсской конференции показывали, как нужно последовательно и до конца разоблачать оппортунистов — агентуру буржуазии в рабочем движении, подготавливая и организуя вооруженное свержение царизма.

Н. Рубинштейн

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА УКРАИНЕ В XVII ВЕКЕ

1

В XII—XIII веках на землях Украины — в Киевском, Галицко-Волынском, Черниговском княжествах — шел быстрый процесс феодального раздробления, распада на мелкие обособленные феодальные владения. Превращение этих земель в арену борьбы соседних, более сильных феодальных образований надолго закрепило здесь распыленное состояние.

В середине XIV века украинские земли разошлись по рукам, войдя в подчинение отдельным внешним политическим центрам: Галиция и Западная Волынь были захвачены Польшей; остальная Волынь, Подолия, Берестейская земля оказались под властью Литвы; Киевская земля, Переяславщина, Путивль и Курск были непосредственно подчинены Золотой Орде, а часть Черниговских земель тянуло к себе великое княжество Московское. Лишь к концу XIV века, в княжение Ольгерда, происходит объединение этих земель (за исключением владений Польши) под властью Литвы: Киев был подчинен Литве в 1362 году, земли к востоку от Днепра — в 70—80-х годах XIV века. Но и под властью Литвы эти земли сохранили свою внутреннюю обособленность и особую политическую организацию, которую пытались ликвидировать административными реформами только во второй половине XVI века.

Между тем в самом Литовском княжестве в конце XIV века происходят

значительные изменения. В 1386 году состоялся брак польской королевы Ядвиги и литовского великого князя Ягайла, на основе заключенной в 1385 году в местечке Крево унии. Эта уния положила начало объединению Литвы с Польшей, осуществляемому в интересах феодальной верхушки Литвы и Польши с явным преобладанием последней. Украинским землям отводилась служебная, подчиненная роль в этом союзе: они вынуждены были участвовать в польско-литовских походах на северозападе (борьба с немецкими орденами в Прибалтике) и на северовостоке (борьба с Новгородом, с Московским княжеством), в которых сами они заинтересованы не были. Вместе с тем они становились предметом эксплуатации со стороны польско-литовских магнатов. Поэтому украинские земли занимают враждебную позицию и становятся очагом сепаратистских движений в Литовско-русском государстве.

Однако в XVI веке польско-литовская верхушка находит себе неожиданного союзника в выступающей на Украине новой силе — украинском магнатстве, владеющем крупными феодальными хозяйствами, складывающимися к этому времени на Украине.

С упадком Золотой Орды уже в XV веке затихает внешняя борьба на территории Украины. Заселение Запорожья, где складывается украинское казачество, создает внешнее прикрытие и в старых украинских землях: на Киевщине, Волыни, Подолии, — получивших в это время название «волости» («власти» — территории с организованной государственной властью), совершается запоздалый процесс экономического развития: вырастают крупные земельные владения с большим зерновым и скотоводческим хозяйством, быстро поглощающие прежнее распыленное землевладение мелкой шляхты и закрепощающие широкие массы украинского крестьянства.

В центре этого владения стоит барский двор с барской землей, обраба-

тываемой крепостным крестьянством (фольварк). Литовские статуты 1529 и 1566 годов и специальная «Устава на волоки» 1557 года вводят строгие нормы крестьянских наделов (волоков) и барщинных повинностей, исчисляемых в 3 дня в неделю, но дополняемых экстренными массовыми «толоками» (сенокосными работами) и полевыми уборочными работами. Крестьяне объявляются «отчичами» (наследственными), «заседелыми», «непохожими» (т. е. старожилами, не имеющими права перехода). На барском фольварке накапливаются крупные зерновые запасы, исчисляемые сотнями тонн.

Эти хлебные запасы крупный феодал-магнат стал вывозить на Запад через Польшу, к Гданскому порту (Данцигу), и оттуда в Западную Европу, представлявшую большой спрос на зерновые и лесные продукты Украины.

Появляются крупнейшие украинские магнаты: князь Острожский (владелец около 80 городов и местечек и около 2700 сел и деревень), Корецкие, Збаржские, Ружинские и другие.

Эти-то магнаты оказались заинтересованными в теснейшем союзе с Польско-литовским государством, административный аппарат и военная организация которого должны были обеспечить им господство над украинским крестьянством и над заявляющей свои политические притязания украинской мелкой шляхтой, вытесняемой со своих земель наступлением магнатства.

В 1569 году в Люблине собрались на сейм феодалы Польши, Литвы и украинских земель. На очереди снова стоял вопрос об окончательном объединении (унии) всех земель. Фактически это объединение означало передачу земель под власть Польши. На этот раз вопрос решили украинские делегаты. В то время как литовские паны, несогласные с условиями, выставленными Польшей, уехали с сейма, украинцы непосредственно договорились с польскими феодалами и подписали акт о присоединении украинских земель к Польше.

В союзе с польскими магнатами они захватывают в свои руки все управление украинскими землями. Они пред-

ставляют украинские земли в польском сенате, занимают высшие посты в самой Украине. Из их числа назначаются воеводы — правители отдельных областей, каштеляне — коменданты крепостей и т. д. В их же руках сосредоточиваются и лучшие украинские земли. Мелкие местные феодалы находятся у них в фактическом подчинении.

Уния открывает доступ на Украину и польскому магнату, который продвигается бок о бок с украинским магнатом и объединяется с ним в общей захватнической политике. Так множатся владения польских магнатов: Потоцких, Калиновских, Конецпольских. К концу XVI века все украинское Правобережье разобрано ими, и наступление переносится на Левобережье, где тоже появляются крупные владения Тышкевичей, Конецпольских, Вишневецких (последний захватил всю Полтавщину и подчинил себе свыше полсотни местечек и сел и около 40 тысяч крестьянских дворов).

Чтобы сильнее закрепить свое внутреннее единство, господствующий украинско-польский магнатский блок дополняет политическую унию церковной, проведенной в Бресте в 1596 году.

Обе унии (Люблинская и Брестская) — дело господствующей феодальной верхушки. Церковная уния была своеобразным соединением православной и католической церкви с подчинением православной церкви папе римскому. В этой унии были больше всего заинтересованы высшие чины православной церкви — церковные магнаты, которые подобно магнатам светским обеспечивали себе этим путем политические и землевладельческие привилегии, присвоенные в Польском королевстве только католическому духовенству. Уния способствовала вместе с тем культурному сближению польских и украинских магнатов и укрепляла внутреннюю спайку между ними.

Самая история унии открывается столкновением феодальной церковной иерархии с растущей мещанско-казацкой оппозицией, которая, защищая свою национальную самостоятельность, отстаивает вместе с тем и свою национальную религию и культуру.

Захватническая политика польских и украинских магнатов, поддержанная польским правительством, вызывает упорное сопротивление постепенно смыкающихся, объединяющихся между собой сил украинского крестьянства, шляхты и мещанства левобережных городов.

Против все увеличивающегося крепостнического гнета нарастает широкая волна крестьянских движений. Крестьяне бегут в южную степь и собираются на днепровских островах у порогов, где создают свою военную организацию — Запорожскую Сечь. Отсюда они начинают с конца XVI века упорную борьбу с укрепившимся на волости феодалом.

Поднимается на борьбу и мелкий украинский феодал — мелкий шляхтич, — земли которого завоевывает магнат, превращая его самого в зависимого человека (часть этих обезземеленных землевладельцев опустилась до положения крестьянства и была закрепощена; таковы слуги путные и бояре панцырные в имениях украинского магната). Из этой среды вышли вожди первых крупных казацких восстаний — Косинский и Наливайка, бывшие шляхтичи, земли которых захватили князья Острожские. Наиболее сплоченными гнездами расположилась эта шляхта в самом Поднепровье — шляхта любецкая и шляхта остерская.

За ними идет и украинский город, также растущий и крепнущий на базе экономического роста Украины. Правда, быстрый рост магнатства на Правобережье не дал здесь развиваться и укрепиться городской организации, поглощенной магнатерией. Но на Левобережье, куда магнатство проникает позже, город значительно укрепился, развил промысловую деятельность и широкую посредническую торговлю между Москвой с одной стороны и Турцией с Крымом на юге, Польшей и Германией на западе — с другой стороны. Левобережные города связались также прочными торговыми нитями с украинскими городами на западе: Львовом, Дубно, Ровно и другими. Сталкиваясь с магнатством в борьбе за свои земли и промысловые угодья, городское торговое мещанство

выступает против польского политического господства, под защитой которого двигались гданский купец и его агент, еврей-орендарь; прибирающие к рукам местную торговлю.

Таковы те социальные группы, которые объединились в борьбе с магнатско-польским блоком, выдвигая каждая свою отличную классовую программу, но сходясь в вопросе о необходимости национальной концентрации. В эти классовые группировки органической частью вошло и украинское казачество.

Для старой, буржуазной историографии казачество являлось внеклассовой национальной организацией, представляющей бесклассовую украинскую нацию в ее борьбе с польским господством. Этим изгонялось изучение классовой борьбы из истории Украины и, таким образом, выпадало понимание тех живых классовых сил, которые вели эту борьбу.

Но этой же внутренней ограниченностью страдала и господствовавшая в нашей, марксистской историографии школа Покровского, сохранявшая то же нерасчлененное понятие казачества и говорившая о «казацкой революции» XVII века.

Лишь на самых ранних этапах, в XVI веке, казачество могло сохранять первичный характер военно-промыслового союза. Бежавший из волости в южные степные просторы, крестьянин выступал здесь охотником, рыболовом, просто военным добытчиком. Но, осевши и сложившись в прочную организацию, запорожское казачество пережило общий процесс расслоения. На Днепре, на острове Хортице, расположился его центр — кош Сечи Запорожской, где жила казацкая старшина и сосредоточено было управление. Эта старшина располагала значительной военной добычей и торговыми доходами, богатыми зимовниками (усадыбы зажиточных казаков в запорожской степи). Сами сечевики сохраняли непосредственную связь с волостью, зачастую сохраняя там оседлость и участвуя в ее общественной жизни и борьбе. Они даже вовлекаются частично в политическую феодальную организацию волости. Польское правительство, нуждавшееся в военной силе, зачисляло часть каза-

Козаки, XVII век.

Современная гравюра.

чества — несколько тысяч — в список, или реестр, и создало служилое, «реестровое» казацкое войско, получавшее за свою службу жалование и земельные участки. В XVII веке верхушка этого реестрового казачества уже фактически сливается с землевладельческой шляхтой, тогда как рядовая казацкая масса непосредственно примыкает к крестьянству.

Отдельные классы украинского общества не сразу втягиваются в борьбу. Первым поднялось против крепостнического гнета, особенно обострившегося с середины XVI века, крестьянство, объединявшееся вокруг запорожского казачества. Впрочем, уже в эти годы мы видим в рядах движения в роли его военных руководителей оппозиционную шляхту. В 1592 году Косинский организует казацкий поход на земли Острожского, в 1595—1596 годах выступает Лобода, а за ним — Наливайко, закончивший свою жизнь в турецком плену, герой казацких песен, воспетый в одной из «дум» Рылеева.

Но ни масса шляхты, ни мещанство в целом еще не захвачены движением, покуда наступление магнатства не охватило самое Поднепровье и Левобережье. К тому же и польско-магнатский блок держится компромиссной политики, стараясь не обострять отношений, нуждаясь в это время в военной поддержке казачества в развернувшейся борьбе за овладение Московским царством. В 1617—1618 годах под Москвой было сконцентрировано большое казацье войско под начальством самого гетмана Сагайдачного. Но московская война закончилась безрезультатно для польского магнатства, и оно снова переходит в наступление на Украине, начиная борьбу за Левобережье.

Борьба снова обостряется. С особенной силой разразилась она в 1630 году, когда поднялись казаки во главе с Тарасом Трясиной (тем самым Тарасом, о котором пишет Гоголь свою повесть «Тарас Бульба»). С трудом подавив на этот раз движение, в котором активно участвует волость,

польское правительство сделало попытку отрезать Сечь от волости, участие которой в движении делало его особенно грозным. Приглашенный из Франции, инженер Боплан возвел при выходе из порогов на волость крепость Кодак, занятую в 1635 году польским гарнизоном. Но в том же году новое восстание смело крепость и около трех лет держало под угрозой польско-магнатское господство на Левобережье.

Чем дальше, тем шире и могучее становится движение, возглавленное казацкими вождями: Павлюком, Гуной, Острицей. Одержав еще раз победу в 1638 году, польско-магнатский блок на этот раз направил центр тяжести расправы в значительной мере именно на волость, в том числе и на старшинско-шляхетский блок. Так называемая Ординация 1638 года, утвержденная на Раде, на Масловом ставе, была и по старшине, устраняя ее от руководства реестровым казачеством, сменяя ее ставленниками магнатства, за которыми закреплялось неограниченное господство на Украине.

Этими мерами движение было придушено на целое десятилетие (1638—1648), получившее у польских дворянских и буржуазных историков название эпохи «золотого покоя». В этот период магнаты, опираясь на польскую администрацию, безраздельно господствуют на Украине, захватывая земли и закрепощая население.

Но результатом этой политики должно было явиться объединение в борьбе с польско-магнатским господством обеих указанных групп: с одной стороны — крестьянства и родового казачества, с другой — старшинско-шляхетско-мещанского блока. Именно в этом факте организованного выступления второго блока особенность той новой борьбы, которая поднималась на Украине, и ее отличие от казацких войн конца XVI — начала XVII века.

3

Во главе старшинско-шляхетского блока стал чигиринский сотник Богдан Хмельницкий. Он принадлежал как раз к той казацкой старшине, которую Ординация 1638 года отдала во

власть польского магнатства, и вскоре испытал на себе всю тяжесть этого. Близкий к польской шляхте, принадлежавший к окружению польского коронного гетмана (начальника польских войск) на Украине Потоцкого, побывавший при польском дворе, Хмельницкий тем не менее лишился своих владений и подвергся личному преследованию со стороны польского шляхтича Чаплинского. Под влиянием этих событий Хмельницкий уходит в Запорожскую Сечь и там готовится к борьбе с Польшей и магнатами.

Мы мало знаем об этой подготовке. Казацкий летописец Величко, писавший уже в конце XVII века или даже в начале XVIII века, приводит универсалы (так назывались официальные гетманские воззвания) Хмельницкого ко всему украинскому шляхетству («шляхетско урожонные казаки»).

Хотя эти универсалы — позднейшее творчество, но они отражают оценку ближайшим поколением классовой ориентации Хмельницкого. Он обращался к шляхте, к казацкой старшине, к привилегированному казачеству и на них опирался. Запорожская Сечь первоначально остается, по крайней мере официально, в стороне.

Польско-магнатскому блоку скоро пришлось почувствовать изменение классовой сущности движения.

В начале мая 1648 года Богдан Хмельницкий двинулся с войском на Украину. Войско, посланное против Хмельницкого, в двух последовательных встречах, под Желтыми водами и под Корсунем (26 мая), в значительной своей части перешло к Хмельницкому. Польские мемуаристы обвиняли шляхту на Украине в предательстве и насчитывали несколько тысяч шляхтичей в войске Хмельницкого.

К началу июня путь на Украину был открыт Хмельницкому.

Выступление Хмельницкого явилось сигналом и для нараставшего крестьянского движения. Последнее вспыхивает еще в мае, начинаясь с Левобережья. Здесь, в имениях Вишневецкого, где идет ожесточенная борьба нового магната за утверждение своего господства, поднимается массовое вос-

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ. С гравюры Ваумана.

Богдан Хмельницкий. С гравюры Ваумана.

стание, возглавленное Максимом Кривоносом, героем народного крестьянско-казацкого восстания. Почва была готова, и не прошло и месяца, как все Левобережье очутилось в руках повстанцев. Польские магнаты бежали. Крестьянские отряды двигались вслед за ними, очищая Левобережье. К ним примкнуло крестьянство пограничных областей Белоруссии.

К концу июня на Украине идет двойная война: две силы поднимают общую борьбу с польско-магнатской властью и смыкаются в этой борьбе.

Но общность врага не значит тождества задач, и неправильно было бы растворять одно движение в другом, сводить их к чему-то одному. Существование борьбы именно в ее сложности, в ее внутренней двойственности.

Борьба крестьянства направлена против всей системы феодального угнетения, но как всякая крестьянская война феодально-крепостной эпохи — это борьба стихийная, неспособная выдвинуть конкретную позитивную программу, неизбежно распыленная. Борьба старшинско-шляхетско-мещан-

ского блока — это борьба господствующего классового ядра, складывающейся украинской нации с вполне определенной классовой программой экономического господства, но поэтому со столь же определенной программой национальной самостоятельности. Эта программа направлена, однако, на две стороны: против польско-магнатского господства и против массового народного движения, подрывающего феодальное господство этих классов.

Так, переплетаясь, сходясь и сталкиваясь между собой, идут две войны на Украине. Каждое движение имеет и своих вождей. Если во главе старшины-шляхты стоит Богдан Хмельницкий, то крестьянское движение возглавляется Кривоносом, Нечаем, Гладким и другими. Если казацкая дума, сложившаяся в окружении казацкой старшины, воспеваает Хмельницкого, то народная песня поет о Кривоносе, о Нечае и все более враждебно относится к гетману.

Хмельницкий с самого начала понимает опасность того размаха, который принимает движение крестьянства, и пытается его сдержать. Он старается восстающих «хлопов» отправить обратно «до плуга», т. е. к барщинным работам, и договориться с поляками на базе старшинско-шляхетской программы. Но вместе с тем он спешит возглавить все движение, чтобы им овладеть. В этом широком размахе движения его сила и предпосылки его успеха. Только опираясь на это массовое движение, смог Хмельницкий за несколько месяцев очистить от поляков всю Украину и после нового разгрома польского войска 20 октября 1648 года под Пилявцами открыть себе дорогу в Польшу. Отсюда Хмельницкий двинулся в глубь Галиции (Западная Украина), дошел до Львова, от Львова — к Замостью и здесь, на границе Польши, остановился.

Почему остановился Хмельницкий? Ведь положение было исключительно благоприятным: польское войско было разбито, путь на Польшу был открыт; в самой Польше шла борьба магнатско-шляхетских группировок вокруг избрания нового короля (польский король Владислав умер 20 мая 1648 года, в самом начале борьбы), которая

еще более ослабляла силу сопротивления Польши.

Если все же Хмельницкий не попытался двинуться дальше в Польшу, то причину этого надо искать во внутренних условиях движения в самой Украине. Здесь, как мы видели, было два движения со своими особыми задачами, с разными вождями. В расчеты Хмельницкого не входило удаляться от Украины в глубь Польши, оставляя первую в руках своих конкурентов. Напротив, старшинско-шляхетский блок вел борьбу за господство на Украине, и, вытеснив польскую администрацию и магнатов, он прежде всего должен был позаботиться об овладении самим аппаратом власти. Поэтому путь Хмельницкого шел не на Варшаву, а на Киев. В декабре 1648 года он совершает торжественный въезд в Киев и закрепляет здесь старшинскую власть на Украине.

Желая упрочить эту власть, он ищет опоры и в международных связях, в сношениях с Крымом и Москвой.

Между тем после выбора нового короля, Яна-Казимира (брата предыдущего), Польша в начале лета 1649 года попыталась возобновить войну. Хмельницкий располагал, однако, крупным войском, к которому примкнуло войско крымского хана. Значительные военные успехи Хмельницкого под Збаражем и Зборовом поставили польское войско в тяжелое положение, из которого его вывела отчасти измена татар, которые за крупный денежный выкуп заключили с поляками мир. Но перевес оставался все

же на стороне Хмельницкого, и Польша поспешила принять условия казацкой старшины.

В августе 1649 года был подписан мир под Зборовом.

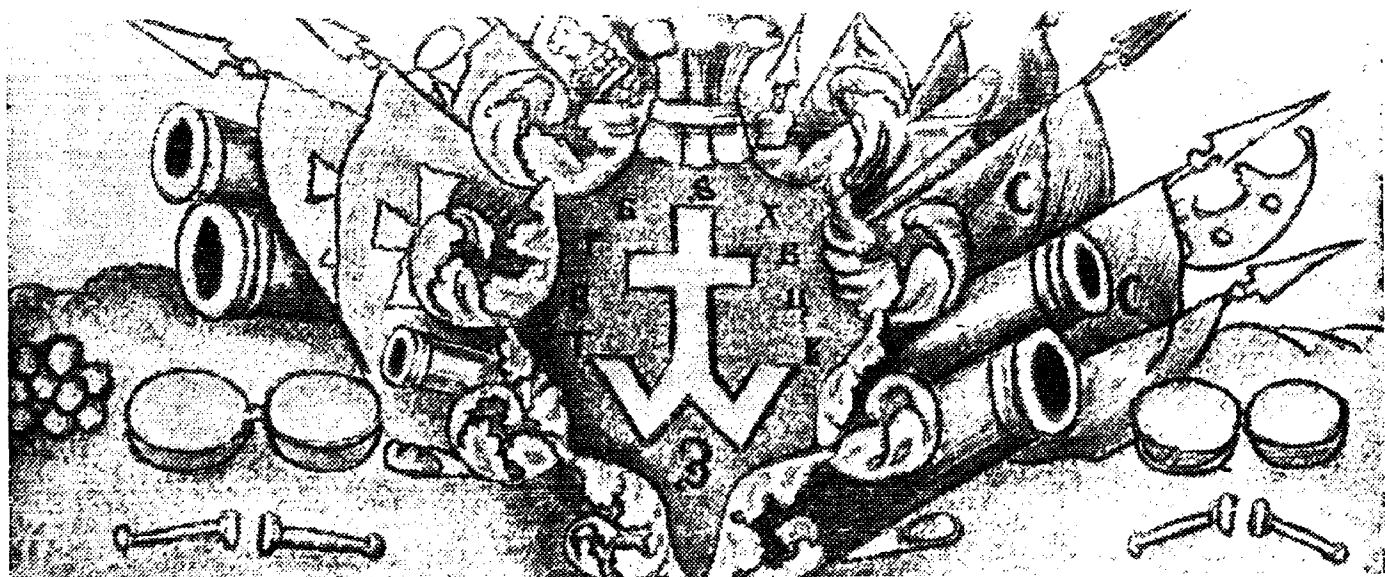
Зборовский мир был выгоден казацкой старшине, требования которой он вполне удовлетворял. Польша принимала украинскую автономию, выделяя в качестве украинского гетманства воеводства Киевское, Черниговское и Брацлавское, т. е. Киевщину, Переяславщину и Черниговщину на Левобережье и восточную часть Волыни и Подолии на Правобережье. Польская администрация в этих местах ликвидировалась и заменялась выборной, старшинской; упразднялось магнатское землевладение, переходившее в руки старшины-шляхты; удалялся польский купец, очищающий место украинскому мещанину.

Но зборовский мир ничего не дал украинскому крестьянству: казацкий реестр, т. е. вольное казацкое войско, увеличенное до 40 тысяч человек, — это вопрос о военной силе казацкой старшины, а не о положении самого крестьянства, за которое цепко держится землевладелец-шляхтич.

Точное определение казацкого реестра означало, что все остальное украинское крестьянство оставалось в крепостной зависимости.

Из Варшавы московский дьяк Кунаков, внимательно следящий за ходом украинских событий, доносил в декабре 1649 года:

«К Богдану Хмельницкому приходили хлопы, собрався больше 50 000 человек и хотели его убить: для чего-

Герб Хмельницкого.

Из летописи Величко.

Максим Кривонос. XVII в. Современная польская гравюра.

де без нашего совета с королем помирился»¹.

Действительно, зборовский мир открывает новый этап в классовой борьбе, развернувшейся в 1648 году. Если в период 1648—1649 годов оба блока объединены в борьбе с Польшей и с магнатством, то временное завершение борьбы, давшее торжество старшинско-шляхетскому блоку, должно было привести к столкновению бывших союзников.

4

Старшина закрепляет свои успехи. Быстро организуется новая полковая администрация из казацкой верхушки. Хмельницкий широко раздает универсалы-пожалования этой старшинской верхушке и шляхте на земельные владения, закрепощая украинское крестьянство. В ответ растет волна крестьянских восстаний против новых владельцев. Украина и смежные белорусские земли полны крестьянскими повстанческими отрядами: Кривоноса, Небабы, Донца, Подобейла, Кричевского, Худолея.

Хмельницкий теперь вступает активно в борьбу с этим крестьянским движением — борьбу, заполняющую весь период 1650 — 1652 годов. «Там все наши урядники имеют от меня тайный наказ, чтобы своевольников, которые бы начали бунты вчинять,

всех смертью карати»², — извещает Хмельницкий.

Действительно, постепенно большая часть народных вождей гибнет в эти годы, частью в борьбе с самим Хмельницким, частью в борьбе с поляками (Нечай, Кривонос).

Закабаляемое крестьянство убегало от крепостного ярма в Запорожскую Сечь или за московский рубеж. Польский комиссар на Украине Адам Кисель сообщал в Варшаву в 1650 году:

«Чернь и не в силах более терпеть тиранию и то, что их за бунты и восстания на панов в разных местах казнили, уходит за Днепр, и я не знаю, кто там еще остался»³. «Бодай Хмеля Хмельницкий, перша куля не минула», — поминала потом деятельность Хмельницкого украинская народная песня.

Крестьянские волнения должны были скоро сказаться и на положении старшины-шляхты, ошибочно полагавшей, что борьба с польско-магнатским блоком закончена. Последние не собирались сдавать свои позиции: они зорко следили за событиями на Украине, учитывали ослабление украинского движения.

Еще в марте 1650 года польский комиссар Адам Кисель писал польскому королю, что польская интервенция имеет целью «два важнейших обстоятельства, именно: восстановление католического вероисповедания и исполнение прибыльных для владельцев крепостных повинностей»⁴.

До поры до времени польским магнатам приходилось ограничиться возвращенной им территорией Вольни и Подолии, где они чинят жестокую расправу над крестьянством под защитой польского войска гетмана Калиновского. Пан Корецкий, вернувшись в свое имение, прежде всего велел «посадить на кол» нескольких крестьян, чтобы «показать пример строгости на страх прочим». В на-

² Цит. по книге М. Грушевского «История Украины—Руси». Т. IX. Ч. 1-я, стр. 21.

³ Там же, стр. 23.

⁴ «Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов». Т. II. Раздел II, стр. 27. Киев. 1846.

¹ Акты Южной и Западной России. Т. III, стр. 401.

роде долго живет память о жестоких панских казнях.

С конца 1650 года поляки начинают готовиться к возобновлению наступления на гетманскую Украину.

Казацкой старшине надо было снова готовиться к борьбе, но на этот раз классовая база оказывалась сильно суженной, старшинско-шляхетский лагерь выступал изолированно, не опираясь на мощное крестьянское движение, силы его уменьшились. Выходом из положения должно было быть обращение к внешней помощи, к поискам союзника на стороне. Хмельницкий ведет оживленные дипломатические переговоры: он ищет союзников в Турции, в Швеции, в Москве. Но реальным союзником была только Москва, непосредственно заинтересованная в борьбе, развернувшейся на Украине. В этой заинтересованности заключалась, однако, и опасность московского вмешательства: Москва вступала в борьбу со своей программой, со своими целями.

Так, классовая борьба на Украине осложнилась борьбой Москвы и Польши за Украину. Это было результатом тех условий, в которых развернулась борьба Украины за национальное обособление. Национальное развитие Украины запоздало и теперь сталкивалось с политически более развитыми нациями — Польшей и Москвой, — вмешательство которых должно было резко изменить направление и исход борьбы.

Москва, превратившаяся в централизованное многонациональное государство, быстро расширяла свои владения в XVII веке. События на Украине с начала 1649 года привлекали внимание московского правительства, подготовлявшего базу для продвижения на Украину и овладения ею. Казацкая старшина обращалась к московскому правительству не без опаски, она избегала точного определения будущих отношений Украины к Москве, а прося помощи, настойчиво договаривалась, чтобы царь велел своему войску «идти на Литву», наступать «со своей стороны» от Смоленска, «а на Польшу я и войско запорожское помощи не просило. Польше против

нас и Крымского царя не устоять»¹. Перспектива появления московского войска на самой Украине пугала старшину.

Стороны не успели договориться между собой, когда развернулось польское наступление. События пошли быстрее, чем предполагали и в Киеве и в Москве. Когда старшина была готова принять московские условия, было уже поздно. Украинское войско, собранное под Берестечком и оставленное здесь своим союзником — крымским ханом, было слишком слабо для борьбы с Польшей. Хмельницкий и старшина бежали из лагеря до битвы под видом насильственного увода их татарами; в битве 10 июля украинское войско было уничтожено. Старшине пришлось подписать мир в Белой церкви, по которому она потеряла почти все достижения зборовского мира.

За старшиной-шляхтой оставалось одно лишь Киевское воеводство. Остальные земли возвращались в руки магнатства, под власть Польши. Приходилось борьбу начинать сначала.

5

С 1652 года борьба вступает в новую стадию. Старшина-шляхта, отступая за Днепр, снова приступает к концентрации сил в союзе с левобережным мещанством. Но борьба 1651 года уже показала Хмельницкому, что самим им не справиться, и старшина возобновляет переговоры с Москвой. Впрочем, еще раз делается попытка решить борьбу своими силами, но новые предприятия старшины снова терпят неудачу: в Валахии гибнет сын Богдана, Тимош Хмельницкий, с украинским войском; жванецкий поход тоже ничего не дал. Приходилось решать, и в августе 1653 года под усиленным давлением московской дипломатии старшина принимает московское подданство — «вечное холопство».

В Москве вопрос уже был предreshен. Еще в феврале 1653 года состоялось решение Боярской думы о присо-

¹ «Киевская старина» № 8 за 1880 г. Статья Востокова «Первые сношения Б. Хмельницкого с Москвой».

единении Украины. С июня заседал в Москве Земский собор, ожидая официального из'явления подданства со стороны Украины. 1 октября состоялось, наконец, соборное решение и на Украину выехало торжественное московское посольство боярина Бутурлина.

В начале января 1654 года с'ехалось московское посольство с гетманом и казацкой старшиной в Переяславе для принятия присяги на подданство. Еще раз попыталась старшина отстоять в какой-то мере свою независимость и потребовала от царских послов встречной присяги на всех вольностях запорожских. Но московские послы ответили решительным отказом: не повелось, дескать, на Москве, чтобы царь московский присягал своим подданным.

Правда, в марте 1654 года послам от старшины и от городов украинских были пожалованы права и вольности, утверждено было определенное самоуправление казацкой старшины и мещанства, закреплены за старшиной и шляхтой земельные владения. Московское правительство остерегалось слишком поспешными и крутыми мерами вызвать сопротивление украинцев и ограничилось сперва тем, что поставило воеводу и в Киеве. Медленно и твердо Москва прибирала Украину к рукам.

Лишь только возобновилась война с Польшей, украинская старшина должна была почувствовать свою зависимость от Москвы. Об'ектом борьбы в кампанию 1654—1655 годов оказалась Белоруссия. Украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 году. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод. Одновременно военное положение было использовано для того, чтобы поставить вопрос о введении московских воевод и гарнизонов на Украине.

Разногласия быстро обострялись, и уже в 1656 году Хмельницкий ведет переговоры сперва со Швецией, а затем с Польшей, подготавливая разрыв с Москвой. Таким образом, переяславский акт был лишь первым этапом в борьбе Москвы за политическое подчинение Украины — борьбе, продолжавшейся почти всю вторую половину XVII века.

Ход этой борьбы определялся в значительной мере противоречиями в самой господствующей верхушке на Украине: между крупной землевладельческой шляхтой и старшиной Правобережья и мелкой старшиной и мещанством Левобережья, к которому в силу экономических связей примыкало и запорожское казачество. Московское правительство свою колониальную политику на Украине строило на обострении антагонизмов между этими группами, ослабляя их сопротивление взаимной борьбой, пока украинская старшина-шляхта не приняла московскую ориентацию.

Богдан Хмельницкий умер во время переговоров с Польшей. Московское правительство с опаской ждало выборов нового гетмана на Раде, тотчас же собранной казацкой старшиной. Особенно опасалось оно, чтобы выборы сына Хмельницкого, Юрия, не придали гетманской власти наследственного характера. Из Москвы был послан со специальными полномочиями дьяк Василий Кикин, получивший характерную инструкцию:

«Да Василию, едучи дорогою, в Нежине и в иных городах, поговорить с войтами и с бурмистры и с мещаны наодин... И нет ли ныне меж черни на полковников какого рокошу (возмущения, бунта. — Р.), и буде есть, и за что, и чего меж ими чайть, и похотят ли того, чтоб быть у них в городах государевым воеводам»¹.

Тут же указывалось, чтобы в случае жалоб на невыплату жалованья вину возложить на гетмана.

Эта предварительная агитация скоро дала плоды. Когда был избран гетман Выговский, бывший войсковой писарь при Хмельницком, Левобережье подняло против него восстание,

¹ Акты Южной и Западной России. Т. XI, стр. 787—789.

возглавленное полтавским полковником Пушкарем. Но Москва имела в виду лишь ослабить гетмана, а не воювать с ним, и дала ему расправиться с движением.

Выговский, одержав победу, продолжал политику Хмельницкого и перешел к Польше на основе Гадячских статей 1659 года, расширивших старый зборовский заговор.

Москва попыталась вернуть себе старшину-шляхту популярным именем Юрия Хмельницкого, но и он ушел со старшиной правобережных полков к полякам, а Москва поплатилась потерей своего войска под Чудновом в 1660 году.

Тогда московское правительство решило делать ставку на более демократические слои украинского общества. В 1663 году на «Черной раде», под Глуховом, прошел в гетманы Левобережья ставленник запорожского казачества Брюховецкий.

В борьбе колониальных интересов Москвы и Польши, в борьбе местных сил постепенно исчезали задачи национальной борьбы. В 1667 году андрусовское перемирие между Москвой и Польшей сроком на 20 лет разделило Украину между двумя ее сильными соседками. К Москве отошло Левобережье с Киевом и его ближайшей округой. Последние вспышки украинского национального движения разбились о дружное сопротивление Москвы и Польши. В 1668 году московское правительство даже снарядило специальные посольства во Францию, Испанию и Италию, чтобы искать союзников Польше в ее борьбе с Турцией, покровительствовавшей борьбе за независимость правобережной старшины.

К концу столетия Украина была покорена. Старшина стала утверждать свое классовое господство под покровительством крепостнической Москвы и Польши. Прошло еще около столетия — и Украина утратила последние остатки своей политической самостоятельности.

6

Советская, марксистская историография не дала до сих пор развернутого исследования рассмотренных выше вопросов. Причина этого лежит в

Богдан Хмельницкий. Портрет, написанный в Медведомском монастыре в первой половине XIX в.

общих методологических установках господствовавшей в ней до сих пор школы М. Н. Покровского, остававшейся и в этом вопросе в плену у социологического схематизма и экономического материализма, а порой и прямо в плену у тех буржуазных схем, с которыми она вела борьбу.

Уже самое определение, которое М. Н. Покровский дает движению на Украине XVII века, — «казацкая революция» — в корне неправильно. Несмотря на целый ряд верных указаний на противоречия внутри казачества, последнее в изображении М. Н. Покровского выступает как единая сила, и поэтому создается своеобразное представление «одноклассовости» движения. При этом, по Покровскому, выходит, что казак — «мелкий земледелец, очень напоминающий тог-

дашнего окраинного помещика», родной брат мелкого служилого человека Московского государства; в то же время этот казак-землевладелец изображается чуждым всякой феодальной эксплуатации и объявляется «казацкой буржуазией». Давая такую социальную характеристику казачеству, Покровский тем самым снимал вопрос о роли города и мещанства в классовый борьбе XVII века.

Из этого вытекало и дальнейшее — типичное для экономической концепции Покровского — понимание украинской борьбы с польским господством. Оказывается, что польская интервенция и борьба старшинско-шляхетского блока представляли только «два разных способа ликвидации древнейшего «натурального феодализма», т. е. налицо «экономическая» ликвидация феодализма новыми буржуазными отношениями, и вопрос идет только о путях этой ликвидации. В схеме Покровского настоящим антагонистом польского господства оказывается поэтому украинский магнат, и борьба с этим господством старшины-шляхты остается, по сути дела, необъясненной. Нет у него объяснения классовой основы национальной борьбы против польского господства, нет и национальной борьбы как самостоятельной исторической проблемы.

Поэтому М. Н. Покровский не мог дать правильного решения и третьей проблемы — вопроса московской интервенции и украинского раздела, ибо он решает этот вопрос вне всего вопроса о процессе образования государства в Восточной Европе, как он был поставлен товарищем Сталиным. Со стороны Украины все исчерпывается формулой «политической необходимо-

сти для казачества» союза с Москвой и за этой формулой исчезает национальная борьба. Москва же изображалась пассивно выжидающей этого присоединения, т. е. выпадала самая борьба политически «более развитой нации» за подчинение «менее развитой нации» (С т а л и н). В этой схеме не получили настоящего объяснения ни вся сложность борьбы Москвы за овладение Украиной, ни последующий русско-польский раздел Украины.

Те поправки, которые вносили ученики М. Н. Покровского, оставались в рамках того же условного схематизма. Они лишь сменили казацкую революцию крестьянской революцией¹. Не говоря об ошибочности самой формулировки, представляющей стихийное крестьянское движение как революцию, эта схема сводила все содержание движения к одному элементу этого движения. В крестьянской войне Хмельницкому и представляемому им старшинско-шляхетскому мещанскому блоку оставлялась либо просто контрреволюционная роль борьбы с крестьянством, либо роль вождя крестьянского движения, ему изменившего, т. е. оставался непонятным весь сложный переплет классовой и национальной борьбы на Украине XVII века.

Задача марксистской историографии, в соответствии с последними указаниями ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по учебникам, — преодолеть этот социологический схематизм и антиисторическое упрощенчество на основе подлинной марксистско-ленинской методологии.

¹ См. книгу Томсинского «Крестьянские войны феодально-крепостной России». Жургаз. М. 1932.

КОКАНДСКОЕ ВОССТАНИЕ (1875—1876 гг.)

1

С конца пятидесятих годов прошлого столетия русский царизм перешел в Средней Азии в усиленное наступление. Этот новый этап колониальной политики явился следствием обострения внутренних противоречий и изменений во внешнем положении России.

Крымская война 1856 г., на которую дворянская Россия возлагала огромные надежды, окончилась поражением царских войск. Как и всякая неудачная война, она не только не ослабила классовых противоречий в стране, но привела к их крайнему обострению.

Противоречие между развивающимся капитализмом и господствовавшим крепостничеством достигло невиданной остроты. «Великая» реформа 1861 г. не могла разрешить этого противоречия, так как она проводилась крепостниками и являлась только первым шагом к буржуазной монархии.

Самодержавие стояло перед угрозой революции, но «...возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение»¹.

Поскольку скандальный провал в крымской войне делал несбыточной всякую мечту о разрешении противоречий за счет Балканского Востока,

¹ Ленин. Т. III, стр. 465. Примечание 1-е.

главное внимание самодержавия обратилось на Среднюю Азию и, в частности, на Кокандское ханство, привлекавшее Россию и как рынок сбыта и сырья и как место для переселения крестьян из центральных губерний.

В 1856 г. генерал Черняев покорил кокандский город Ташкент. Захватив этот крупнейший торговый пункт, царская Россия задержала свое дальнейшее наступательное движение.

Такой образ действий России выдавался за проявление «великодушия белого царя». В действительности же это «великодушие» было вызвано главным образом тем, что дальнейшее продвижение в Коканд неминуемо привело бы к столкновению с Англией, чего Россия, помня уроки крымской войны, совсем не желала.

В 1865 г. опасность новой войны с Англией была особенно реальна. В сентябре этого года первый министр и министр иностранных дел Англии лорд Руссель официально предложил России «обменяться нотами для выяснения положения обеих держав в Средней Азии». Недвусмысленное предложение лорда Русселя заставило русское самодержавие вести себя осторожнее.

Необходимость освоить уже завоеванную территорию и окончательно покорить себе ее население, продолжавшее оказывать сопротивление царским войскам, была также одной из причин, приостановившей дальнейшее продвижение царской армии. Начать в таких условиях наступление вглубь ханства, не обеспечив себе тыл, значило бы решиться на весьма опасную авантюру, тем более, что эта авантюра не вызывалась острой необходимостью. К этому времени окончилась гражданская война в САСШ и в России ослабился хлопковый голод. Положение, уже созданное в Коканде захватом Ташкента, обеспечивало в достаточной мере интересы и помещиков, и промышленной, и торговой буржуазии.

2

В вопросах управления завоеванной территорией царские ставленники пришли к соглашению с кокандским ханом Худояром. Последний на-

Худояр-хан. 1876 г. Музей народоведения СССР.

шел более выгодным для себя подчиниться русскому царю, чем лишиться власти и доходов. Его оставили ханом, потребовав взамен за эту «милость» преданности и послушания.

Сделав Худояра своим верным вассалом, русское самодержавие в свою очередь защищало его власть от многочисленных мятежей его подданных. В тех случаях, когда восставшие, потерпев поражение, бежали на территории, принадлежавшие русским, их не только выдавали Худояр-хану, но и ссылали в дальние станицы под надзор местных властей.

Через Худояр-хана царское правительство связывалось с местной феодальной верхушкой, представителем которой являлся хан, чтобы в контакте с ней безнаказанно грабить страну. Эта политика царизма нашла яркое отражение в многочисленной дипломатической переписке того времени. Так, управляющий министерством иностранных дел Вестман 1 августа 1874 г. пишет военному министру:

«...правительство желало бы водворения в Коканде существующего доныне порядка вещей и спокойствия.

...В случае окончательного низложения хана желательно, чтобы установились удовлетворительные отноше-

ния к партии, которая одержит верх»¹.

Такое же мнение выражает и временно исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Колпаковский:

«В случае возобновления восстания, могущего быть причиной бегства или даже смерти Худояр-хана, мне кажется, все старания наши должны быть направлены к обеспечению наследия за сыном хана Наср-Эддин-беком, человеком, вполне преданным нашим интересам и хорошо понимающим положение ханства; без сомнения, нельзя ручаться, что при народном восстании не будет избрано другое лицо, которое неисполнением договора может вызвать с нашей стороны понудительные меры и вооруженное вмешательство»².

Еще ярче раскрывается цель русской политики в донесении чиновника по дипломатической части Вейнберга туркестанскому генерал-губернатору Кауфману. Говоря о многочисленных восстаниях в Коканде, он пишет, что не мешало бы путем вооруженного вмешательства парализовать попытки свергнуть хана. «Своеволию и жестокости был бы положен конец, а вместе с тем без присоединения ханства к России мы могли бы достигнуть того идеального положения дел, к которому стремится его светлость князь канцлер, т. е. окружить русский Туркестан мусульманскими владениями, которые, сохраняя как будто тень независимости, в сущности, находились бы в определенных вассальных отношениях к ней»³.

Итак, цель самодержавия совершенно ясна: создать такое положение, при котором ханство, «сохраняя тень независимости», было бы, в сущности, колонией России. Для осуществления этой цели русские завоеватели опирались на Худояр-хана и окружавших его феодалов.

Кокандское ханство было многонациональным феодальным государством с отсталой экономикой и слабой армией.

Оседлое узбекское население зани-

¹ Военно-исторический архив (ВИА), д. № 6868, лл. 146—148.

² ВИА, д. № 6868, л. 9.

³ ВИА, д. № 6877, л. 84.

малось главным образом земледелием. К моменту восстания в ханстве имелись государственное, помещичье и церковное землевладения. Крестьянство находилось в полной кабальной зависимости от феодалов — владельцев земли и воды. В таком же зависимом положении было и кочевое киргизское население.

Вся тяжесть союза Худояр-хана с русским царем пала на плечи крестьянства. Быть в дружбе с русским царем значило делать ему и его са-трапам дорогие подарки, значило не брать с русских купцов высокого зякета (налог за право торговли), значило давать наживать русским чиновникам. В связи с этим доходы, которые хан получал от сбора зякета, резко уменьшились, уменьшились также и доходы с отдаваемых в аренду городов, так как Ташкент и ряд других городов находились теперь в руках русских¹.

Но Худояр не привык получать меньше, и поэтому вся разница выжималась из крестьянства. Таким же путем добывались средства на снабжение Ташкента хлебом и другие многочисленные проявления «дружбы».

Таким образом, крестьянство подвергалось двойной эксплуатации.

В 1874 г., накануне восстания, в ханстве насчитывалось 18 видов налогов. По данным «Военно-статистического сборника» (вып. III за 1868 г.), денежный доход хана в 60-х годах прошлого века равнялся 100 тыс. тилей, или 380 тыс. рублей. В 1875 г. денежный налог составлял уже 243 222 тилей, или 924 243 рубля. К этому нужно еще прибавить натуральный налог в 707 500 батманов, что в переводе на русские деньги составляло 1 415 100 рублей. Таким образом, годовой доход хана достигал в среднем 2 399 543 рублей².

Многочисленные налоги, полное политическое и экономическое беспра-

¹ По данным «Записок Русского географического общества» (т. III, стр. 215, 1879 г.), хан получал с Ташкента 4 646 600 руб. в год, с Курама — 3 852 800 руб., с Ходжента — 2 905 600 руб., с Ура-Тюбе — 1 318 460 руб. Все эти города были захвачены русскими.

² «Известия Императорского русского географического общества», стр. 59. 1876.

Легкая артиллерия Кокандского ханства. Музей народоведения СССР.

вие делали невыносимым положение крестьян и приводили к многочисленным восстаниям, которые вспыхивали то в одном, то в другом конце ханства. Даже генерал Скобелев был вынужден признать, что «здесь, в Азии, как и везде, нужда, голод порождают беспорядки»³.

Чувствуя все больший и больший гнет, крестьянство видело, что огромную роль в этом играют пришедшие в Коканд русские завоеватели. Поэтому вполне понятно, что ненависть к хану переплеталась с не меньшей ненавистью к покорителям.

В этой обстановке и вспыхнуло восстание 1875—1876 годов.

Крестьянство как наиболее подавленный и угнетенный класс было основной силой в восстании. Однако в восстании принимали участие и другие слои населения: ремесленники, духовенство и феодалы.

Феодальная и духовная знать была в этот период уже не однородна: часть ее, подкупленная русским самодержавием подобно Худояр-хану, Аризкульбеку и другим, была настроена руссофильски, другая часть, интересы которой были ущемлены царизмом, выступала против него, но целью ее была не последовательная и решительная борьба с покорителями, а желание добиться кое-каких привилегий и для себя. Поэтому, хотя эта часть и выступала вместе с крестьянством и ремесленниками, она была ненадежным союзником.

Восстание 1875—1876 гг. подразделяется на два периода: первый —

³ Брянов «На память о Фергане». Письмо Скобелева генерал-майору Троцкому, стр. 53. 1901.

с июля по октябрь 1875 г. и второй — с октября 1875 г. по февраль 1876 года. Эти два периода резко отличаются друг от друга, и для правильного освещения восстания необходимо рассмотреть каждый из них в отдельности.

3

Восстание началось в середине июля 1875 г. в окрестностях города Узгента, в восточной части ханства. Во главе восстания стал киргиз Мулла-Исаак-Мулла-Хассан-Углы из кишлака Ухне. Приняв имя Пулат-хана, Мулла-Исаак повел восставших на город Коканд.

Худояр-хан послал против восставших три отряда под начальством Исы-Аулие, Абдурахмана-автобачи¹ и Сарым-Сака-Ишик-Агаси, всего около 4 тыс. человек. Однако вместо сражения с повстанцами ханские войска присоединились к ним с условием, что вместо Худояр-хана на престол взойдет его сын Наср-Эддин-бек.

Теперь во главе восстания стали Абдурахман-автобачи и Пулат-хан. Начав форсированное наступление, повстанцы быстро заняли города Ош, Наманган, Андижан, Ассаке и Алты-Арык, остановившись в 7 ташах (48 верстах) от Коканда.

В Коканде царило возбуждение. В это время там находилось несколько русских купцов, чиновников и отряд казаков под командой Скобелева. Последний имел задание — обследовать дорогу в Кашгар, но ввиду разросшегося восстания был вынужден задержаться в Коканде.

Вот как описывает чиновник министерства иностранных дел Вейнберг столицу ханства в ночь восстания в своей докладной записке на имя туркестанского генерал-губернатора: «Известие о приближении инсургентов сильно повлияло на жителей: базары затворились, товары перевозились в более отдаленные от центра города места, на всех перекрестках деване и дервиши проповедывали народу, но речь их не была слышна, подвезать же к образовавшимся вокруг этих юродивых г. Коканда кучкам было неудобно... жители покупали оружие и...

¹ Автобачи — придворный чин.

масса имела вид озабоченный и встревоженный. Кроме лавок шорных, оружейных и кузниц все было заперто...»².

И русские и Худояр-хан ясно понимали, что беднейшее население самого Коканда (ремесленники, мелкие торговцы) представляло собой «горючий материал, постоянно продолжающий тлеть, и достаточно одной, удачно упавшей искры, чтобы раздуть пламя восстания»³. Остаться в столице было слишком рискованно. Решили отступить из Коканда 22 июля.

То, что движение было направлено не только против Худояр-хана, но и против русских завоевателей, выяснилось с первых же дней восстания. Ненависть к колонизаторам проявляли и жители Коканда. В уже цитированном выше докладе Вейнберг откровенно пишет:

«По обеим сторонам улицы народ стоял шпалерами, вооруженный батиками (дубинки с железными наконечниками. — Авт.), палками и с камнями в руках. Нам приходилось по одному, весьма медленно продвигаться вперед и останавливаться через каждые 15—20 шагов. Недалеко от дворцовой площади народ и войско до того сгущались, что невозможно было двигаться. Мы остановились. Один из проходивших мимо нас с отрядом кавалерии юзбаши (командир отряда. — Авт.), посмотрев в нашу сторону, с улыбкой проговорил: «Проходите, проходите, мы потом со всех вас снимем головы»⁴.

Через несколько часов после того, как был покинут Коканд, от хана откололись последние его войска и ушли к восставшим.

Необходимо отметить чрезвычайную нерешительность солдат. Даже оставив Худояра и перейдя на сторону восставших, они не осмелились схватить его и представителей русских властей. Отряд Мулла-Мааруфа начал было обсуждать этот вопрос, но дальше обсуждения так и не пошел. Лишь спустя несколько часов они спохватились и начали бомбардировать спешно отступавших к границе русских, но было поздно.

² ВИА, д. 6877, л. 68—70.

³ ВИА, д. № 6868, л. 107.

⁴ ВИА, д. № 6877, л. 71.

Эта нерешительность была чревата печальными последствиями для повстанцев. Отпущенный живым и невредимым, Скобелев впоследствии вернулся во главе карательного отряда и не щадил ни мирных жителей, ни жен их, ни детей.

4

Изгнав из Коканда Худояр-хана, главари восстания избрали ханом не Пулата, а сына Худояр-хана—Наср-Эддина. Избрание Наср-Эддина было выгодно феодальной знати, ибо она знала его как слабохарактерного и недальновидного человека, которого легко подчинить своему влиянию, тогда как Пулата, пользующегося авторитетом у народной массы, было бы невозможно склонить на свою сторону.

Избрав нового хана, главари восстания считали свою цель достигнутой и хотели остановить разросшееся движение. Однако это было уже не в их власти, и под давлением повстанческой массы они вынуждены были повести наступление на долину реки Ангрены, на Кураминский уезд (по направлению к Ташкенту).

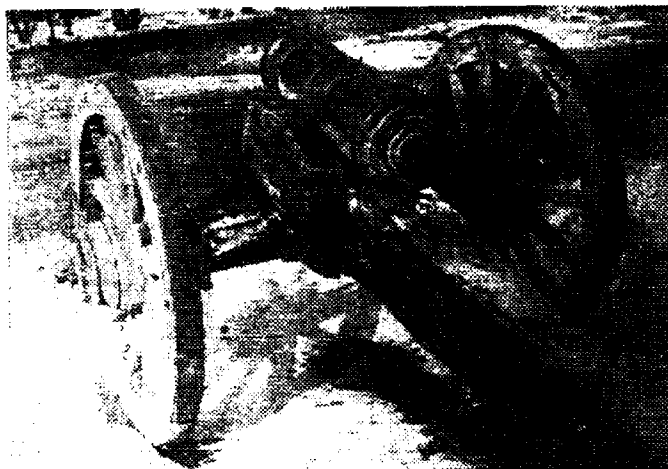
Генерал-губернатор Туркестанского округа фон Кауфман узнал о восстании, охватившем Коканд, во время своего об'езда Семиречья. В тот же день он телеграфировал военному министру:

«В Кокандском ханстве переворот, ханские войска перешли на сторону мятежников, посольство наше прикрыло отступление хана с семейством и приближенными в Ходжент помощью пятнадцати казаков и нескольких джигитов; инсургенты преследовали посольство, и казаки подвергались ружейному и артиллерийскому огню, у нас убито 2 джигита; Абдурахман-автобачи—во главе восстания, об'явил джехад¹, готовится к походу, высылает эмиссаров в наши кишлаки...»².

Отправив телеграмму, Кауфман тотчас же поспешил в Ташкент для ор-

¹ Джехад—то же, что и газават,—национально-освободительная война, с религиозной окраской, считавшаяся «священной».

² ВИА, д. № 6877, л. 1.

Кокандская пушка. 1875 год.
Музей народоведения СССР.

ганизации карательного отряда. Здесь он получил письмо от Наср-Эддин-бека, в котором последний уведомлял его о происшедшем перевороте и о своем вступлении на ханский престол.

Мы уже говорили выше, что Наср-Эддин-бека русские ставленники в Средней Азии считали человеком, «преданным русским интересам», и поэтому Кауфман с удовольствием узнал об его избрании. Кауфман написал Наср-Эддину, что признает его «именем государя императора ханом Кокандским» при условии выполнения им ряда пунктов:

- 1) восстановить кредит русским купцам, подорванный последними событиями, и выполнять договор 1866—1867 годов³;
- 2) отыскать и возратить имущество посольства;
- 3) выплатить пеню за двух убитых джигитов;
- 4) назначить пенсию Худояр-хану и верным при нем сановникам⁴.

Кауфман был уверен, что новый хан примет эти требования безоговорочно. Его расчет был бы верен, если бы в дело не вмешалась восставшая масса. Под ее давлением Наср-Эддин вынужден был задержать ответ. Тогда Кауфман, видя, что восстание не толь-

³ По этому договору, Россия получала в Кокандском ханстве право: а) свободного проезда русских купцов во все города ханства; б) учреждения, где пожелает Россия, караван-сараев; в) иметь караван-башей (консулов) во всех городах ханства; г) уравнения русских купцов в оплате пошлин с мусульманами; д) свободного пропуска через Коканд русских караванов во все соседние владения («Московские ведомости» № 209 от 15 августа 1875 г.).

⁴ ВИА, д. № 6877, л. 90—91.

ко не прекратилось, но принимает все большие размеры, принялся за формирование карательного отряда.

Передышка, которую повстанцы предоставили русским завоевателям, была полностью использована сатрапами русского царя. С личного разрешения Александра II Кауфману был открыт кредит на средства, необходимые для подавления восстания, и решено было вести военные действия по своему усмотрению¹.

В ночь на 7 августа в Ташкенте было получено известие о появлении повстанцев в Кураминском уезде. Утром был сформирован летучий отряд Головачева из 700 казаков стрелкового батальона и дивизиона артиллерии, который выступил в 6 часов утра по направлению к Теляу. Туда же в 8 часов направлен был стрелковый батальон с целью разгрома мелких отрядов восставших. Другой батальон и артиллерийский дивизион были брошены на подкрепление в Ходжент.

Не вполне уверенный в своих силах, Кауфман отдал распоряжение о мобилизации бессрочно и временно освобожденных нижних чинов, проживающих в Ташкенте (600 человек), задержал идущих на службу в округ 1600 новобранцев, вооружил на почтовых трактах смотрителей, старост почт и ямщиков.

Карательные отряды оттеснили повстанческие войска к г. Махраму.

22 августа после полуторачасового артиллерийского обстрела Махрам пал. Отряд повстанцев в количестве 5 тыс. человек, не принимая сражения, отступил к Коканду. Здесь-то и сказалось предательство Абдурахман-автобачи и Исы-Аулие, вручивших власть Наср-Эддин-беку и уведших из столицы все революционно настроенные части войск. Когда в Коканде узнали о захвате русскими Махрама, трусливый Наср-Эддин и поддерживающая его феодальная знать закрыли ворота города. Теснимые русскими войсками, повстанцы были вынуждены пройти мимо своей столицы.

7 августа по дороге в Коканд Кауфмана встретил сам Наср-Эддин-хан. Он рассыпался перед ним в выражении верноподданнических чувств. Кауф-

ман с удовлетворением доносил об этом военному министру:

«По личным объяснениям моим с ханом Заде (он же Наср-Эддин-хан.— Авт.), выехавшим ко мне навстречу с изъявлениями покорности и преданности государю императору, и по другим сведениям, подтверждающим его показания, я убедился, что хан Заде лично невиновен во вторжении кокандцев в наши пределы. Я признаю хана Заде человеком, с которым можно иметь дело. Полагаю, однако, что для будущего спокойствия необходимо расположить наш отряд на берегу с Наманганом (на берегу реки Нарына, против г. Намангана.— Авт.). Это расположение упрочит наше здесь положение в такой же мере, как расположение отряда в Истро-Александровском утвердило нашу позицию на Аму-Дарье по отношению к хану Хивинскому, но для этого необходимо усиление войск»².

После карательной экспедиции Скобелева в глубь ханства Кауфман заключил с Наср-Эддин-ханом договор, по которому к России отходили все кокандские земли, лежащие на правом берегу реки Нарына. Кроме того на ханство была наложена контрибуция в 2 миллиона рублей, якобы для возмещения убытков, понесенных русскими.

Из новых приобретенных земель был создан наманганский отдел, начальником которого стал Скобелев, проявивший столько «доблести» в борьбе с восставшим Кокандом.

С октября 1875 г. начинается второй период кокандского восстания. Во главе повстанческих войск вновь стал Пулат, провозглашенный теперь кокандским ханом. В начале октября в сражении при Андижане Пулат-хан наголову разбил отряд генерал-майора Троицкого. В это же время другая часть повстанческих войск под руководством Вали-хана заняла Коканд, принудив Наср-Эддин-хана бежать в Ходжент, под защиту русских.

Несмотря на все стратегические ошибки восставших Скобелев был бес-

¹ ВИА, д. № 6877, л. 6.

² ВИА, д. № 6874, л. 37.

Война в Коканде. 1875 год.

Музей народоведения СССР.

силен подавить мощное национально-освободительное движение. Было ясно, что, пока основная база восставших не будет разгромлена, нечего и думать об «успокоении» ханства.

Тогда Скобелев задумал зимнюю экспедицию за р. Нарын, в земли, лежащие между двух рек: Нарыном и Кара-Дарьей.

Эта территория была населена главным образом кочевыми киргизами и кипчаками, у которых были отняты лучшие пастбища и которые составляли основную силу повстанцев. Экспедиция была назначена на зиму потому, что в это время года легче всего было сломить сопротивление кочевников, ибо население с семьями и стадами скота находилось в зимовках и не имело возможности в случае нападения карателей скрыться в горные ущелья. По определению самого Скобелева, эта экспедиция «должна была нанести ему (т. е. противнику. — Авт.) такой погром, который привел бы его в бессилие и поставил бы в невозможность это главное орудие газавата продолжать попытки к наступлению против позиций на Нарыне»¹.

¹ Адам (Жюльетта Ламбер) «Генерал Скобелев», стр. 23. СПб. 1886.

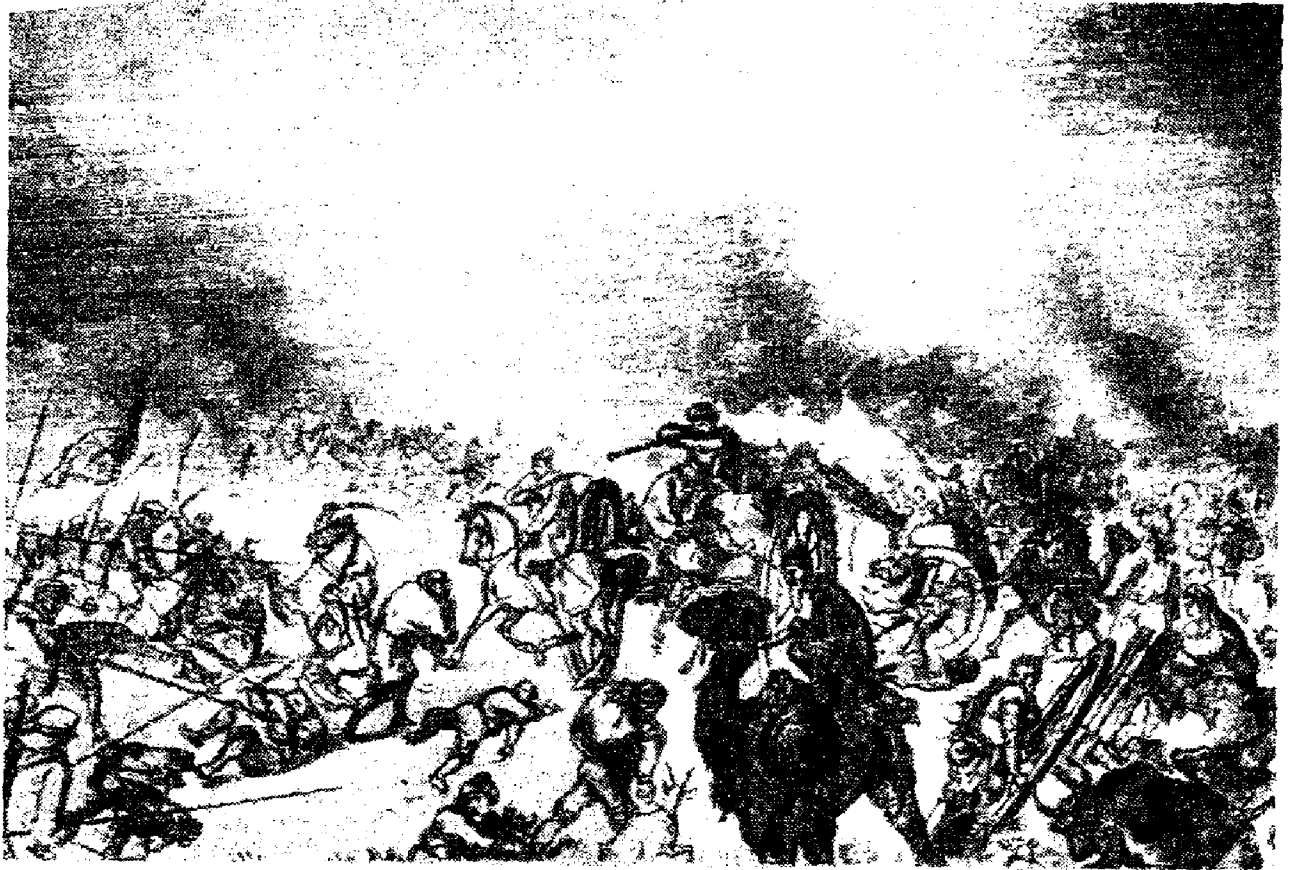
Экспедиция была проведена под непосредственным руководством Скобелева. Жестокость и бесчеловечное истребление туземцев были обычными спутниками его походов. Но здесь он превзошел самого себя.

Он сам писал журналисту Марьину, прося, однако, не печатать об этом в газетах:

«...а то я в глазах лиги мира прослышу за дикого варвара. Мой принцип таков, что спокойствие в Азии находится в прямом отношении к массе вырезанных там людей. Чем сильнее удар, тем дольше неприятель остается спокойным. Мы убили 2 тысячи туркменов при Геок-Тепе; оставшиеся в живых долго не забудут этого урока: рубили саблями все, что попадалось под руку...»².

Это циничное хвастовство вполне соответствовало действительности. Участник зимней экспедиции против кокандских повстанцев генерал Куропаткин оставил в своих записных книжках жуткие картины бесчинств карателей. Вот одна из записей его дневника:

² Там же, стр. 29.

Кровавая расправа генерала Клауфмана с туркменами. 1875 год. Музей народоведения СССР.

«30 декабря.

Утром, в 7 часов, 15 градусов мороза. В юрте 3 градуса тепла.

Первое, что мы увидели, выйдя с бивуака, был повешенный кипчак, как говорили, пойманный с пикета, вернее же, житель одного из соседних кишлаков. Прежде чем повесить, его страшно секли и разбили ему голову. Он висел голый, со спущенными штанами.

Мороз был сильный, и снег лежал довольно глубокий. На половине перехода из деревни Каракуль, лежащей вправо, прислали депутацию, и было решено их пощадить. Все же остальные проходимые деревни арьергарду было приказано жечь. Сзади темной лентой растянувшейся колесны виднелись столбы дыма. Генерал (Скобелев — Авт.), обратив внимание на общий вид войска и оставляемого им разрушения, нашел, что картина эффективна. Придя в Байнак, мы вместо упорного сопротивления и баррикад встретили жителей, которые нас встретили достарханом (изъявлением покорности. — Авт.). Им пришлось долго ждать Скобелева, который, увлекшись несколькими пикетами, пре-

следовал их почти до оставленного нами бивуака. Генерал не сказал жителям ничего утешительного: «Надо было прежде выходить с повинной, а теперь уже поздно», — а затем приказал послать на фуражировку.

В этом походе фуражировка имела странное значение: вместе с фуражом и топливом брали все, что попадало под руку: одеяла, ковры, скот, лошадей, книги, инструменты. Большею частью жители благоразумно убирались, но кое-где, доверившись силе достархана, они поплатились. Были пойманы унтерофицер и много солдат, которые употребляли женщин и рубили иногда безоружных жителей.

В Байтопе (по всей вероятности, Пойтоке. — Авт.) туземцы были так доверчивы, что первая фуражировка еще застала продавцов пельменей, но затем все разбежались, оставив несколько детей, которые беззащитно бегали с плачем по снегу¹.

Путь карательного отряда от Намангана до Андижана был пройден без больших сражений, но весь он был отмечен сплошной цепью погромов,

¹ Государственный архив феодальнокрепостнической эпохи (ГАФК). Фонд № 112. Дневник Куропаткина.

грабежей и издевательств над жителями.

8 января 1876 г. после продолжительной осады пал Андижан, а через несколько дней сдался русским и Абдурахман-автобачи.

6

В борьбе против русских колонизаторов и их ставленника Худояр-хана поднялась вся народная масса Кокандского ханства вместе с теми феодалами, которые были недовольны правлением Худояра и его дружбой с «белым» царем. Однако большинство вождей восстания, в частности Абдурахман-автобачи, вступило в борьбу с Худояром и русскими завоевателями не для защиты национальной свободы своего народа, а из-за своих личных, корыстных целей. Абдурахман был сыном крупного феодала Мусульман-Кула, которого Худояр-хан повесил за попытку свергнуть его власть. Борьба этих двух феодалов закончилась победой Худояра. Молодой Абдурахман затаил ненависть к Худояру и поклялся отомстить ему. Для этого он вошел в доверие к Худояр-хану, выжидая удобного момента для удара. Являясь одним из военачальников хана, он вел хитрую, двойственную игру: раз'езжал по кишлакам, провоцировал крестьян на восстание, а потом от имени Худояра подавлял их. Так например было с августовским восстанием 1874 года. За подавление этого восстания Абдурахман-автобачи был награжден чином перванечи (генерала). Политика Абдурахмана преследовала две цели: с одной стороны, подготавливала почву для выступления против Худояра, разжигая ненависть к нему, с другой — увеличивала доверие хана к самому автобачи.

Вейнберг в одном из своих донесений писал об этом: «Во главе продолжателей восстания стоит известный Абдурахман-автобачи, который раздувает враждебные настроения киргизов, а убедившись, что инсurreкционное движение не может иметь успеха, предлагает свои услуги хану и является как бы спасителем его власти, успокаивая своих одноплеменников

Абдурахман-автобачи. 1875 год.
Музей народоведения СССР.

увещеваниями, а иногда приходится прибегать ему и к силе оружия»¹.

Здесь видны и мотивы провокационной деятельности Абдурахмана. Он выжидал момента, чтобы присоединиться к восставшим.

Абдурахман-автобачи шел вместе с восставшими только до тех пор, пока это отвечало его собственным интересам. Как только войска повстанцев начали терпеть поражения, Абдурахман с готовностью отозвался на предложение русских — сдаться. Но при этом он не забывал своих личных выгод. В одном из писем Аризкуль-беку, предназначенном для передачи Скобелеву, он пишет: «В письме вашем, между прочим, относительно примирения вы предлагаете мне некоторые условия, в справедливости которых вы дали честное слово — я этому верю. Высылка в Сибирь, сослание на гауптвахту или же удаление в другие края могут относиться к тому, кто окажется виновником в преступлении. Дабы мне и моим родственникам не подвергаться наказанию, я желаю получить за подписью белого царя про-

¹ ВИА, д. № 6874, л. 21.

ценное свидетельство; кроме того не было бы никакого вреда на вечные времена моим родственникам»¹.

В этих письмах перед нами ясно выступает весь Абдурахман с его стремлениями и интересами. Он торгуется с самодержавием о лучших условиях сдачи и предает своих товарищей, оставляя на их долю виселицы и Сибирь. Зато себе и своей семье он выхлопотал полное помилование и содержание в три тысячи рублей в год.

Большинство феодалов, примкнувших к восстанию в своих интересах (Абдурахман-автобачи, Иса-Аулие, Аризкуль-бек), также предало его в критическую минуту.

Единственным вождем, оставшимся верным делу восстания, оказался Пулат-хан. С наиболее преданным ему отрядом он ушел в оставшийся в руках повстанцев кишлак Уч-Курган, а оттуда — в горы, чтобы весной новой лавиной двинуться против ненавистных завоевателей.

Однако среди друзей Пулат-хана нашлись предатели, указавшие путь, по которому он шел. Вдогонку ему был послан ускоренным маршем отряд ротмистра Меллер-Закомельского. 19 февраля Пулат-хан был схвачен в горах. В этот же день Александр II официально присоединил Кокандское ханство к России, переименовав его в Ферганскую область.

Осуществить присоединение стало возможно потому, что внешнеполитическое положение царской России благоприятствовало этому. Царское правительство Александра II уже оправилось после скандального провала в крымской войне и в октябре 1875 г. заключило договор с Англией, по которому последняя получала свободу действия в Афганистане, предоставляя такие же права России в Средней Азии.

Кокандское восстание 1875—1876 гг. было наиболее мощным национально-освободительным движением против русского владычества в Средней Азии в XIX веке.

Основной движущей силой в восстании были крестьянство и беднейшее городское население.

¹ ВИА, д. № 6882, лл. 186—189.

Главной причиной поражения восстания является его незрелость. У восставшей массы не было последовательного и революционного руководства.

С самого начала движения восставшие допустили целый ряд грубейших стратегических и тактических ошибок. Основной из них являлась система обороны вместо решительного наступления. Маркс и Энгельс говорили, что восстание — это искусство, и тот, кто вместо наступления предпочитает оборону, неминуемо терпит поражение. А восставшие кокандцы героически защищались, гибли сотнями под пулями завоевателей, но не переходили в наступление.

Огромнейшую роль в поражении восстания сыграло также отсутствие достаточного вооружения и умения обращаться с оружием в повстанческой армии. В то время как у восставших были старинные разнокалиберные пушки, стрелявшие только ядрами да картечью, русские среднеазиатские войска имели прекрасное по тому времени вооружение: нарезные орудия и скорострельные винтовки.

Героическая попытка свергнуть русское владычество была потоплена в крови. Но ни одно революционное выступление не проходит бесследно: массы учатся на своих ошибках и готовят силы для новых боев.

В 1917 г. рабочие и трудящиеся Средней Азии под руководством большевистской партии пошли в бой против самодержавия и буржуазии, в бой за свою национальную свободу, поняв, что только правильная ленинско-сталинская национальная политика может принести им подлинное освобождение.

И теперь эти народы вместе со всем великим Советским союзом строят новую, счастливую жизнь. 19 декабря 1935 г. на приеме в Кремле у вождей партии и правительства делегаты хлопковых полей Узбекистана рапортовали о коренных изменениях в жизни бывшей царской колонии.

Свобода, за которую бессознательно и неумело сражались кокандские крестьяне в 1875 г., была завоевана под руководством русского пролетариата в 1917 году.

ЭПИЗОДЫ БОРЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ ГРУЗИИ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Пятнадцать лет назад над Грузией, находившейся под меньшевистским господством, взвилось победное красное знамя Октября. Исторический декрет ревкома об объявлении Грузии советской республикой знаменовал собой завершение длительной и упорной борьбы трудящихся за родную им советскую власть. Замолкли навсегда шумливые декламации меньшевистских ораторов о незыблемости грузинской «демократической» республики.

В действительности все годы меньшевистского владычества были озарены заревом революционных восстаний, зарницами надвигающейся революционной развязки. Меншевистская буржуазная республика за время своего трехлетнего существования поистине не выходила из состояния постоянной войны с угнетенными рабочими и трудящимися крестьянами — абхазцами, аджарцами, осетинами, армянами и др.

В день пятнадцатилетней годовщины советизации Грузии хочется напомнить о некоторых эпизодах минувшей борьбы.

Душетское восстание 1918 года

1918 год. Владикавказ. Молодая Терская советская республика напрягала все свои силы в неравной борьбе с контрреволюцией. Вдохновенный голос пламенного трибуна революции тов. Кирова будил бедноту, звал ее на

бой, к победе. Стальная воля тов. Орджоникидзе, тогдашнего чрезвычайно комиссара юга России, его большевистская неукротимость в преодолении всех препятствий придавали коммунарам многоплеменного Терка новые силы в этой борьбе. В кольце всевозможных контрреволюционных банд, в обстановке бесконечных подкопов со стороны внутренней контрреволюции, под белогвардейскими террористическими выстрелами молодая терская коммуна долгое время выдерживала напор врагов.

К маю — июню большинство членов Кавказского краевого комитета РКП(б) с группой партийцев-активистов переехало во Владикавказ, чтобы вместе с местными партийцами отбивать терскую коммуны от ударов усиливающейся и нагнетающей с каждым днем контрреволюции, организовать силы революции в Грузии и повести их на штурм меньшевизма. Такими были непосредственные задачи, вставшие перед закавказскими, в частности грузинскими, большевиками.

По директиве крайкома, из указанных партийцев и из переходивших из Грузии во Владикавказ рабочих и крестьян в конце мая был организован так называемый Особый железный отряд. Отряд этот являлся надежным орудием партии и советской власти по борьбе с контрреволюцией, искоренению белогвардейских гнезд и наведению революционного порядка.

В конце июня из Грузии стали поступать бодрящие вести о восстании в Душетском уезде. Повстанцы разбили меньшевистские отряды, приблизились к Мцхету (недалеко от Тифлиса) и угрожали самой столице меньшевистского правительства.

В знойный, июльский день меня вызвали в крайком, где гг. Махарадзе Филипп и Назаретян Амаяк в присутствии тов. Георгия Чхеидзе сообщили мне кратко, по-боевому, решение крайкома: повстанцы нуждаются в продовольствии и патронах, необходимо доставить на повстанческий фронт 5 фургонов продовольствия и возможно большее количество патронов. На прощание Амаяк инструктировал меня: операция имеет характер военной экспедиции, так как двигаться надо по районам с неустойчивым

С. М. Киров. 1919—1920 г.

военным и политическим положением, где возможны всякие неожиданности.

3 июля, с вечерней зарей, 5 фургонов, груженных сухарями, сахаром, чаем, и фургон патронов отправились по Военно-грузинской дороге под прикрытием 75 бойцов Особого железного отряда.

Демаркационная линия между революцией и контрреволюцией проходила в то время между Казбеком и Сионом¹. Ко времени прибытия отряда на Казбек вооруженный конфликт между казбекцами и сионцами достиг крайнего напряжения. Под влиянием агитации попов и меньшевиков Казбек превратился в форпост меньшевистской контрреволюции. Сионцы, руководимые солдатами-фронтниками, ратовали за советскую власть. Они организовали повстанческий штаб и поддерживали в сфере своего влияния строгий революционный порядок.

Вооруженное вмешательство Особого железного отряда решило спор в пользу сионцев. Казбекцы вынуждены были снять фронт и принять все условия повстанческого штаба сионцев.

¹ Смежные населенные пункты по Военно-грузинской дороге.

6 июля посеревший от дорожной пыли отряд достиг Пасанаура. После небольшого привала бойцы готовились к немедленному дальнейшему продвижению на Ананур. По полученным нами сведениям, сюда именно откатился повстанческий фронт. Не успел отряд разнуздать лошадей, как в Пасанаур влетел на взмыленном коне всадник с тревожными вестями: противник обошел по Жиннанскому ущелью повстанцев и ударил с тыла, захватил у них артиллерию, пулеметы и ликвидировал весь повстанческий фронт, меньшевистская кавалерия быстро двигается вверх по Арагве и с минуты на минуту нагрянет на Пасанаур.

Положение складывалось исключительно тяжелое. Разом потускнели перспективы на общее восстание. Зловеще нависли в своей неразрешимости непосредственные оперативные задачи. Всем было ясно, что ананурское поражение — не случайный эпизод, а заключительный акт начавшегося под Бебрис-Цихе (около Мцхета) разгрома восстания.

Однако нельзя было терять времени, надо решать и действовать. Спешно созвали летучее совещание, на котором присутствовали гг. Виктор Сихарулидзе, Тома Чубинидзе и Тедо Жужиашвили. Решили организовать партизанские выступления, чтобы не давать противнику «жить спокойно». Но и для таких выступлений нужна была реальная сила, а мы располагали лишь 75 бойцами Особого железного отряда при 2 пулеметах «Максим». Горсточка людей против многочисленной меньшевистской армии и гвардии в составе всех родов оружия, вплоть до немецких аэропланов! Особенно мощную силу представляла артиллерия противника, которая насчитывала свыше 16 орудий.

Идти в бой при таком соотношении сил, тем более по свежим следам жиннанской катастрофы, могло казаться безумием с точки зрения здравого смысла. Но только таким путем можно было показать меньшевистским полчищам, упоенным своими победами, что революция жива. Вместе с тем это выступление должно было облегчить операции отряда тов. Гегечкори, который со дня на день должен был выступить из Владикавказа по Воен-

но-грузинской дороге. Сразу же после совещания бойцы Особого железного отряда двинулись навстречу противнику.

У селения Сондо завязался горячий бой, в результате которого авангардные части противника вынуждены были отступить. Большевики, сбитые с толку неожиданным появлением нашего отряда, приостановили свое наступление и стали готовиться к широким боевым операциям.

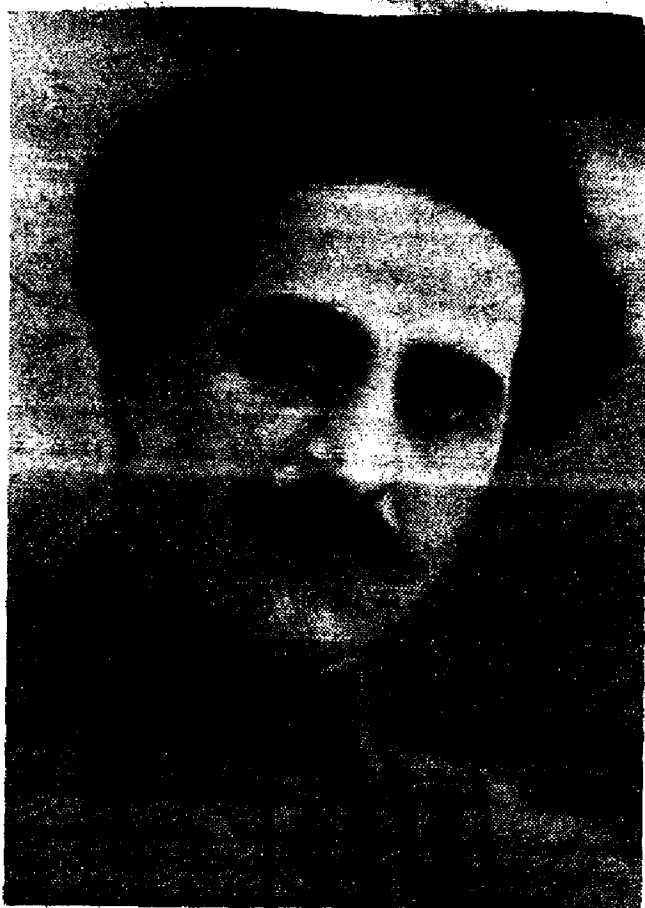
Целых три дня горсточка бойцов Особого железного отряда удерживала свои позиции против многочисленной меньшевистской армии, предупреждая и парализуя летучими наскоками излюбленный маневр противника — обходные движения. На третий день, после ожесточенного боя, в котором с самого же начала принимала решающее участие вся неприятельская артиллерия, наш правый фланг из-за нехватки патронов вынужден был податься назад. Под покровом темной ночи весь отряд со значительными потерями отступил к селению Амирджари.

Сражение у четырнадцатой версты произвело большое впечатление на противника. Некоторое представление об этом дает запись от 8 июля 1918 года в «Тяжелом кресте» — дневнике вождя меньшевистской гвардии В. Джугели:

«Идет отчаянный бой. Противник занимает высоты и со всех сторон обстреливает нас. Мы совершаем тяжелый обход... хотели выйти в тыл пулеметам противника... Вступили в Пасанаур в 9 часов вечера. С 10 часов утра до 5 часов вечера был жаркий бой...»

Так, на подступах к Пасанауру кавалерийский марш меньшевиков неожиданно прервался упорным и ожесточенным сражением. Особый железный отряд дал знать противнику, что и после жиннанского поражения большевистская революция не побеждена, и никакими пушками не привести ее к молчанию.

Действия Особого железного отряда всколыхнули революционный энтузиазм крестьянской бедноты. К Амирджари стали стекаться вооруженные крестьянские отряды из соседних грузинских и юго-осетинских деревень.

Г. К. Орджоникидзе. 1919 г.

Силы повстанцев возросли до 400 вооруженных бойцов.

10 июля разыгралось ожесточенное сражение, длившееся с 6 часов утра до 8 часов вечера. На отдельных участках повстанцы переходили в штыковые атаки. Но роковое отсутствие патронов лишило повстанцев возможности добиться победы.

* * *

В связи с отступлением повстанцев от Млет местные кулаки во главе с духанщиком Бурдули пытались подговорить крестьян схватить главарей восстания и выдать их Джугели, тогда, мол, население избавится от репрессий. Но попытка кулаков спровоцировать крестьян успеха не имела.

Бедняцко-средняцкая часть крестьянства платила приспешникам помещиков, кулачья и попов нескрываемой классовой ненавистью.

«Те же слухи о том, что мы «дворянский отряд»... Сердце обливается кровью, когда мы видим, что народ, на благо которого мы работаем, не щадя своих жизней, относится к нам с недоверием», — заливается крокодиловыми слезами один из палачей ду-

ВОЗЗВАНИЕ

Братья трудящиеся! Мы крестьянство нейтральной зоны Лори подняли знамя восстания и провозгласили Советскую Власть.

Кровавый произвол „демократической“ Грузии обединил в борьбе труженников крестьян без различий веры и наций.

Этот братский союз армянских, татарских, грузинских и молдавских крестьян дал быстро победу в наши руки, прошло два дня дружной борьбы и провинция Лори—свободная Советская крестьянская земля.

Опричн и меньшевистской Грузии, уходя сожгли и разграбили наши лучшие села: Воронцовку, Привольное и др. Но таких негодяев была кучка. Честные же солдаты грузины, не забывший совести рабочего и крестьянина, сдались нам без борьбы—они наши почетные гости. Привет Вам грузинские рабочие и крестьяне от освободившагося крестьянина Лори. Мы знаем никто не сможет заставить вас пойти войной на нашу свободу, отнимать нашу землю.

А сами мы будем защищать свою Советскую Власть до конца. Мы знаем, что наши свободные окрепшие братья Советской России, Армении и Азербайджана не вернут нас в руки насильников. Под покровительство братских Сов. республик мы себя отдаем.

Да здравствует победа рабочих и крестьян во всем мире!

„Повстанческий штаб, Лорийский Ревком“.

Воззвание повстанческого штаба Лорийского ревкома.

шетских крестьян, Орагвонидзе, в своем донесении от 11 июля 1918 года¹.

«Крестьянство здесь встречает нас упрямо. Очевидно, оно нас считает врагами»,—недоумевает с поделкой наивностью Джугели в «Тяжелом кресте» от 6 июля 1918 года.

Все свои надежды крестьянская беднота возлагала на нашу партию. С нею она неразрывно связывала свою судьбу. Этим объясняется то, что после ликвидации повстанческого фронта у Жиннана, по зову партии, словно из-под земли выросли вооруженные крестьянские отряды, готовые вновь сражаться с меньшевиками.

Крестьянская беднота и значительные массы середняков своими вооруженными выступлениями открыто голосовали за советскую власть, против «демократической» республики меньшевиков.

¹ Газета «Борьба» № 116 от 13 июля 1918 года.

Переход зимой 1921 года через Трусовский перевал

В феврале 1921 года выпало много снега. Такого снегопада не помнили даже старики-горцы. 17 февраля, в 2 часа ночи, меня спешно вызвали во Владикавказский штаб войск, к командующему. Из Грузии были получены важные сведения, касавшиеся начавшегося восстания в Лорийском районе.

К этому времени Советская Россия победоносно ликвидировала все военные фронты. У пролетариата Советской России имелась возможность оказать реальную помощь пролетариату и крестьянской бедноте Грузии, героически вступившим в бой за свержение ненавистного меньшевистского ига.

По всему Северному Кавказу и особенно по всей тогдашней Терской области были рассеяны многочисленные группы юго-осетинских бедняков, эмигрировавших из Грузии после зверского подавления меньшевистскими ордами революционного восстания 1920 года. Естественно, в первую очередь вставал вопрос о том, чтобы дать возможность этим группам организованно вернуться на родину для активного участия в развернувшейся с новой силой революционной борьбе. Знакомство с местностью и местными условиями придавало им и в чисто военном отношении исключительную ценность.

Правда, в результате восьмимесячной эмиграции большинство юго-осетинских крестьян было раздето и разуту. Голод и эпидемии вырвали многих из их рядов. Но несмотря на все бедствия и лишения их революционная отвага и решительность не ослабели.

Примерно 13—15 февраля во Владикавказе происходил съезд эмигрантов из Юго-Осетии. Весть о начавшемся восстании в Грузии съезд встретил восторженными овациями. Был избран командир бригады, которому съезд поручил связаться с руководством восстания, срочно организовать из эмигрантов партизанскую бригаду и повести ее на помощь восставшим, на штурм меньшевистской Грузии.

Однако организация их в боевую единицу наталкивалась на целый ряд

Зверства меньшевиков в Грузии.

С карт. Джапаридзе.

трудностей. Основными из них оказались не снабжение эмигрантов оружием, боеприпасами и продовольствием, а обеспечение бойцов одеждой и обувью. Зимняя стужа, когда районы предполагаемых военных действий были похоронены под слоем глубокого снега, усугубляла острогу этого вопроса.

К 22 февраля в Алагир удалось стянуть до 1500 человек. После тщательной проверки из них были выделены наиболее выдержанные и закаленные в боях партизаны и сведены в отдельный отряд. Отряд, или бригада, как его называли сами бойцы, насчитывал до 900 бойцов, вооруженных винтовками и ручными гранатами, и 2 пулеметные команды при 4 пулеметах «Люиса» и 6 пулеметах «Максима».

В процессе развития событий задачи, поставленные перед бригадой, менялись коренным образом. Вначале предполагалось, что бригада будет играть роль сторожевого охранения на участке между Мамисонским и Трусовским перевалами. В дальнейшем ей было поручено произвести диверсию в сторону Трусовского ущелья и по верховьям реки Терека выйти к станции Коби, в тыл меньшевистскому казбекско-дарьяльскому гарнизону,

державшему в руках «ключ к Грузии», как горделиво заявляли меньшевики.

22 февраля, ночью, бригада выступила из Алагира и 26 февраля подошла к селению Зака, пройдя пешком около 100 километров. Большею частью переходы приходилось делать ночью. Двигаться надо было по глубокому непроторенному снегу. Обоз поминутно проваливался в снежные сугробы. Ветер завывал, поднимая целые облака снежной пыли, которая слепила людей и больно хлестала по лицу. Время от времени горы снега с оглушающим свистом сползали вниз и загораживали дорогу. В Нарско-Закинском ущелье бригада прорыла с десятков таких обвалов общим протяжением в 5—7 километров.

Так самоотверженно боролась раздетая и разутая юго-осетинская беднота со снежными сугробами и грозными обвалами в глухих Алагирском, Нарско-Закинском ущельях.

26 февраля, глубокой ночью, бригада достигла подножия двух перевалов: Бахфандагского и Трусовского. Первый путь — в юго-осетинские ущелья, второй — в Трусовское ущелье, к верховьям реки Терека. Оба перевала малодоступны зимой, но все-та-

Въезд Красной армии в Тифлис. 1921 год.

ки Бахфандагский легче и менее опасен для переходов, кроме того за Бахфандагом находились родные для партизан места с пепелищами разграбленных и сожженных меньшевиками деревень и аулов. У многих там остались семьи.

В селении Нар бригада застала группу беженцев, состоявшую главным образом из стариков, женщин и детей, которые за несколько дней до этого перевалили сюда из Юго-осетии, спасаясь от преследований меньшевистского «демократического» правительства.

Вид этих измученных, загнанных людей вызвал чувство гнева и мести в партизанах. Бригада заволновалась, бойцы направились к командиру с требованием немедленного приказа о наступлении по юго-осетинским ущельям, чтобы обрушиться на ненавистных насильников. Но на рассвете 27 февраля были получены эстафетой диспозиция и приказ штаба Кавказского фронта, руководимого тт. Орджоникидзе и Кировым, о переходе через Трусовский перевал.

Тяжело было бойцам отказаться от своего намерения и оставить родные места под меньшевистским игом, но дело революции требовало этого, и бойцы подчинились приказу.

Трусовский перевал — естественный тупик между РСФСР и Грузией, находящийся на высоте 3800 метров над уровнем моря. За ним тянется узкое Трусовское ущелье, по которому река с ревом прорезает себе путь. В крутых склонах ущелья нагромо-

дились колоссальные сугробы снега, которые грозят сползти каждую минуту и навеки похоронить под испанскими снежными лавинами отважившихся на переход смельчаков.

Не менее смелой была эта операция и в военном отношении: группа людей, совершенно отрезанная от своей базы, рисковала попасть под прямой удар противника, имеющего в своем распоряжении Военно-грузинскую дорогу.

Но исполненные непреклонной воли к победе, партизаны бесстрашно двинулись в этот неслыханно трудный поход.

28 февраля бригада, вытянувшись в длинную вереницу, направилась к снежным вершинам Трусовского перевала. По скользким отвесным подъямам босые и раздетые люди перетаскивали на себе тяжелые пулеметы «Максим», боеприпасы и весь обоз.

Зимой, при таком глубоком снеге, перевал этот никто не переходил. Он был трудно переходим даже летом, так как настоящей дороги не было; вместо нее по обоим склонам перевала змейкой вилась горная тропинка шириной с человеческую ступню; местами она проходила над обрывами, где оступившегося путника подстерегала верная гибель. Но теперь не видно было и этой тропинки. В двух—трех местах с большим риском для жизни удалось искусственно спустить обвалы и таким образом обнажить землю. В наиболее крутых местах приходилось карабкаться на четвереньках, задыхаясь под тяжестью оружия

и боеприпасов. После четырех часов напряженной борьбы за каждый шаг бригада стала приближаться к гребню перевала. Но спуск представлял не меньше опасности: второй склон оказался почти отвесным. Измученные люди, не имея сил держаться на его скользкой крутизне, кубарем катились вниз. До 20 человек сорвалось в пропасть, но товарищи не оставили их: с опомным трудом их удалось вытащить.

В довершение ко всему небо неожиданно нахмурилось. Густой туман окутал всю окрестность. Бригада лишилась какой бы то ни было возможности ориентироваться в местности. И все же несмотря на все препятствия и трудности переход был в тот же день благополучно закончен.

Бригада в полной боевой готовности вступила на территорию Грузии. В тот же день головные части быстрым маршем прошли Касарскую теснину и вышли к станции Коби.

Через два дня в Коби приехал тов. Гегечкори, следовавший со специальными заданиями, вместе с отрядом, наступавшим на Казбек с фронта. Первым делом он посетил штаб бригады и от имени ревкома и компартии Грузии поздравил бойцов с самоотверженным выполнением поставленной задачи. В волнующей беседе тов. Гегечкори рассказал им, что в падении казбекского гарнизона значительную роль сыграло его сообщение командованию меньшевистского гарнизона о том, что с тыла он отрезан наступающими по Трусовскому ущелью партизанами.

«Наискорейшего успеха надо ожидать от опасения противника утратить путь к отступлению, если такое опасение удастся внушить ему», — пишет Клаузевиц про стратегическое маневрирование в горах.

Диверсия юго-осетинских партизан внушила страх противнику и вынудила его сдаться.

* * *

2 марта резервный батальон бригады в составе 180 штыков переправился через Бахфандагский перевал и быстро продвинулся к селению Джаве. Отсюда, разбившись на три колонны, он тремя радикально идущими ущельями стал двигаться на г. Цхинвали. К бригаде присоединились местные повстанцы. После боев у сел Ванат и Свери партизаны 5 марта, рано утром, вступили в город.

5 марта главные силы бригады выступили из Коби по Военно-грузинской дороге на соединение с 98-й бригадой в районе Сачхер. В 12 часов устроили привал за Кумлицихе прямо под открытым небом.

Ночные переходы по мрачному Нарско-Закинскому ущелью заставили особенно сильно ценить яркие, южные краски долины реки Арагвы. Пригретые солнцем, партизаны завели мирную крестьянскую песню, в незатейливой мелодии которой с неподдельной простотой и выразительностью изливалась тоска бедняка-земледельца по земле, по работе. И как бы в униссон этим смутным думам-желаниям комбриг прочел вслух только что полученное через штаб войск распоряжение тов. Орджоникидзе отпустить партизан по домам, так как силы меньшевиков полностью разгромлены.

Пятнадцать лет прошло с тех пор. Как пример маневренных операций в горах действия бригады, возможно, не лишены интереса и по сегодняшний день. Но нет сомнений в том, что политические итоги, которые подвел этот поход, значительно шире и важнее его тактического содержания.

К ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г. Рейхберг

РАЗГРОМ УНГЕРНА И ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1921 г.)

1

В своей беседе с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 года товарищ Сталин на вопрос: «Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики», ответил: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомоняков уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году»¹.

В текущем году исполняется 15 лет со времени окончания борьбы монгольских трудящихся за свою независимость, при содействии Красной армии, с одним из самых отвратительных белогвардейских агентов японско-

го империализма — бароном Унгерном.

Монгольская Народная Республика расположена на территории так называемой Внешней Монголии и граничит на севере и северозападе с СССР и Тувинской народной республикой (бывший Урянхайский край), на западе и юге — с Китаем (провинция Синь-Цзян и Внутренняя Монголия) и на востоке — с Манчжурией. Площадь ее равна приблизительно 1500 тысячам квадратных километров. По своей поверхности Внешняя Монголия является плоскогорьем, со значительным преобладанием степных и пустынно-песчаных районов, особенно на юге и юговостоке (пустыня Гоби); на северозападе и частично на востоке она охвачена отрогами горных хребтов (Алтайские горы, Яблоновый хребет и др.). На территории Внешней Монголии расположен ряд крупных озер (Косогол, Убса-Нор и др.) и рек, как например Селенга, впадающая в Байкал, Керулен, Орхон. Естественные богатства: железная руда, бурый каменный уголь, золото и др. — разработаны недостаточно.

Население Монгольской Народной Республики в настоящее время превышает 800 тысяч человек, а в период гражданской войны (1919—1921 годы) равнялось приблизительно 650 тысячам человек. 90% из них составляют монголы и около 10% — китайцы и русские. По своему социальному составу население Монголии делилось к этому времени на следующие группы: высшее сословие — князья, стоявшие во главе отдельных княжеств (хошунов), к этой категории следует причислить и дворян; духовенство, игравшее в Монголии огромную роль²; крепостные (хамджилга), составлявшие значительный процент, и свободные скотоводы-кочевники (араты), являвшиеся основной массой населения.

² Господствующая религия — буддизм, точнее, его разветвление, так называемый ламаизм. Монастыри (дацаны) являлись в Монголии крупнейшими хозяйственными организациями.

¹ «Правда» от 5 марта 1936 года. (Разрядка наша. — Г. Р.).

По переписи 1918 года, в провинции Халхе имело место следующее характерное соотношение групп коренного населения: князья и дворяне — 5,7%, ламы — 44, крепостные — 16,6, свободное население — 26,2, вне сословий — 7%. В настоящее время во всей Монголии насчитывается аратов около 85%, лам — 13 (по отношению к взрослому мужскому населению они составляют 36%), бывших князей и дворян — 2%.

Основным занятием населения является примитивное кочевое скотоводство. Количество скота достигает теперь 22 миллионов голов (верблюды, лошади, рогатый скот, овцы и козы). О значении скотоводства в Монголии говорит тот факт, что доход от скота в народном хозяйстве страны достигает 65%. Значительная часть лучшего товарного скота до революции находилась в руках монастырей и князей. Среднее хозяйство монгола-арата было в 10 раз беднее среднего монастырского хозяйства и в 45 раз беднее княжеского хозяйства¹.

Земледелие в Монголии развито очень слабо; промышленность еще меньше. Попытки к ее развитию делаются лишь в настоящее время (механический завод в Улан-Баторе (быв. Урга), кожевенный завод, кирпичный завод, суконная фабрика, ряд кустарных предприятий и т. д.).

Обращаясь к прошлому монгольского народа, необходимо остановиться на том периоде (XIII столетие), когда монголы, кочевавшие в Центральной Азии, подчинили себе большинство окружающих их народов (завоевание Чингис-ханом Китая, Туркестана, древней Руси и др.; в Китае, например, в конце XIII века установилась так называемая Юаньская, или Монгольская, династия).

В конце XIV и в XV веке начинается распад Монгольской «империи», а затем и самих монгольских племен. После подчинения Китая Манчжурской династии значительная часть монгольских князей в свою оче-

редь подчинилась в конце XVII века манчжурам. В знак покорности монголы были обязаны по примеру китайцев носить косы. Манчжуры содействовали укреплению в Монголии феодального строя и буддийской церкви. Были утверждены шесть княжеских титулов, и князья стали получать жалованье из казны. Феодально-теократическая верхушка Монголии была приведена в полную покорность манчжурской династии.

Огромное влияние на экономическое положение Монголии оказал китайский торгово-ростовщический капитал, постепенно опутавший всю хозяйственную жизнь Монголии.

Двойная эксплуатация: со стороны собственных князей и духовенства и со стороны китайских купцов (только в виде процентов по долгам одна из китайских фирм угоняла ежегодно из Монголии около 70 тысяч лошадей и 500 тысяч баранов!) — привела к застою монгольское народное хозяйство и почти к полному разорению и вымиранию монгольских трудящихся.

Событием, оказавшим влияние на дальнейшие судьбы Внешней Монголии, явилась китайская революция 1911 года, ликвидировавшая Манчжурскую династию.

В этот период под влиянием все более усиливавшейся эксплуатации со стороны Китая и ряда колонизационных мероприятий, проведенных им, в Монголии зародилось национальное движение. Известную поддержку оказало монгольским князьям, возглавившим это национальное движение, царское правительство, которое после поражения 1904—1905 годов в Манчжурии решило прибрать к своим рукам Внешнюю Монголию. По секретному договору от 17 июля 1907 года между Японией и Россией, правительство первой, «признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, обязывается воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам»².

² Цит. по «Сборнику договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке» (1842—1925), стр. 169. Сост. проф. Э. Гриммом. М. 1927.

Согласно секретной русско-японской конвенции от 25 июня 1912 года, Япония

¹ См. статью И. Майского «Социальное строение Внешней Монголии». Журнал «Народы Дальнего Востока» № 1 за 1921 год, стр. 49.

Барон Уигерн — «покоритель Монголии».
Карикатура Ю. Ципевского.

В Петербурге была принята специальная делегация монгольских князей с письмом к русскому царю, в котором указывалось на их решение отделиться от Китая.

18 ноября старого стиля собравшиеся в Урге монгольские князья объявили Внешнюю Монголию независимой. Была выпущена специальная декларация, в которой говорилось: «В настоящее время на юге в манчжурских и китайских провинциях возникло междоусобное восстание, которое

и Россия договорились, что «Внутренняя Монголия разделяется на две части: одна на восток, другая на запад от Пекинского меридиана (116°27' вост. долготы от Гринвича). «Императорское российское правительство обязуется признавать и не нарушать специальных японских интересов в части Внутренней Монголии, находящейся к востоку от вышеозначенного меридиана, и императорское японское правительство обязуется признавать и не нарушать специальных русских интересов в части Внутренней Монголии, находящейся к западу от означенного меридиана» (там же, стр. 180).

грозит уничтожением Манчжурской династии. Наша Монголия в своем первичном основании была отдельным государством, а потому, основываясь на древнем праве, Монголия утверждает себя независимым государством с новым правительством и независимой от других властью в вершении своих дел. Ввиду изложенного сим объявляется, что мы, монголы, отныне не подчиняемся манчжурским и китайским чиновникам, власть и ведение которых совершенно уничтожаются, и они вследствие этого должны отправиться на родину»¹.

Великим ханом с титулом «многими возведенного» был избран 18 декабря духовный глава монгольской церкви Богдо-Геген (Джебцзун-Дамба-Хутухта). Китайская власть была ликвидирована в Монголии почти без сопротивления, долги Китаю были объявлены уничтоженными и т. д.

События в Китае и Монголии царское правительство поспешило использовать в своих интересах. 21 октября 1912 года царская Россия заключила с монгольским правительством договор о поддержке существующего строя и недопущении китайских войск в Монголию². Взамен царская Россия получила в Монголии ряд экономических льгот и привилегий, положивших начало превращению Монголии в колонию царской России.

В 1913 году китайское правительство двинуло свои войска в Монголию, заняв южную ее часть. Не желая ухудшать отношения с Китаем, царское правительство пошло на ряд уступок и заключило 23 октября 1913 года специальное соглашение, по которому была признана автономия Внешней Монголии при сохранении суверенитета Китая. Не чувствуя себя достаточно сильным, монгольское правительство вынуждено было примириться с этим и подписать 25 мая 1915 года в Кяхте так называемое тройное соглашение об автономии Внешней Монголии³.

¹ Статья «СССР и МНР» в журнале «Хозяйство Монголии» № 3 за 1931 год, стр. 7.

² «Сборник договоров», стр. 181.

³ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях». Ч. 2-я, стр. 34—35. Сост. проф. Ключников и Сабанин.

Результаты, которые дала автономия Внешней Монголии монгольским трудящимся, прекрасно охарактеризованы в декларации первого съезда революционных организаций Дальнего Востока в 1922 году: «Восемь лет существования автономной Монголии ничего не дали монгольскому народу. Ставшие у власти недавние покорные слуги манчжуров — владетельные князья—за этот период не провели никаких мероприятий для облегчения тягот трудового народа. Народная масса, связывавшая столько надежд с освобождением из-под власти Китая, осталась попрежнему бесправной и бессловесной, бьющейся в петлях торговой кабалы»¹.

2

Великая пролетарская революция 1917 года, а затем гражданская война оказали огромное влияние на дальнейший ход событий во Внешней Монголии, явившись могучим толчком для последующего широкого развития национально-революционного движения в колониально-зависимых странах. В этот период в качестве претендента на Внешнюю Монголию выступает, однако, империалистическая Япония, проявлявшая интерес к Монголии, особенно к Внутренней, и раньше.

Победу контрреволюции в Сибири и на Дальнем Востоке и начало интервенции Япония решила использовать в своих целях...

Не брезгуя никакими средствами, Япония начинает спекулировать лозунгами панмонгольского движения, т. е. объединения Монголии в этнографических границах. Был разработан план создания «Великого Монгольского государства», по типу современного «Манчжоу-Го», являющегося фактической колонией Японии. Япония сделала попытку использовать в своих целях националистическое панмонгольское движение через одного из своих ставленников — белогвардейца атамана Семенова, укрепившегося с сентября 1918 года в Забайкалье.² В

феврале 1919 года в Чите была созвана специальная конференция представителей Внутренней Монголии, Барги, забайкальских бурят и др. (на конференции, между прочим, присутствовал японский майор Судзюки). Конференция вынесла решение о создании «Великого Монгольского государства» и выбрала даже свое правительство с временным местопребыванием в Даурии.

Атаман Семенов, действуя по японским директивам, обещал предоставить новому правительству в месячный срок один миллион рублей, устроить заем, снабдить вооружением и т. д.³ Борьба в лагере «панмонголистов» (Урга находилась в это время фактически в руках китайцев, и Богдо-Геген не поддержал нового правительства) привела в конце концов в сентябре 1919 года к вооруженному столкновению между ними и распаду движения. Следует отметить, что трудящиеся монгольские массы почти не были затронуты этим движением. Специфическими националистическими лозунгами была задета только одна верхушка.

В связи с создавшимся положением Япония предпочла действовать через других своих ставленников — аньфуистов⁴, пришедших в это время к власти в Китае. Между японским и китайским правительствами было заключено секретное соглашение о посылке войск к русской границе «для защиты Монголии от большевиков». Монголия была оккупирована китайской армией (в одной Урге было 6 тысяч человек) во главе с японским ставленником — генералом Сюй Ши-ченем. В конце 1919 года он был утвержден в должности верховного комиссара Монголии и генерал-директора «Бюро по обороне границы», которое объединяло китайскую армию,

_____ ская интервенция на Дальнем³ Востоке», Соцэкгиз. М. 1935.

³ Конференция выделила даже своих представителей на Версальскую конференцию, однако дальше Токио они не уехали. (Подробнее см. у А. С—кого «Роль Японии в «панмонгольском движении». Журнал «Новый Восток» № 2.

⁴ Японофильский клуб Аньфу, организованный в Пекине в 1917 году, представлял интересы китайских милитаристов, крупных помещиков и бюрократии.

¹ «Хозяйство Монголии» № 3 за 1931 год, стр. 8.

² Подробнее см. в нашей книге «Япон-

действовавшую в Монголии. Под давлением Японии была также ликвидирована автономия Внешней Монголии по декрету президента Китайской республики от 22 ноября 1922 года. Еще до этого, в сентябре 1919 года, ряд подкупленных Китаем монгольских князей и сановников подал петицию Богдо-Гегену, настаивая на ликвидации автономии. Находившийся фактически в плену у китайских милитаристов Богдо-Геген «добровольно» согласился с этим. В Монголии установился военно-оккупационный режим, было предъявлено требование об уплате старых долгов Китаю и пр.

Все эти мероприятия послужили толчком к развитию среди широких монгольских масс национально-повстанческого движения, направленного против оккупантов страны. Большое значение в этом отношении имел пример Советской России, освободившей угнетенные царизмом национальности и на территории которой широкие массы трудящихся бурят-монголов поднимались к новой, культурной жизни¹.

Яркой противоположностью политике Японии и Китая в Монголии явилось обращение советского правительства к «Монгольскому народу и правительству автономной Монголии» в августе 1919 года, в котором заявлялось, что его политика не имеет ничего общего с колониальной политикой царской России. «Рабоче-крестьянское правительство,—читаем мы в этом обращении,—уничтожило все

¹ В своем выступлении при приеме делегатов трудящихся Бурят-Монгольской АССР руководителями партии и правительства в Кремле в январе 1936 года, секретарь Бурят-монгольского обкома ВКП(б) тов. Ербанов рассказывал:

«Наступает 1920 год. Наша славная Красная армия освобождает Сибирь от колчаковщины, семеновщины и японской интервенции. Для бурят-монгольского народа наступает новый исторический период, период свободной, счастливой жизни. Перед бурят-монгольским народом встает вопрос о создании национальной административной единицы в форме автономной области. Я помню тот счастливый исторический момент, когда в декабре 1920 года меня командировали в Москву к товарищу Сталину по вопросу об образовании Бурят-Монгольской автономной области. Я был очень любезно принят товарищем Сталиным» («Правда» от 30 января 1936 года).

тайные договоры с Японией, Китаем, которыми царское правительство в свое время, под видом автономии Монголии, якобы в интересах монгольского народа, отняло Монголию у Китая только для того, чтобы посадить в Ургу своего советника, чтобы расхищать богатства монгольского народа и передать его русским купцам и угнетателям народа.

Однако в мае прошлого года восстание чехословаков и нашествие японцев на Сибирь не дали возможности осуществить наши планы и вернуть монгольскому народу то, что у него было захвачено царским правительством. Японцы вместе с союзниками не допустили даже представителей рабоче-крестьянского правительства приехать в Ургу с вестью из Москвы.

Теперь, когда эту весть несет победоносная Красная армия, гонящая перед собой банды Колчака, Семенова и других грабителей, советское правительство снова торжественно заявляет:

«Русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительствами относительно Монголии. Монголия есть свободная страна. Русские советники, царские консулы, банкиры и богачи, державшие силой и золотом в своих руках монгольский народ и выжимавшие из него последние соки, должны быть выгнаны из Монголии. Вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии. В отмену соглашения 1913 года Монголия как независимая страна имеет право непосредственно сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина или Петрограда.

Советское правительство, громкогласно возвещая об этом монгольскому народу, предлагает немедленно вступить в дипломатические сношения с русским народом и выслать навстречу Красной армии посланцев свободного монгольского народа»².

Победы Красной армии в Сибири и ликвидация в конце 1919 и в начале

² Цит. по статье «СССР и МНР» в журнале «Хозяйство Монголии» № 3 за 1931 год, стр. 11 и 12.

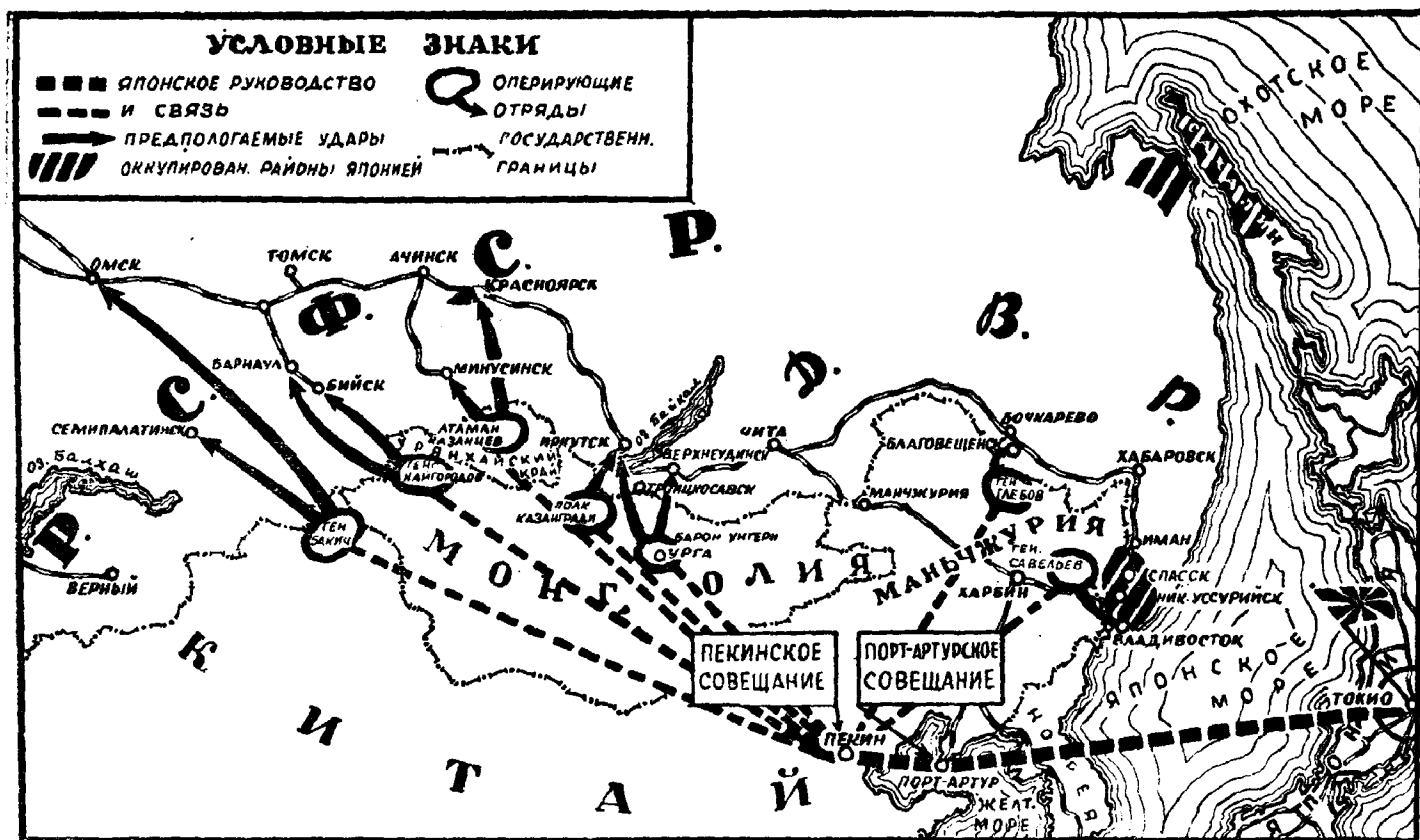

Схема организации белогвардейского движения Японией в 1921 году.

1920 года колчаковщины¹ не могли не оказать влияния на положение в Монголии.

К этому времени неблагоприятно стали складываться дела для Японии и в Китае. В июле 1920 года в Пекине было свергнуто аньфуистское правительство, действовавшее, как мы уже говорили, по указке японских милитаристов. Доживал свои последние дни в Забайкалье и атаман Семенов, изгнанный оттуда в октябре—ноябре 1920 года. На территории Прибайкалья и Забайкалья была образована Дальневосточная республика. В создавшихся условиях Япония была вынуждена отыскивать новые средства для удержания своих позиций в Монголии. Как и всегда, Япония предпочитала действовать не прямо, а через своих агентов. Наиболее подходящим для этих целей человеком на данном этапе оказался барон Унгерн.

3

Роман Унгерн-фон-Штернберг происходил из прибалтийских баронов. В качестве офицера он принимал участие в мировой войне, а в 1917

¹ Часть колчаковских войск отступила, между прочим, в пределы Западной Монголии.

году вместе с атаманом Семеновым был послан Керенским на Дальний Восток для организации казачьих отрядов. До своего ухода в Монголию Унгерн состоял в подчинении у атамана Семенова. Местопребыванием его служила пограничная с Манчжурией станция Даурия, где находились знаменитые застенки.

В атестации, подписанной в 1917 году бароном Врангелем, командиром полка, в котором служил Унгерн, хотя и отмечается «беззаветная храбрость» Унгерна, но одновременно подчеркивалось, что «в нравственном отношении его порок — постоянное пьянство, причем в состоянии опьянения способен на поступки, роняющие честь офицерского мундира»². Поведение этого полусумасшедшего садиста, лично принимавшего участие в пытках и казнях, красочно описано одним из унгерновских офицеров: «С наступлением темноты кругом на сопках только и слышен был жуткий вой волков и одичавших псов. Волки были настолько наглы, что в дни, когда не было расстрелов, а значит, и пищи для них, они забегали в черту казарм... На эти сопки, где всюду валялись черепа, скелеты и гниющие ча-

² Копия атестации за 1917 год. ЦАКА. д. № 90-072, стр. 878.

сти обглоданных волками тел, и любил ездить для отдыха барон Унгерн»¹.

В известном своем приказе № 15 Унгерн говорит, что для «разрушителей и осквернителей» России «мерой наказания может быть лишь одно — смертная казнь разных степеней». В этом же приказе был специальный пункт, в котором говорилось: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями, все имущество их конфисковать»².

После своей поимки на допросе в штабе 5-й армии Унгерн на вопрос о том, что он подразумевал под «смертной казнью разных степеней», ответил:

— Я подразумевал вешать, расстреливать и голодом морить.

— Ну, а семьи за что?

— Чтобы семьи не уезжали к мужьям и не было беспокойного тыла.

Далее он указывал: «Все вообще расстрелы производились с моего ведома и распоряжения»³.

В своих приказах, письмах и обращениях Унгерн постоянно подчеркивал одну поставленную перед собой задачу — борьбу с «бичом революции» — с большевиками. Он считал себя сторонником абсолютной монархии и готов был бороться за установление монархии не только в России, но и в Китае и во всем свете.

В указанном выше приказе Унгерн говорит, что «Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин

земли русской — император всероссийский Михаил Александрович»⁴.

В «Приказе № 15» он писал в религиозном стиле:

«И восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа Твоего все, которые будут записанными в книге»⁵.

В Китае Унгерн намеревается восстановить династию Цинов. В письме от 20 мая 1921 года за № 986 он пишет: «Я приступаю к движению на север и в ближайшем будущем начну действие против большевиков. Как только мне удастся дать сильный и решительный толчок всем отрядам и лицам, мечтающим о борьбе с большевиками, и поднять в России организованное восстание во главе с преданными и честными людьми, я направлю свои действия в Монголию и районы, с ней объединяющиеся, для восстановления династии Цинов»⁶.

Заигрывая с монголами, Унгерн выдвигает вновь идею создания «Великой Монголии». В одном из своих писем Унгерн указывает: «Я продумал план этой борьбы, он одобрен святейшим богдыханом и лучшими людьми Монголии. План этот — в объединении всех племен Внешней и Внутренней Монголии».

Общественный обвинитель на процессе Унгерна в Новониколаевске тов. Ярославский говорил: «Во имя какой правды работал Унгерн? Через горы трупов, через перемалывание людей на жерновах и сожжения — восстановить в Монголии старую империю Чингис-хана и оттуда начать оздоровление гнилого Запада. Барон Унгерн воскрешает для этой цели Михаила и под его знаменем идет к восстановлению господства аристократии и отрицанию всех прав — и рабочих и крестьян.

¹ Воспоминания Ольгерда Ол—ич в харбинской газете «Новая жизнь» от 14 декабря 1924 года. Цит. по статье И. Генкина «Конец Унгерна и начало Новой Монголии» в журнале «Северная Азия», кн. 2-я, стр. 78. 1928.

² «Приказ русским отрядам на территории Советской Сибири № 15 от 21 мая 1921 года». Сборник «Революция на Дальнем Востоке». Вып. 1-й, стр. 429—433. 1923.

³ Опрос барона Унгерна в штабе 5-й армии и ВСВО 1 сентября 1921 года. Архивное дело № 1 оперативного штаба 5-й армии и Восточносибирского военного округа. «Ургинская операция 1921 года», стр. 17 и 48.

⁴ «Приказ № 15». Сб. «Революция на Дальнем Востоке», стр. 430.

⁵ «Приказ № 15, стр. 433.

⁶ Letters captured from Baron Ungern in Mangolia (reprinted from Peking and Tientsin Times), Washington. 1921. P. 3. Издание специальной делегации Дальневосточной республики в Вашингтоне.

Вот какую правду нес барон Унгерн, считавший себя апостолом и посланником самого бога. Для осуществления этой правды мало исповедания религии — здесь необходимы еще национальная ненависть и антисемитизм. Он пронес через сотни лет и воскресил остаток того барона, который когда-то нанимался воевать то к одному, то к другому хозяину»¹.

Еще за несколько месяцев до ликвидации семеновщины в Забайкалье, в августе 1920 года, Семенов и Унгерн, по указке Японии, предпринимают перегруппировку своих сил. Был решен вопрос об ином использовании банд Унгерна, которые должны были действовать якобы на свой страх и риск. Для этой цели атаман Семенов издал к всеобщему сведению приказ, в котором разъяснялось: «Командующий конноазиатской дивизией генерал-лейтенант барон Унгерн-Штернберг за последнее время не соглашался с политикой главного штаба и, об'явив свою дивизию партизанской, ушел в неизвестном направлении. С сего числа эта дивизия исключается из состава вверенной мне армии. Штаб впредь снимает с себя ответственность за ее действия»².

Теснимый красными частями, Унгерн из Забайкалья отправился по долине реки Керулен в Монголию. На своем пути Унгерну пришлось преодолеть сопротивление оставшихся здесь китайских гарнизонов. В этот период он развивает энергичную деятельность, занимаясь пропагандой идеи «Великой Монголии». Ему удается привлечь на свою сторону ряд монгольских князей, пополнить людской и конский состав своей армии и перевооружиться. В начале ноября 1920 года Унгерн делает налет на Ургу и захватывает ее, но под давлением китайских войск вынужден уйти и заняться более солидной подготовкой к наступлению. 4 февраля 1921 года Унгерну удается снова захватить Ургу, разбив наголову китайские вой-

ска. После занятия Урги банды Унгерна занялись грабежом и убийством китайцев и евреев. Тяньцзинский корреспондент английской газеты «Морнинг пост» так описывает занятие Урги: «Победители вошли в город с триумфом как освободители и сейчас же предались грабежу. С прибытием самого Унгерна, последний прекратил грабеж и приказал расстрелять всех евреев и большевиков»³.

Сделавшись фактическим хозяином в Урге, Унгерн восстановил номинально власть Богдо-Гегена, за что получил титул монгольского князя.

4

Между тем национально-освободительное движение аратов продолжало нарастать. Хозяйничанье Унгерна в Монголии активизировало процесс создания Монгольской народно-революционной партии, опиравшейся на бедняцкие и середняцкие массы аратов. Первые попытки образования партии имели еще место в начале 1920 года, но только 27 февраля 1921 года в Кяхте⁴ произошел первый организационный съезд МНРП⁵. На съезде была принята платформа партии в 10 пунктах (программа партии была выработана и утверждена только в 1925 году). В этой платформе подчеркивалось, что: «Партия будет принимать все меры, чтобы установить тесную связь и контакт с революционными партиями Китая, России и других стран, которые ставят своей целью и ведут не на словах, а на деле революционную борьбу за уничтожение империализма, утверждение

³ «Вестник НКВД» № 9—10 за 1921 год, стр. 82.

⁴ Пограничный с Монголией город, находящийся на территории Прибайкалья.

⁵ Об усилении революционного настроения среди монголов и бурят отмечал, между прочим, сам Унгерн: «Они совершенно развращены большевиками и распространяют их подлое учение. Я тут их кончу, а стада отберу для войск. Вы не знаете до какой степени быстро распространяется и прививается к людям большевистское учение». Цит. по статье Сергеева «Унгерниада». Журнал «Народы Дальнего Востока» № 5 за 1921 год, стр. 631 (разрядка моя.—Г. Р.).

¹ «Дальневосточная правда» № 203 от 22 сентября 1921 года.

² Цит. по статье И. Строда «Унгерновщина и семеновщина». «Пролетарская революция» № 9 за 1926 год, стр. 116.

Тов. Емельян Ярославский — общественный обвинитель по делу Унгерна.

власти трудящихся, за ее братство и равенство»¹.

В этот период происходит организационное оформление монгольской красной армии, во главе которой стал монгол, бывший рабочий-наборщик Сухэ-Батор. В числе первых побед монгольской армии была ликвидация шаек, образовавшихся из остатков китайской армии и грабивших пограничное монгольское и русское население. Очистив от них в конце марта 1921 года пограничный с Троицкосавском монгольский город Маймачин (ныне Алтын-Булак), временное народно-революционное правительство Монголии (избранное 13 марта 1921 года в Кяхте), обосновалось там.

К этому времени гражданская война в РСФСР закончилась, и Советская республика могла, наконец, отдать свои силы мирному труду.

Однако Япония все еще не отказалась от осуществления своих планов на Дальнем Востоке: она выработала ряд новых мероприятий, направленных к поддержке и организации белогвардейских сил для борьбы с Советской Россией. Содействуя своим планам Япония пыталась найти и со стороны других империалистических держав.

¹ Журнал «Народы Дальнего Востока» № 1 за 1921 год, стр. 102.

В начале января 1921 года в Париже между представителями Японии и Франции были выработаны условия, предусматривавшие переброску на Дальний Восток бывшей врангелевской армии. В начале марта 1921 года в Порт-Артуре состоялось тайное совещание представителей Японии и Франции при участии атамана Семенова и других белогвардейцев. Здесь был выработан дальнейший план организации нападений на Советскую Россию. План был построен таким образом, чтобы белогвардейские отряды, выброшенные в свое время с территории Сибири и Дальнего Востока, вторглись одновременно на территорию Советской республики. Планы интервентов строились с учетом кулацких восстаний, имевших место в это время в Западной Сибири, Кронштадтского мятежа и др.

В апреле 1921 года в Пекине под руководством Японии собрались представители белых отрядов Унгерна, Анненкова, Кайгородова, Бакича, Савельева и других, которые разработали и уточнили план нападения на советскую территорию.

Многочисленные данные подтверждают, что японские милитаристы не только давали директивы Унгерну, но и то, что в рядах его войск находились японские офицеры и что Унгерн

пользовался японским оружием. При занятии Урги в канцелярии штаба Унгерна были найдены расписки японских военных о получении ими жалования от Унгерна. Например капитан Багабаяси получил 120 иен, солдаты Угоси — 30 иен, Грида — 15 иен; поручик Китагава и ряд солдат — по 30 иен. В других ведомостях, официально скрепленных подписями начальствующих лиц унгерновского штаба, упоминаются капитан Ямаги, штабскапитан Цзюго, поручик Тандзима и др.

На допросе в штабе 5-й армии Унгерн хотя и сознательно скуп, но говорил о своих связях с японцами и о своих намерениях помочь Японии в осуществлении ее планов. На вопрос, на что он рассчитывал, предпринимая наступление, он указал: «Думал, что выступят японцы и надеялся на местное население... Я в особенности рассчитывал на японцев. Пленные говорили, что будто Японией пред'явлен ультиматум о выводе войск из Монголии, в противном случае якобы будет занят Иркутск. Кроме того я имел сведения [что] в Ново-Селенгинске по этому поводу происходит митинг. Кроме того красноармейцы говорили, что на Читу не дают пропусков, так как там японцы». На вопрос: «Вы определенно надеялись на поддержку японцев и

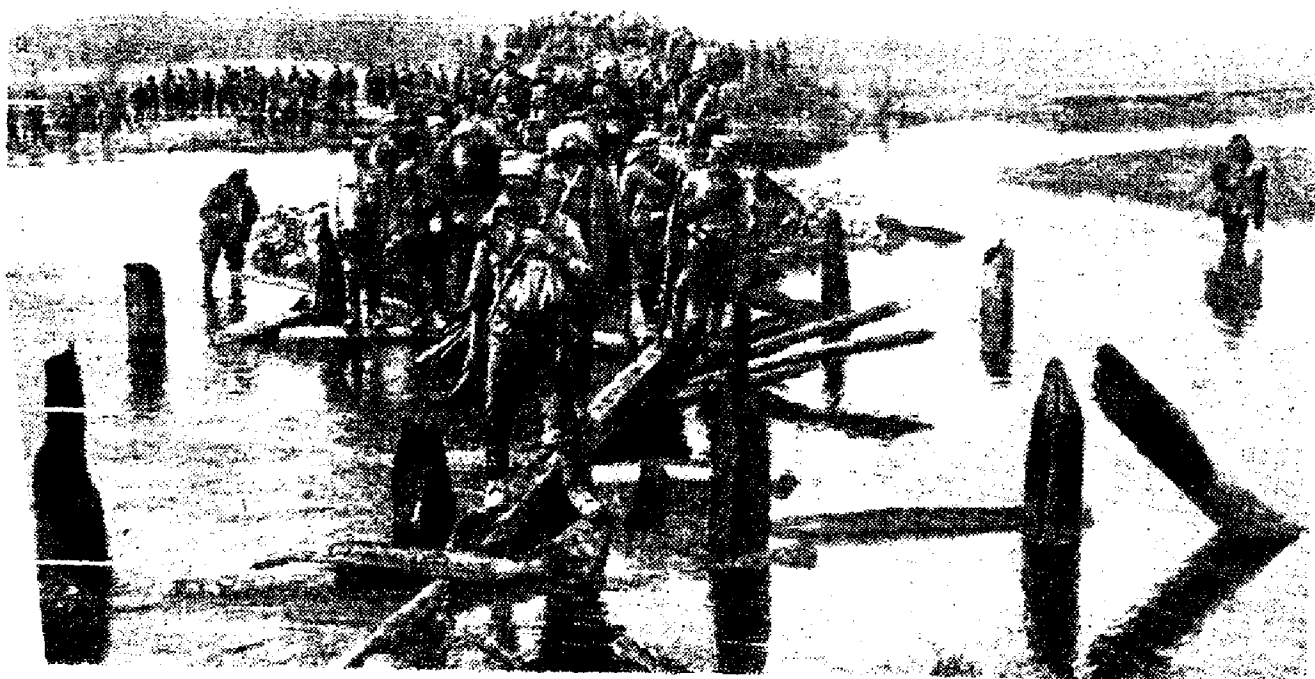
хотели взять Верхне-Удинск и соединиться с ними?» Унгерн ответил: «Да, я всеми силами стремился к этому и хотел помочь японцам устроить переправу через Селенгу». На вопрос о количестве японцев, бывших у него, Унгерн указал, что их было около 70 человек, что касается вооружения, Унгерн упомянул о наличии у него японских винтовок¹.

Лишним доказательством связи Унгерна с японцами являются его взаимоотношения с японским агентом в Манчжурии генералом Чжан Цзо-лином.

Любопытен в этом отношении конспект письма Унгерна к атаману Семенову от 28 августа 1920 г.: «Япоши строят свои планы в Манчжурии в полосе отчуждения КВЖД на мне и Чжан Цзо-лине, стремятся подружить нас»². В другом письме к одному китайскому генералу от 2 марта 1921 года он пишет: «Необходимо действовать под верховенством одного человека, который бы стоял во главе всего дела. Пока этот человек не будет найден, никакого успеха нельзя ждать: нужен вождь. Им может быть только человек, пользующийся поддержкой

¹ Опрос Унгерна в штабе 5-й армии и ВСВО, стр. 10, 11, 13, 17 и 19.

² Журнал «Народы Дальнего Востока» № 5 за 1921 год, стр. 632.

Красный отряд в походе против Унгерна.

Народно-революционное правительство Монголии с частями Красной армии, действовавшими против Унгерна, 1921 год.

народа, и для этого дела не существует более подходящего лица чем генерал Чжан Цзо-лин. Утверждение его верховенства и снискание ему всеобщего признания не встретит больших трудностей... В моем распоряжении имеется еще немного денег и оружие. Ваше превосходительство хорошо знает о враждебности и ненависти, которые я питаю к революции. Отсюда моя готовность делать что угодно под руководством генерала Чжан Цзо-лина для восстановления монархии»¹.

К началу своего выступления против Советской России Унгерн укрепил свои связи с феодально-теократической верхушкой Монголии: он вел оживленную переписку с китайскими реакционными генералами, белогвардейскими деятелями и др. Основная армия Унгерна имела свыше десяти тысяч человек; в состав ее входили белогвардейские казачьи, монгольские, бурятские и другие отряды. Направление удара, как указывалось в приказе Унгерна, было избрано следующее: «а) западнее ст. Манчжурии; б) на Мензинском направлении, вдоль Яблонового хребта; в) вдоль реки Селенги; г) на Иркутск; д) вниз по реке Енисею из Урянхайского края; е) вниз по реке Иртышу. Конечными пунктами операции явятся города, расположенные на магистрали Сибирской железной дороги»². Кроме того в Приморье должны были выступить генералы Вержбицкий и Савельев, в Амурской области — Глебов и др.»³.

¹ Letters captured from Baron Ungern in Mongolia (reprinted from Peking and Tientsin Times). Washington. 1921, p. 4.

² «Приказ № 15», стр. 431.

Основная масса войск Унгерна (около 3 тысяч человек) выступила в конце мая из Урги по направлению к Троицкосавску (отдельные отряды унгерновских войск — генерала Резухина, Казагранди и других — выступили в других направлениях к границам Прибайкалья и Забайкалья). Захватив Сибирскую железную дорогу в районе Байкала и взорвав туннели, Унгерн надеялся отрезать Дальний Восток от Советской России и восстановить там власть Японии. Однако Унгерн потерпел поражение от действовавших совместно войск монгольской народно-революционной армии, советской Красной армии, войск ДВР и партизанских отрядов Щетинкина и к середине июня начал отступление.

Войска Унгерна разлагались. 6 июля 1921 года красные войска заняли Ургу. Сюда перебрасовь народно-революционное правительство Монголии, обратившееся 12 июля 1921 года к советскому правительству с просьбой оставить в пределах Монголии войска для окончательной ликвидации бело-

³ 26 мая 1921 года во Владивостоке белогвардейцы произвели контрреволюционный переворот, известный под названием Меркуловского. Власть во Владивостоке, а затем и в Приморье перешла в руки так называемого Приамурского временного правительства, во главе со спекулянтами — торговцами бр. Меркуловыми — агентами Японии. Белогвардейская армия предприняла затем наступление на Хабаровск, но в феврале 1922 года была разбита под Волочаевкой.

То, что Унгерн знал заранее о предполагаемом выступлении белых в Приморье, свидетельствует следующее место из его «Приказа № 15»: «В начале июня, в Уссурийском крае выступает атаман Семенов при поддержке японских войск или без этой поддержки».

гвардейских банд (последние части Красной армии были выведены из Монголии в марте 1925 года).

Унгерн со своими отрядами отступил в западном направлении, где соединился в середине июля с отрядами генерала Резухина, предполагая продолжать борьбу в Западной Монголии.

Красные войска продолжали успешное преследование унгерновских банд. Начавшийся развал среди белогвардейцев привел в конце концов к убийству генерала Резухина, а 22 августа красными частями был взят в плен барон Унгерн, связанный перед этим своим конвоем.

В начале сентября Унгерн предстал перед Чрезвычайным революционным трибуналом в Новониколаевске и 15 сентября был расстрелян.

Действовавшие разрозненно небольшие отряды белых были в течение 1921 и начала 1922 годов окончательно ликвидированы, и Монголия смогла приступить к мирному строительству.

В начале ноября 1921 года между Монголией и РСФСР было подписано соглашение об установлении дружеских отношений¹.

Первым делом монгольского революционного правительства была отмена крепостной зависимости; было приступлено к постепенной ликвидации феодально-теократических пережитков. В 1924 году, после смерти Богдо-Гегена, Монголия была объявлена Монгольской народной республикой, трудящиеся которой, при дружеском содействии Советской республики, успешно ликвидируют последние остатки феодализма в Монголии и готовы дать отпор попыткам международного империализма, в первую очередь японского, посягающего на ее независимость.

На первом Великом народном хурале (соответствует нашему съезду Советов) в ноябре 1924 года была принята конституция МНР, которая закрепила завоевания монгольской народной революции.

Ставя перед собой задачи антиимпериалистического и антифеодального

характера, монгольская народная революция является буржуазно-демократической революцией особого типа, так, как мероприятия правительства МНР направлены к тому, чтобы повести свою страну по пути некапиталистического развития.

В этом отношении огромную помощь оказывал и оказывает дружески к ней расположенный СССР. Еще на первом Великом народном хурале было заявлено: «Современный СССР отказался от хищнической политики прежнего русского правительства и проводит цели Коммунистического интернационала, ставя своей задачей освобождение угнетенных малых народов и отстаивая право самоопределения каждой нации. Советская Россия оказала нам поддержку, аннулировала принудительно заключенные договора наши с императорским правительством при автономии и заключила с нами новые договора на равных правах... Монголия не имеет более заслуженных и верных друзей, кроме СССР и Коминтерна»².

Монгольская народная республика и СССР подписали 12 марта с. г. протокол о взаимной помощи. Правительства обеих республик «решили оформить в виде настоящего протокола существующее между ними с 27/XI—34 года джентльменское соглашение, предусматривающее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказания друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-нибудь третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику»³.

Указанный протокол, встреченный японской военщиной в штыки, в связи с желанием Японии превратить Монгольскую народную республику в плацдарм для нападения на СССР, является лишним доказательством миролюбия Советской республики, стремящейся предотвратить возможность вооруженного конфликта на Дальнем Востоке.

¹ Текст соглашения см. в книге В. Саввина «Взаимоотношения царской России с Китаем», стр. 89—92. Гиз, 1930.

² «Протоколы I великого хурулудана Монгольской народной республики». Улан-Батор. 1925.

³ «Правда» от 8/IV 1936 года.

Ю. Оснос

К ИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА

ГЕРМАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ (1919 год)

Весной 1918 года Германия, воспользовавшись военной слабостью молодой советской республики и предательской политикой Троцкого, навязала Советской России тяжелейший, «похабнейший», по выражению Ленина, брестский мир.

Согласно договору, новая граница России отнимала от нее Литву, Польшу, большую часть Лифляндии и Эстляндии и лишала ее территорий, составлявших свыше 150 тысяч квадратных километров, населенных русскими, украинцами и белоруссами. На Кавказе от Советской России, по договору, отпадали Карс, Ардаган и Батум. Кроме того советское правительство не должно было оказывать поддержки советской власти на Украине и в Финляндии.

Добившись принятия ею же продиктованных условий, Германия немедленно нарушила договор и наводнила войсками Украину и Финляндию, заняла Крым, Северный Кавказ, часть Белоруссии и дошла до южных уездов бывшей Курской губернии. В оккупированных районах германский империализм установил марионеточные белогвардейские правительства, ввел небывалый террор, массами расстреливал рабочих и крестьян, восстававших против чужеземного ига, выжигал дотла целые деревни, учинял бесконечные насилия.

Германия делала открытую ставку на окончательное свержение совет-

ской власти. Она снабжала оружием и деньгами донского атамана Краснова, натравливала на Советскую Россию Скоропадского. На севере Германия непрерывно направляла в Мурманский и Олонецкий края белогвардейские банды и пыталась превратить финляндский форт Ино в крепость, непосредственно угрожающую Петрограду. Одновременно Германия вела диверсионную работу внутри Советской России и поддерживала Милюкова в создании тайного монархического правительства. Германский империализм мечтал, покончив с советской властью, превратить СССР в свою колонию, в придаток к германской экономической системе.

Германской буржуазии не пришлось осуществить эти планы: осенью 1918 года в Германии разражается пролетарская революция и происходит полный военный разгром Германии Антантой. Но германским капиталистам удается обезглавить революцию. Они выдвигают вперед социал-демократию. Пользуясь своим многолетним опытом предательства рабочего класса, шейдемановцы вводят революцию в буржуазное русло. На место кайзера становится социал-демократ Фридрих Эберт — человек, по его собственным словам, «ненавидящий революцию больше чем смерть». Эберт и палач Носке заключают союз с вильгельмовским офицерством для ликвидации революции.

В лице социал-демократов германская буржуазия находит старых пособников своих антисоветских планов. В течение брестского периода эбертианцы всеми силами поддерживали захватническую политику германских империалистов. Проекты раздела советских территорий открыто обсуждались на страницах социал-демократической печати. Шейдемановцы оказали германским капиталистам неоплачиваемую услугу, сорвав в январе 1918 года всеобщую забастовку, непосредственно направленную против аннекционистских условий Бреста. В этих условиях германская буржуазия и не думала оставить свои антисоветские

проекты: наоборот, война против Советской России, осуществляя империалистические стремления Германии, должна была служить одновременно вернейшим средством для удушения германской пролетарской революции и изоляции германского пролетариата от братского пролетариата Советской России.

Германский империализм и действующее по его указке правительство Эберта сделали подготовку войны против Советской России содержанием своей внешней политики. При помощи этой войны Германия предполагала разрешить и проблему взаимоотношений с Антантой, надеясь добиться уступок в мирном договоре, который ей предъявит Антанта, сама борющаяся с Советской Россией.

После революции 9 ноября германская буржуазия не могла проводить свою антисоветскую политику так же открыто и решительно, как до нее. Сочувствие германского пролетариата советскому и постоянная угроза новой пролетарской революции заставляли буржуазию маскировать свои планы и вести военную подготовку секретно. Наряду с этим германские империалисты понимали, что Антанта не допустит самостоятельного и независимого выступления Германии против РСФСР. Для западных держав было совершенно ясно, что, разгромив Советскую Россию, Германия получит новые силы для борьбы с самой Антантой и не преминет немедленно воспользоваться ими. В связи с этим, ведя активную антисоветскую политику, Германия, поскольку возможно, пытается замаскировать ее и перекраивает частично свои захватнические планы в планы интервенции совместно с западными державами.

Правительство Эберта и Советская Россия

Германская политика в дипломатической области чрезвычайно ярко отражала общий стратегический курс на войну против Советской России.

Курс этот был совершенно очевиден еще до прихода к власти Эберта. Начиная с осени 1918 года имперское германское правительство всячески обостряет отношения с РСФСР, широко используя испытанный метод иг-

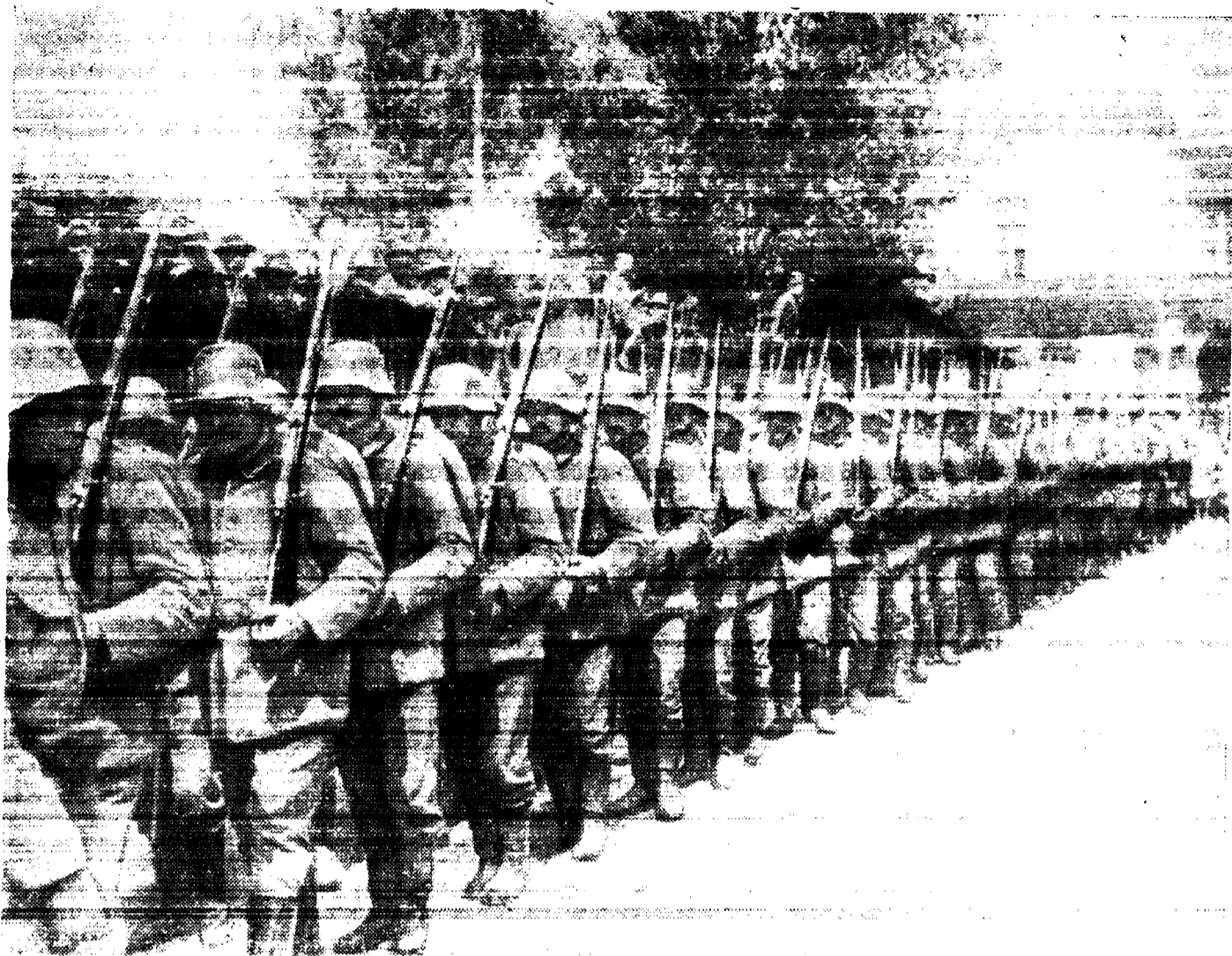
ры на «коммунистической апитации». Вслед за резкими нотами германского консула Гаушильда и тщательно проведенной кампании в печати правительство Макса Баденского предпринимает грубую провокацию с багажом советского дипкурьера: на виду у всех на одном из берлинских вокзалов разбивается некий, якобы предназначенный для «полпредства РСФСР» ящик, и из него пачками вываливаются «революционные листовки». Основываясь на этом водевильном происшествии, германское правительство порывает 5 ноября дипломатические отношения с РСФСР, формально установленные брестским договором.

Когда через три дня после этого приходит к власти правительство Эберта, оно решительно продолжает курс своих предшественников. Кабинет Эберта безапелляционно отвергает братскую руку помощи, которую через его посредство Советская Россия предлагает восставшему германскому пролетариату. Социал-демократ Ландсберг в обоснование невозможности установления каких-либо сношений с Советской Россией применяет аргументацию... «расовой» теорией: «Куда же денется наше национальное достоинство, если мы станем заигрывать со всякими славянскими народами? Этого не должно быть, мы не смеем так поступать!»¹.

Так же как и имперское правительство, эбертовское правительство всячески препятствует установлению связи немецкого пролетариата с советским. 17 ноября оно заявляет, что не пропустит в Германию 25 вагонов хлеба, посланных ВЦИК голодающим немецким рабочим. Когда в конце месяца ряд рабочих советов приглашает делегацию РСФСР на I всегерманский съезд советов, правительственная «Форвертс» пишет: «Если большевистский аппарат пропаганды приедет, он будет попросту выброшен вон»². На уже выехавшую делегацию германские власти по ту сторону границы направляют пулемет и заставляют ее повернуть обратно.

¹ Цит. по книге М. Танина «10 лет внешней политики СССР», стр. 40. Гиз. М. 1927.

² «Форвертс» от 1 декабря 1918 года.

Войска немецких оккупантов в Киеве. 1918 г.

Советскому правительству становится ясно, что в лице нового германского правительства оно встретит проводников прежних империалистических планов кайзеровской Германии.

28 декабря германское правительство в ответ на неоднократные обращения РСФСР о необходимости урегулировать дипломатические сношения решительно заявляет, что оно не желает иметь с Советской Россией ничего общего и никакое советское представительство, включая «Красный крест» не будет допущено в Германию¹. За словами следуют действия: 11 января берлинские власти громят помещение РОСТА; в этот же день белогвардейские банды занимают здание советского полпредства, а дипломатические бумаги передают в редакции белых газет. Вся правительственная и близкая к правительству печать ведет бешеную травлю Советской России. «Форвертс» усиленно распространяет сообщения о намерении Красной

армии вторгнуться в Германию. Сочувствие русских трудящихся германскому народу в его борьбе за социализм изображается как попытка использовать Германию в собственных интересах. «Большевизм будет взят голодом. Он будет окружен и заперт с Севера, Востока и Юга, что уже почти осуществлено. Отсюда происходит мощная тяга большевизма на Запад, где он пытается найти лазейку для спасения!»². «Дейче альгемейне цейтунг» делает откровенный вывод из этой кампании и провозглашает мировую миссию Германии в борьбе против Советской России: «Наши противники хорошо знают, что Германия есть первый и решающий форпост в борьбе против большевизма»³. В начале января газета переходит к практическим предложениям: «Германия ныне поставлена перед необходимостью не из любви к союзникам, но в собственных интересах предпринять

¹ Отчет НКВД VII съезду советов, стр. 19.

² «Форвертс» от 31 декабря 1918 года.

³ «Правда» от 11 декабря 1918 года.

Энергичные военные шаги против России»¹. Официозная «Форвертс» решительно присоединяет к ней свой голос: «Современная задача Германии состоит в том, чтобы всеми силами противодействовать угрозе варваров с Востока, облеченных в одеяние русского большевизма»².

Еще ярче проявилась антисоветская деятельность германского правительства в связи со II всегерманским съездом советов, состоявшимся в апреле 1919 года. Власти арестовали и долгие месяцы продержали в тюрьме тов. Радека, приехавшего в качестве официального представителя РСФСР по приглашению исполкома Берлинского совета. Тов. Радека держали в кандалах как уголовного преступника. Двое других представителей: Отто Перц и Николай Раков — были допущены на четвертое заседание съезда, но уже с пятого заседания были удалены по распоряжению властей.

Самый съезд был превращен в арену бешеной травли Советской России. Правительство использовало для агитации против РСФСР самую дикую, им же самим сфабрикованную клевету. Шейдемановец Коген-Ройс повто-

рял белогвардейские вымыслы о том, что надежные воинские части Советской России якобы в большинстве своем состоят из китайцев и латышей, что русский народ «разоружен», что за обладание оружием полагается смертная казнь, и тому подобные идиотские измышления.

Что означала вся эта политика с точки зрения даже буржуазного международного права, сформулировал сам германский министр иностранных дел граф Брокдорф-Ранцау: «У нас теперь нет с ней (Советской Россией. — Ю. О.) ни договора, ни дипломатических сношений. Мы находимся с ней в состоянии фактической войны»³.

Независимый социал-демократ Барт, состоявший одно время членом Совета народных уполномоченных, выболтал в пылу полемики с шейдемановцами, что правительство Эберта в конце 1918 года готовилось официально объявить войну Советской России⁴.

Германские планы интервенционного блока с Антантой

Обострение дипломатических сношений с РСФСР шло параллельно с работой по сколачиванию антисовет-

¹ «Правда» от 14 января 1919 года.

² «Форвертс» от 9 февраля 1919 года.

³ Отчет НКВД VII съезду советов, стр. 2.

⁴ «Форвертс» от 3 января 1919 года.

Парад войск немецких оккупантов в Пскове, 1918 г.

ского блока с союзниками. Ставка на заключение военного союза с Антантой против Советской России и получение посредством него уступок в мирном договоре также была намечена германскими империалистами задолго до ноября 1918 года. Летом 1917 года в Швейцарии было созвано совещание крупнейших финансистов центральных держав и Антанты, обсуждавшее возможность возвращения Франции Эльзас-Лотарингии. «Относительно России высказывались... предположения, что центральные державы могли бы получить некоторые компенсации на Востоке. Германские участники переговоров особенно настаивали на уступке Германии Прибалтийского края и независимости Финляндии»¹. Германские капиталисты рассчитывали, что западные державы позволят Германии вдвойне компенсировать за счет России то, что германские штыки не смогут захватить на Западе.

Об этом же говорит и следующий, приводимый Людендорфом факт. В сентябре 1918 года Людендорф обсуждал с Гинденбургом возможность предложить Антанте перемирие на условиях очищения оккупированных областей Франции и Бельгии. Оба генерала рассчитывали, что Антанта из классовой солидарности не потребует от Германии прекращения военного нажима на Советскую Россию: «Об очищении восточных областей вопрос не поднимался, и я думаю, что Антанта признала бы опасность большевизма, которая угрожала также и ей»².

Еще характернее реверанс в сторону союзников со стороны германского консула в Петрограде Брейтора, который совершенно неожиданно появился вместе с представителями «заклятых» врагов Германии, когда они пришли выражать советскому правительству протест против «красного террора»³.

Как ставку на интервенционный

¹ Секретное донесение царского поверенного в делах в Берне. Опубликовано в числе тайных договоров в «Правде» от 23 ноября 1917 года.

² Людендорф «Мои воспоминания о войне». Т. II, стр. 273.

³ Г. В. Чичерин «Внешняя политика Советской России за два года», стр. 21. М. 1920.

блок с Антантой рассматривал Ленин разрыв отношений с Германией 5 ноября.

«Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача к большевиками, вашим врагам»⁴.

[После разгрома Германии Антанта, стремясь лишиться последнюю всех возможных источников силы, потребовала немедленного аннулирования брестлитовского договора и отказа от всех притязаний на владения бывшей царской России. Однако немедленный вывод германских войск из оккупированных ими русских территорий автоматически повлек бы установление там советской власти. С целью не допустить этого Антанта предложила Германии оставить ее войска в занятых районах впредь до замены их армиями союзников. Германские империалисты пытались использовать эту отсрочку для заключения соглашения с Антантой, лелея надежды, что в результате совместной войны против Советской России им не только удастся оставить за собой захваченные земли, но и настолько укрепнуть, чтобы подготовить реванш союзникам.

Германское правительство вкупе с кайзеровским офицерством официальным и неофициальным путем добивалось от Антанты признания роли Германии в качестве форпоста западных держав в борьбе с большевизмом и прямых полномочий на выступление против Советской России.

На заседании комиссии по перемирию в Спа германский делегат Эрцбергер заявил: «Мы и наши войска видим в большевизме чрезвычайно большую опасность и делаем все для того, чтобы ее отвратить. Антанта должна признать, что эта опасность для нас еще больше чем для нее самой или других государств мира. Она может быть убеждена, что мы в собственных интересах предпринимаем все необходимые меры для предотвращения наступления большевизма»⁵.

⁴ Ленин. Т. XXIII, стр. 268—269.

⁵ «Форвертс» от 2 января 1919 года.

Жертвы немецких оккупантов в Гельсингфорсе.

Переходя к вопросу о средствах этой борьбы, Эрцбергер заверил Антанту, что она может полностью рассчитывать на германские войска: «Мы сделаем все для того, чтобы противодействовать военной усталости войск. Мы применим угрозы, агитацию и замещение свежими частями»¹.

Вопрос о выступлении Германии против РСФСР с санкции союзников служил темой многочисленных переговоров. В январе 1919 года «Роте фане» напечатала ряд документов, разоблачавших этот вид контрреволюционной антисоветской деятельности социал-демократического правительства. В одном из них сообщалось о соглашении, заключенном 23 декабря 1918 года между германскими представителями и английским консулом в Прибалтике Бозанкетом на борту английского крейсера. Соглашение предусматривало согласование германских стратегических планов против Советской России с командованием союзников и инспектирование последним германских военных мероприятий².

Весной 1919 года появилось сооб-

щение о переговорах, происходящих между германскими агентами и английским посланником в Швеции, в которых Германия предлагала послать в Прибалтику дополнительные 25 тысяч войск при условии, что транспорт и снабжение их возьмет на себя Англия³.

Осенью 1919 года германское правительство вело в Берлине переговоры с представителем Антанты генералом Малкольмом по вопросу об объединении различных белогвардейских групп в северозападной России и совместной помощи им со стороны Германии и Антанты.

Для сношений этого рода весьма характерна нота, переданная Антанте в начале февраля 1919 года и касающаяся положения германских войск в Прибалтике. Германия с тревогой обращала внимание союзников на ухудшение военного положения на прибалтийском фронте, убеждала союзников, что «борьба с большевизмом возможна только тогда, когда германские войска получают всю необходимую поддержку»⁴, и просила о последней. Конец ноты открыто и безоговорочно

¹ «Форвертс» от 2 января 1919 года.

² См. «Роте фане» от 1 января 1919 года.

³ См. «Правду» от 12 апреля 1919 года.

⁴ «Форвертс» от 7 февраля 1919 года.

провозглашал функцию Германии как союзника и авангарда западных государств в борьбе с Советской Россией: «Борьба германских войск в прибалтийских провинциях является доказательством позиции Германии. Соответствующим германским предложениям решением союзное верховное командование показало бы, что оно хочет практически поддержать оборонительную (?!) борьбу с большевизмом, которую Германия ведет в собственных интересах и интересах всего мира»¹.

Наряду с дипломатической деятельностью велась активная работа махровых кайзеровских генералов, на практике подготовлявших нападение на Советскую Россию. Первостепенное значение имеет здесь генерал Гофман, представлявший в свое время верховное командование на брестской конференции. После свержения кайзера генерал Гофман выступил в качестве главного теоретика антисоветского блока с Антантой². Программа Гофмана была обобщена им впоследствии в книге под сенсационным заглавием «An allen Enden Moskau» («Москва—повсюду»). Гофман намечает две цели международного объединения против Советской России: политическую и экономическую. Разгром Советской России ликвидирует «мировой большевизм» и одновременно сплотит объединившиеся на поле брани западные державы, помогая им урегулировать противоречия между собой.

«Патриоты всех стран не должны забывать, — пишет Гофман, — что все европейские государства страдают от политики большевиков и что каждый конфликт между крупными европейскими державами облегчает победу московского советского правительства над Европой. Перспективы всякой борьбы ухудшаются, если она ведется на два фронта. Соответственно, каж-

¹ «Форвертс» от 7 февраля 1919 года (разрядка моя. — Ю. О.).

² Характерно, что Людендорф изображает Гофмана как своеобразного «просветителя» социал-демократов в области антисоветской политики «Гофман ...как будто наконец открыл глаза некоторым членам правительства. Социалисты большинства как партия признали великую опасность большевизма» (Людендорф «Мои воспоминания о войне». Т. II, стр. 296).

дый конфликт между европейскими народами уменьшает их сопротивляемость по отношению к большевистской опасности. Только если патриоты больших европейских стран соединятся между собой для борьбы с большевиками, они смогут преодолеть эту опасность»³.

Переходя к экономической стороне дела, Гофман продолжает: «Задача освободить от господства советского правительства русский народ и в первую очередь русских рабочих и крестьян (!), возродить Россию экономически, с тем чтобы извлекать неизмеримые природные богатства, спящие в ее недрах, — так трудна, что она превосходит как военные, так и экономические возможности одного из европейских государств. Кроме того ни одна из крупных европейских держав не могла бы позволить другой получить преимущественное влияние в будущей России. Разрешение этой задачи поэтому возможно только путем объединения крупных европейских государств, в первую очередь Франции, Англии и Германии, с целью освобождения и экономического восстановления России. Эти объединившиеся государства должны при помощи совместной интервенции свергнуть советское правительство, посадить на его место разумное русское правительство и экономически возродить Россию в соответствии с общими интересами английского, французского и германского капитала»⁴.

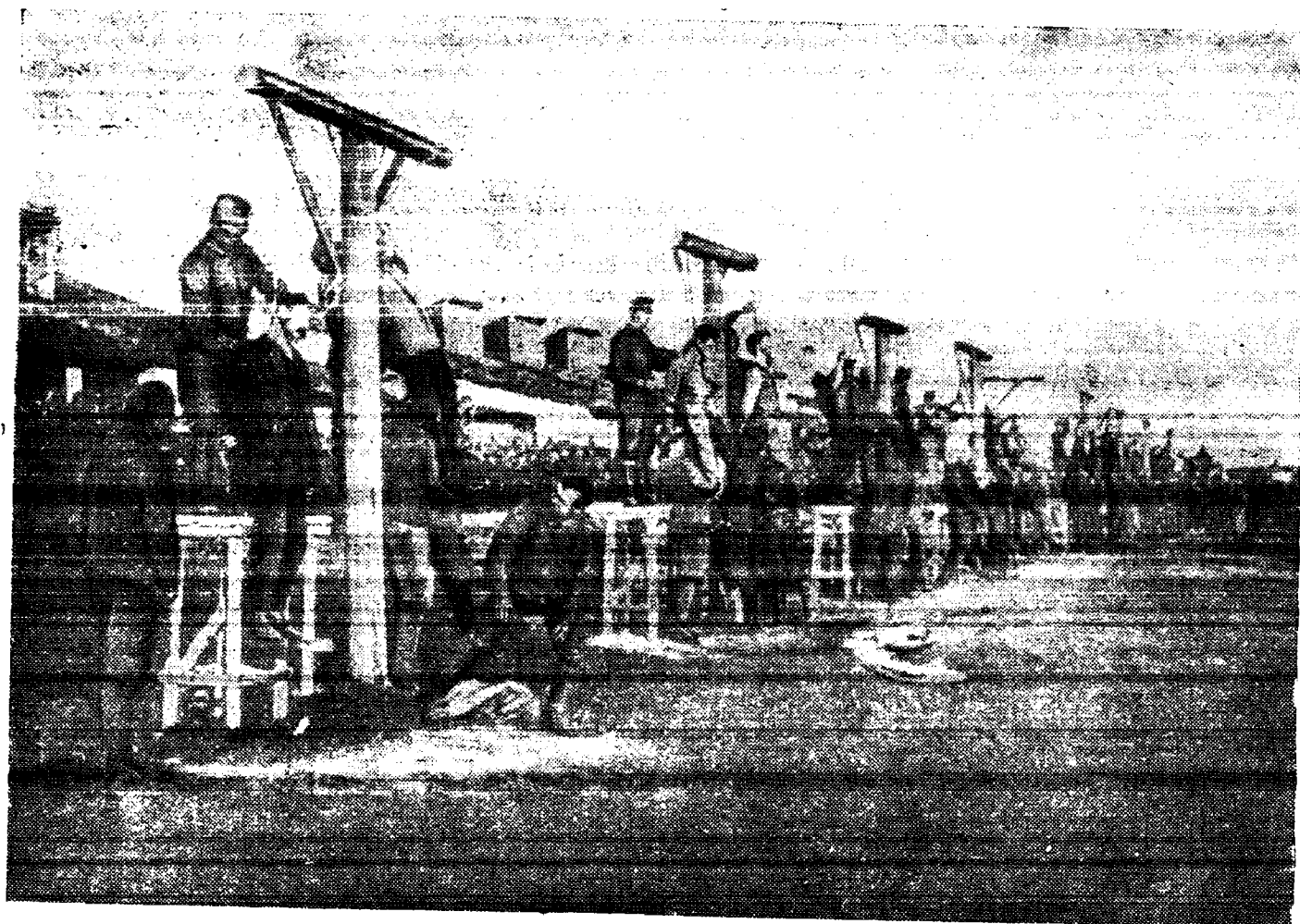
Аналогичный гофманскому план экономического раздела России защищался известным германским политиком Рорбахом. В своей книге «Проблема Восточной Европы», изданной в 1920 году, Рорбах набрасывает проект будущей России, разделенной на 10 частей, в соответствии с нуждами крупнейших европейских держав⁵.

В сентябре 1919 года Гофман, в согласии с своим планом, предлагает Антанте взять на себя образование ор-

³ Max Hoffman «An allen Enden Moskau», S. 50. Berlin. 1925.

⁴ Там же. стр. 57 (разрядка моя. — Ю. О.).

⁵ P. Rorbach «Das Ost-Europäische Problem». 1920.

Зверства немецких оккупантов на Украине. 1918 год.

ромной германской армии для выступления против Советской России. В статье, помещенной в парижской газете «Матэн», он пишет: «Ключ сегодняшней ситуации находится не в Париже и не в Версале: он в Москве. Если большевизм не будет немедленно задушен, придется рассчитывать на шесть — восемь лет беспорядков во всей Восточной и Центральной Европе. С согласия Антанты я берусь со ста пятьюдесятью тысячами набранных мною людей взять Москву и уничтожить навсегда большевизм... Эта кампания будет проводиться под руководством генерального штаба союзников, если возможно, в сотрудничестве с добровольческими английскими и французскими войсками»¹.

Предложение Гоффмана не было единственным даже из числа известных. Примерно в то же время другой деятель кайзеровской армии, полковник Рейнгард, делает Антанте предложение организовать антисоветскую германскую армию в 60 тысяч человек².

Определенные антантовские и особенно английские круги относились к

подобным планам весьма положительно. Так например Черчилль видел в интервенционном блоке с Германией против Советской России лучший способ разрешить послевоенные противоречия. «Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы»³, — писал он. Антантовские интервенты в самой России неоднократно прибегали к помощи германских войск для борьбы против Красной армии. Как велик был дополнительный «баланс крови» советских трудящихся благодаря участию Германии в интервенции, можно судить по словам Ленина:

«...Германия помогала постоянно Антанте еще с тех времен, когда она, не будучи побеждена, питала Краснова, и до последнего времени, когда та же Германия блокирует нас и оказывает прямое содействие нашим противникам»⁴.

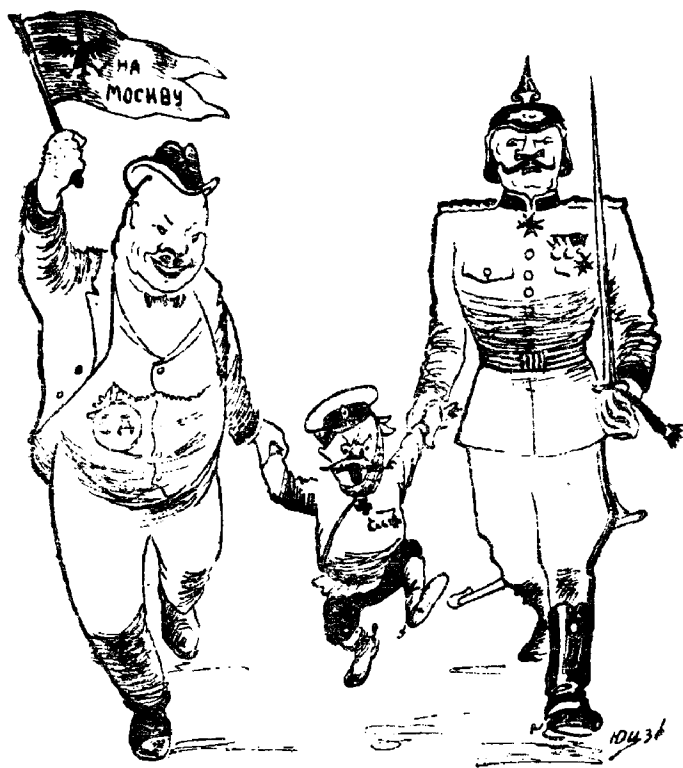
Все же домогательства Германии в отношении антисоветского блока в широком масштабе были Антантой отвергнуты. Антанта понимала, что за протягиваемой ей рукой «братской»

¹ «Matin» № 12981 от 13 ноября 1919 года.

² См. статью Р. Asselyste в «Europe Nouvelle» за октябрь 1919 года.

³ В. Черчилль «Мировой кризис», стр. 6. Воениз. 1932.

⁴ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 566—567.

Тоже «союзники». Карикатура Ю. Чисhevского.

помощи прячется другая рука со спрятанным в ней ножом.

Германская военщина в оккупированных районах, не дожидаясь конца переговоров, происходивших «наверху», стала весьма недвусмысленно проводить чисто германскую империалистическую политику, идущую вразрез с интересами союзников. В Латвии германские милитаристы дошли до того, что насильственно свергли посаженное англичанами правительство Ульманиса и водворили на его место собственного ставленника Недру.

Антанта поняла, что Германия, борясь с ней вместе против Советской России, ни на минуту не собирается пренебрегать собственными интересами, направленными, в конечном счете, на подготовку реванша союзникам. Осенью 1919 года Антанта решительно требует эвакуации германских войск из оккупированных ими районов бывшей царской России, и германские империалисты теряют реальную почву для своих планов.

Кайзеровские генералы, социал-демократы и русские белогвардейцы

«Офицеры императорской армии и вожди умеренной социал-демократии заключили союз против Москвы»¹ —

¹ Фолькман «Германия в вихре революции», стр. 234. Соцэкгиз. М. и Л. 1935.

эти слова принадлежат человеку, которого никак нельзя заподозрить в каких-либо коммунистических симпатиях или особой склонности к сенсационным разоблачениям: их написал в своих воспоминаниях непосредственный участник «союза» майор Фолькман, ближайший помощник видного германского военного руководителя генерала Гренера.

Но Фолькман забыл вставить в свою формулу третий неотъемлемый элемент: кроме вильгельмовской военщины и шейдемановцев в союз против Советской России входили русские белогвардейцы. И в самой Германии и в оккупированных немцами районах изгнанные Великой пролетарской революцией из пределов Советской России титулованные помещики, офицеры, биржевики, дипломаты, генералы в тесном контакте с кайзеровским офицерством и эбертианцами активно работали для свержения советской власти.

В Прибалтике под крыльшком германских оккупантов разместилось бесчисленное количество военных белогвардейских организаций. Здесь были отряды русско-немецкого прибалтийского баронства, надеющегося вернуть своим Бенкендорфам и Ренненкампахам теплые местечки у царского трона; белогвардейские войска Бермонт-Авалова и Вырголича; отряды князя Ливена и Родзянки; здесь формировалась северозападная армия Юденича. Под заботливым покровительством социал-демократа Виннига, назначенного германским правительством «главным уполномоченным по остзейским провинциям», начальника германской оккупационной армии генерала фон-дер-Гольца и самого Носке прибалтийская контрреволюция формировалась, вооружалась и пополняла свои ряды для активной борьбы с Красной армией.

На этой арене выдвинулся пресловутый Альфред фон-Розенберг, нынешний руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистской партии.

Еще 15 сентября 1918 года, за два месяца до ноябрьской революции, Альфред фон-Розенберг предлагает кайзеровскому верховному командованию

проект создания армии из русских белогвардейцев в Прибалтике, русских военнопленных в Германии и германских регулярных частей. Армия образуется и получает название «псковской», но вскоре она изгоняется красными войсками из пределов Советской России.

Через несколько месяцев фон-Розенберг возобновляет свое предложение социал-демократическому правительству.

«В конце марта 1919 года, — сообщает один из крупных деятелей прибалтийской белогвардейщины, Бермонт-Авалов, — состоялось свидание Носке с фон-Розенбергом, приехавшим, по заданию окопавшихся в Риге остатков северной армии, вербовать для последней русских военнопленных в Германии. Розенбергом была передана «Краткая докладная записка о северной армии», в которой германскому командованию предлагалось приступить к комплектованию антисоветских отрядов на тех же условиях, на которых комплектовалась восточно-немецким командованием псковская армия до ноябрьской революции»¹.

Насколько хорошо авторы «Записки» понимали единство антисоветской политики до- и посленоябрьской Германии и ее классовую сущность, видно из последующего изложения.

«Нам кажется, — писали они, — что те условия, которые были заключены со старым германским командованием, вполне приемлемы и для настоящего, и поддержка северной армии является выгодной и Германии и России. Уничтожая большевизм в России при помощи северной армии, Германия тем самым навсегда покончит и со спартаковским движением у себя. Затем, восстановив новый законный порядок в России, Германия может рассчитывать в ближайшее время получить продовольственные запасы из России»².

В своих расчетах белогвардейцы не ошиблись: Носке, прочитав «Записку»

обещал Розенбергу передать ее Совету народных уполномоченных и лично настаивать на принятии плана.

Германский Галифе — Носке — и Август Винниг служили живой связью между германским правительством и русско-немецкими контрреволюционерами в Прибалтике. Носке неоднократно ездил в Прибалтику проверять, как идет подготовка к выступлению против Советской России, следил за набором пополнений для прибалтийских отрядов в Германии и т. п. Винниг был официальным руководителем движения.

Практическую работу вел фон-дер-Гольц, который до того как поступить на службу к социал-демократам, весной 1918 года, потопил в крови при помощи германских войск пролетарскую революцию в Финляндии. Гольц ставил перед собой две непосредственные задачи: разгромить советские республики, возникшие в Прибалтике под влиянием Великой пролетарской революции, и организовать поход на Советскую Россию.

Конечной целью Гольца было присоединение к Германии прибалтийских территорий. Планы аннексии Прибалтики полностью разделялись шейдемановцами. Так, Носке, специально приехавший к Гольцу в Либаву, заявил: «Германия вынуждена содержать войска в Прибалтике, так как иначе эта немецкая земля подверглась бы нападению неприятеля и особенно грабежам большевиков»³.

Поход против Советской России фон-дер-Гольц мыслил себе примерно так же, как и генерал Гофман.

«При данном положении вещей, — писал Гольц, — мы, немцы, могли бы достигнуть нашей цели с уверенностью, только если бы Антанта признала необходимость борьбы с угрожающим всей Европе большевизмом, причем Германия выступала бы в качестве передового бойца. Поэтому я потратил много любезности и уговоров, чтобы добиться этого»⁴. Как и все остальные деятели германской

¹ Генерал князь Авалов «В борьбе с большевизмом», стр. 127. Цит. по М. Бах «Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой». М. 1928.

² Там же.

³ В. Стучка «Пять месяцев социалистической Латвии», стр. 28. 1919.

⁴ General von-der-Goltz «Meine Sendung in Finland und im Baltikum». S. 121.

контрреволюции, Гольц тесно связывал выступление против Советской России с внутренним положением в Германии. Разгром РСФСР должен был служить средством «убить внутренний большевизм в Германии, раздавить голову все более раз'едающей, все более стремящейся влево гидре германской революции»¹.

Наступление на Советскую Россию должно было проводиться в союзе с русскими белогвардейцами: «Советская Россия не была признана, и здесь (Антанте. — Ю. О.) совершенно нечего было возражать, если бы широкие, стоящие за порядок русские круги, подобные Колчаку, Деникину, Юденичу, образовали на восток от германской границы армию, для того чтобы освободить свою несчастную родину от красного террора»².

Соответственно, военные планы Гольца были очень широки: он стремился к объединению регулярных войск Антанты, германских отрядов в Прибалтике, частей прибалтийских белогвардейцев и важнейших белых фронтов в России. Прибалтийские армии должны были «наступать с запада через Двинск и Вилейку, в то время как Колчак и Деникин громили бы большевиков с востока и юга»³.

Многочисленные антисоветские военные объединения в Прибалтике, составляющие солидную армию в 40 тысяч человек, находились на полном иждивении германского правительства с ноября 1918 года по сентябрь 1919 года.

В самой Германии велся открытый набор добровольцев для посылки против Советской России. Наряду с Прибалтикой наемники отправлялись на архангельский фронт и для помощи белым армиям Деникина. Еще весной 1919 года с целью объединения работы белогвардейских и германских организаций, ведущих вербовку солдат для выступления против Советской России, был организован специальный комитет «помощи охране Востока». Комитет открыто призывал немецкое на-

селение записываться в посылаемые против Советской России полки.

Антисоветский поход изображался при этом, само собой разумеется, как оборона от Красной армии, якобы собирающейся поработить Германию. Воззвания комитета печатал официальный «Форвертс».

«Через наши восточные границы грозит пережест большевистской волны из России, — гласило одно из воззваний. — Если против нее не будет возведена мощная плотина, наша страна будет предоставлена экономической гибели и новой военной нужде... Добровольные части для защиты наших восточных границ, для обороны германского отечества образованы! Из всех слоев населения являются мужчины всех возрастов и положений, готовые дальше предоставлять свою жизнь германскому отечеству и нашим угрожаяемым братьям. Наши границы должны быть защищены еще до заключения мира!»⁴.

В стране была раскинута целая сеть белогвардейских организаций, действовавших в теснейшем контакте с правительством и проводивших мобилизацию денежных средств и людей для отправки против РСФСР. В Берлине имела свой центр «Русская партия сближения с Германией» во главе с сенатором Бельгардом и Туган-Барановским, бароном Крюденер-Струве, членом Думы Лютцем, князем Кропоткиным и помещиками Фальц-Фейном и Безаком. Тот же Бельгард возглавлял особый «Военный совет». Бывшие царские дипломаты Кнооринг и фон-Беруководили «Русским комитетом». Регулярно выпускалась монархическая газета «Призыв».

О размахе деятельности белогвардейцев можно судить по сообщениям «Форвертс», который осенью 1919 г. желая сыграть роль «левого» перед германским рабочим классом, и когда германские войска, по требованию Антанты, все равно эвакуировались из оккупированных районов, занял «разоблачительную» позицию. Так, один из номеров газеты сообщал о «раскрытии» белогвардейского вербовочного бюро со штатом в 20 человек. Через несколько дней, 4 декабря, бы-

¹ General von-der-Goltz «Meine Sendung in Finland und im Baltikum». S. 150.

² Там же, стр. 229.

³ Там же, стр. 225.

⁴ «Форвертс» от 9 февраля 1919 года

Расстрел коммунистов на Украине немецкими оккупантами. 1918 год.

по «обнаружено» наличие в Берлине русской «военной миссии», руководимой полковником Брандтом. «Форвертс» ничтоже сумняшася заявил, что «военная миссия» называется так «ошибочно» (?) и на самом деле занимается вопросами «Красного креста». 5 декабря были «открыты» две белогвардейские конторы сразу¹.

Один из корреспондентов «Форвертс» характеризовал деятельность берлинских белогвардейцев следующим образом:

«Берлин все больше и больше становится центром русской контрреволюции. Отсюда исходили первые подготовительные шаги по созданию северной армии, оперирующей в русских прибалтийских провинциях против большевизма и имеющей ближайшей целью взятие Петербурга. Можно сказать, что до самых последних дней — так как теперь начали поступать грузы Антанты через Ревель — Берлин и Восточная Германия служили единственной оперативной базой русской контрреволюционной армии. В предвкушении грядущей победы, в Берлине с полным уютом обосновались различные реакционные организации. Они чувствуют себя в демокра-

тической Германии, повидимому, великолепно»².

Эшелоны набранных в Германии русских и немецких белогвардейцев безостановочно отправлялись на антисоветские фронты. Характерно, что, по свидетельству того же Авалова, при отправке одного из поездов для торжественных проводов на вокзал явились совместно германские офицеры, представители русских белогвардейских организаций и уполномоченный английской военной миссии. Германский военный оркестр сыграл «Боже, царя храни».

С целью антикоммунистической пропаганды и агитации за поход против Советской России правительством Эберта была создана особая «Антибольшевистская лига».

Германское правительство давало «Лиге» огромные субсидии. Промышленники обязывались уплачивать взносы с каждого рабочего их предприятия.

«Антибольшевистская лига» включала отдел «наблюдения», занимавшийся шпионажем, и отдел «информации», ведающий снабжением печати антикоммунистической и антисоветской литературой. Затем имелось

¹ «Форвертс» №№ 555, 564, 567 за 1919 год.

² «Форвертс» от 21 августа 1919 года.

«Академическое бюро», «научно» изучавшее большевизм.

«Антибольшевистская лига» была теснейшим образом связана с находящимися в Германии белогвардейскими организациями и контрреволюционной работой в оккупированных районах.

* * *

Приведенные здесь факты лишь в небольшой степени дают представление о совершенно у нас не изученном последнем периоде германской интервенции. Однако их достаточно для того, чтобы установить в общих чертах размах и формы антисоветских планов Германии после мировой войны.

Германский империализм не смог провести их в жизнь. Правительство Эберта находилось на клочковатом вулкане нарастающей пролетарской революции.

В январе и марте 1919 года шейдемановцам удалось удержать свою власть, только пустив в ход против выступавших берлинских рабочих пулеметы и штыки. В феврале 1919 года толпа берлинских трудящихся пыталась штурмовать тюрьму, где заключен был тов. Радек. Пяти тысячный митинг мюнхенских рабочих (в том же месяце) требовал немедленного установления отношений с Советской Россией. Под этим же лозунгом прошло мартовское движение в Берлине и апрельские забастовки в горнопромышленных районах.

В апреле же возникает Баварская советская республика, грозящая вовлечь в новую революцию все остальные районы Германии. В Рурском бассейне и в Центральной Германии вспыхивают всеобщие забастовки. Германские пролетарии наряду с требованиями советского строя, социализации промышленности, роспуска контрреволюционных организаций требуют безоговорочного объединения с братским пролетариатом СССР. В оккупированных районах германские рабочие, одетые в солдатские мундиры, осознают предательские намерения посланных им империалистов, братаются с красноармейцами, смещают контрреволюционных начальников, требуют отправки на родину.

Германские рабочие не позволили отечественным империалистам объявить Советской России новую войну. Совершенные Эбертами и Гофманами попытки в этом направлении наглядно доказали им, что дальнейшее углубление антисоветской политики грозит тем, что они сами будут сметены в вихре возмущения германского пролетариата.

Планы германских империалистов послевоенного периода поразительно близки к антисоветским планам современного фашизма. Не только проекты «экспансии на Восток», но и попытки выставить Германию как главу крестового похода против СССР заимствованы гитлеровцами из старого арсенала германского империализма. Стоит только сравнить проекты генерала Гофмана с известным гугенберговским меморандумом на экономической конференции 1933 года и высказываниями фашистской прессы или сопоставить деятельность гитлеровских агентов в Прибалтике с мечтами безнадежно провалившихся фон-дер Гольцев и Аваловых, чтобы в этом убедиться.

Фашизм заимствовал у послевоенной Германии не только антисоветские планы, но и их конкретных носителей: наряду с фон-Розенбергом в рядах фашистской партии ныне здравствует «остзейский уполномоченный» Винниг; Носке пользуется заботами и пенсиями современных властителей Германии; Бермонт-Авалов развивает в Берлине свою антисоветскую деятельность.

Любопытно, что даже эбертовская «Антибольшевистская лига» была оставлена нераспущенной и принята под названием «Лига защиты германской культуры» в лоно «третьей империи».

Фашистские захватчики, повидимому, забывают не только уроки позорного краха германской интервенции 1918 — 1919 годов, — они забывают, что Советский союз уже не то, чем он был в те времена. Розенберги и Гофманы всех мастей имеют перед собой мощное социалистическое государство, вооруженное по последнему слову техники и готовое в любой момент дать достойный отпор «свиному рылу» интервентов, которое попытается сунуться в его «советский огород».

В. Васютинский

РЕСТАВРАЦИЯ СТЮАРТОВ

Начавшаяся в 40-х годах XVII столетия английская буржуазная революция привела, как известно, на своем первом этапе к свержению монархии Стюартов и установлению республики под протекторатом Кромвеля. Король Карл I был казнен в 1649 году, но уже по прошествии одного десятилетия, вскоре после смерти Кромвеля, в 1660 году, вновь была восстановлена монархия и реставрирована династия Стюартов.

Эта реставрация отнюдь не была неожиданностью: она являла собой необходимый этап в развитии буржуазного общественного строя в Англии и была обусловлена особенностями самой английской буржуазной революции, отличительной чертой которой был ее консервативный характер. Последний в свою очередь был вызван тем, что в Англии совместно с буржуазией против феодальных порядков боролась и значительная часть землевладельцев-предпринимателей, также заинтересованных в ликвидации феодальных отношений. Длительный союз буржуазии с этими слоями нового дворянства наложил свой отпечаток на весь ход английской революции. Процесс становления буржуазных общественных отношений отличался здесь благодаря этому длительностью, противоречивостью, движениям вспять и реакционностью форм, под покровом которых он совершался.

В Англии понадобилось немало лет борьбы и усилий, чтобы ростки буржуазных отношений принесли плоды. Непосредственные причины, кото-

рые заставили буржуазные и дворянские слои, поддерживавшие протекторат Кромвеля, призвать вскоре после его смерти старую династию Стюартов, лежали в первую очередь в экономической и политической обстановке того времени. В 1659—1660 годах страна переживала серьезную экономическую депрессию. Затянувшаяся война с Испанией и потеря большинства рынков на Балтийском море вызвали глубокий кризис английской торговли: «Торговля Англии, — писал современник, — упала больше, чем во время какой-либо другой войны»¹. С не меньшей силой проявился кризис и в промышленности: ряд отраслей производства, особенно суконные, пришли в состояние развала и застоя. В правительство поступали из различных графств бесчисленные жалобы на тяжелое положение производства. Жители Йоркшира, например, горько сетовали на «особенный упадок и развал шерстяной промышленности этого графства»².

В довершение всех бед хозяйственная депрессия привела к финансовому краху: бюджетный дефицит правительства достигал 1—1,5 миллиона фунтов стерлингов. Напрасно оно стремилось заштопать дыры в своем бюджете и ввести новые налоги или увеличить старые — этим самым оно только усугубляло нищету и разорение. Голод и безработица сделались в это время типичными явлениями. Над Англией вновь повис призрак гражданской войны, и политическая борьба приняла особенно острый характер.

Естественно, в таких условиях протекторат потерял поддержку тех слоев, на которые он прежде опирался. Наследовавший Кромвелю его сын Ричард не имел ни влияния, ни талантов своего отца, он пренебрег интересами высшего офицерства и под его давлением вынужден был отказаться от власти.

¹ Burnet «History of my own time», I, p. 138.

² M. James «Social policy during the Interregnum», p. 166.

Карл II.

С карт. Мэри Бил.

С падением Ричарда Кромвеля офицеры вновь провозгласили республику; фактически же власть перешла в руки военщины. Новое правительство не имело никакой популярности и металось из стороны в сторону, не зная, что предпринять, как устранить бедствия, обрушившиеся на страну. Оно то созывало «охвостье» долгого парламента, то разгоняло его; между отдельными генералами происходили разногласия и шла борьба за власть. За один 1659 год четыре раза сменилось правительство и дважды дело едва не дошло до уличных боев. В провинции и Лондоне то и дело вспыхивали волнения: происходили восстания крестьян и городской бедноты, разоренных кризисом.

Уайтлок, долгое время бывший членом государственного совета при Кромвеле, так характеризовал положение: «Ни одна партия не была в бездействии... все и каждый руководились своими собственными интересами, причем особенную склонность к волнениям обнаруживают люди, находящиеся в услужении»¹ (читай: сельские и городские рабочие, больше всех страдавшие от кризиса).

Возобновилась агитация левеллеров

¹ Whitelocke «Memoriales». IV, р. 380.

и «людей пятой монархии»², мечтавших уничтожить законы и установить «царство святых».

Дворянство, в том числе и предпринимательские слои его, давно уже тяготилось республикой и революцией: оно еще мирилось с правительством Кромвеля, железной рукой душившего все попытки трудящихся масс углубить революционное движение, но теперь, когда положение страны стало до такой степени неустойчивым, дворянство с усиленной энергией начало агитировать в пользу старой монархии. Роялисты даже поднимали в ряде графств восстания, но, слабо подготовленные, они подавлялись правительством, хотя и с большим трудом.

Стремление восстановить монархию встретило сочувствие и в рядах крупной буржуазии, которая боялась, с одной стороны, кризиса, а с другой — роста движения трудящихся масс и победы радикальных партий, что могло бы привести ее к гибели. Вот почему она охотно пошла на компромисс с феодалами, рассчитывая добиться уступок в свою пользу и получить твердое правительство в лице Стюартов.

Этот заговор в пользу старой монархии возглавляло лондонское Сити — богатейшая часть английской буржуазии.

Уже в январе 1660 года Сити заняло очень недвусмысленно враждебную позицию по отношению к армии и остаткам вновь восстановленного долгого парламента. Оно отказалось платить налоги и представило петицию о восстановлении «настоящего свободного парламента».

Измученные голодом и кризисом, трудящиеся массы Лондона, не видевшие никакой помощи от правительства «охвостья», ненавидели его и под-

² Радикальная политическая группировка, стремившаяся произвести переворот и установить «пятую монархию», или так называемое «тысячелетнее царство», пророчествуемое библией.

Средство к достижению этой цели они видели в восстании небольшой активной группы.

В программе их много анархических тенденций и требование равного распределения собственности. Опирались «люди пятой монархии» на мелкую буржуазию и городские низы.

держивали требование буржуазии, не понимая, что «свободный парламент» — хитрый маневр, скрывавший иные цели. Когда в Сити вступили высланные для подавления волнений войска, «подмастерья и мальчишки бросали в них черепицы, камни, репу и т. п. Некоторых они обезоружили и избивали, у других повредили лошадей камнями... шедший во главе солдат полковник Хьюсон был встречен громкими криками: «Сапожник, сапожник!»... а когда солдаты расклеивали указ о запрещении петиций, мальчишки так кричали, что некоторые из солдат не выдержали, дали залп из мушкетов и убили человек шесть или семь, а нескольких ранили»¹.

Страсти после этого не успокоились, и, казалось, восстание лондонских горожан неминуемо. «Здесь большой беспорядок, — писал один из лондонцев, — и каждый час мы ожидаем пролития крови»². Но взрыва не последовало, ибо Сити ждало, когда остальная страна присоединится к ним и они получат военную силу. Лозунг «свободный парламент», выставленный Сити, быстро распространился в провинции и встретил широкое сочувствие имущих классов. Военная сила тоже нашлась: буржуазию поддержал главнокомандующий армией в Шотландии генерал Монк.

Бывший роялист, он перешел на службу республики, но после смерти Кромвеля вернулся вновь к мысли о монархии. С этой целью он заручился денежной поддержкой шотландского комитета сословий и двинулся в Англию. Солдат его армии горожане ласкали направо и налево: «большинство их весь день было пьяно и имело деньги». Как же было не ухаживать лондонским купцам за своими защитниками!

Озлобление против «охвостья» достигло своего апогея: «на улицах Лондона зажгли от холода костры и на них жарили говяжий огузок (насмешливый намек на заседавший тогда остаток долгого парламента), а вокруг костров горожане громко и открыто поносили «охвостье»³. Имея

за спиной капиталы Сити и собственных солдат, Монк стал действовать смело: он пополнил парламент прежде исключенными Прайдом пресвитерианскими депутатами, под давлением которых было вынесено постановление о самороспуске парламента и назначены новые выборы.

Широкие массы трудящихся были лишены права голоса, зато роялистское дворянство получило полную свободу для агитации. И так велик был страх имущих классов перед восстанием бедноты, что они послали в палату общин почти исключительно роялистов.

Новый парламент в составе общин и лордов (последним вновь вернули их старые привилегии и права) собрался 14 апреля и немедленно вступил в переговоры с сыном казненного короля, Карлом II. Из того же чувства страха перед трудящимися массами никто и не подумал связать его какими-либо ограничительными обещаниями. В ответ на приглашение вернуться Карл II издал так называемую Бредскую де-

Генерал Монк.

С варт. Дили.

¹ Pepys «Correspondence», p. 15.

² Clarke «Papers», IV, p. 186.

³ Pepys «Diary», 11, 13/II. 1660.

THOMAS VENNOR
ORATOR CONVENCIONUM REGNI
MILLITARIUM LIBERTINORUM SEDUCTOR
RECAPITANEIS SEPTIMORUM ANABARTENANUM
ET QUASIBOVIUM IN CIVITATE LONDINENSIS

Томас Веннер, руководитель восстания «людей пятой монархии». Британский музей.

кларацию, в которой излагал свои будущие намерения: он обещал веротерпимость, дарование амнистии, уплату жалованья армии Монка и предоставление на усмотрение парламента вопроса о землях, конфискованных или купленных у роялистов.

Весь этот документ представляет изложение воли абсолютного монарха, которому угодно даровать те или иные милости своим подданным. Приняв его за основу реставрации монархии, английская буржуазия и парламент показали лишней раз свою ненависть к революции и готовность любой ценой восстановить свое спокойствие и «порядок» в стране.

8 мая Карл II был торжественно провозглашен королем, лондонская буржуазия выслала ему солидную сумму на издержки, а 29 мая бывший нахлебник французского двора, в течение 10 лет вымаливавший подачки почти у всех государей Западной Европы, уже вступил как полновластный государь в Лондон.

Имущие классы торжествовали: они добились своего. Усилиями дворянства и буржуазии монархия была восстановлена.

Разгромленные и разбитые в период республики и протектората рабочие массы и крестьянство потеряли

своих вождей и политическую организацию: они были слишком слабы, чтобы воспрепятствовать восстановлению монархии.

2

Воцарившись на английском престоле, Карл II прекрасно понимал, что положение его еще не прочно, поэтому первое время он старался ладить с представительницей интересов крупной буржуазии — партией пресвитериан. Была объявлена амнистия участникам борьбы против монархии; конфискованные во время революции земли остались за новыми владельцами; Карл II обещал править в согласии с парламентом и сохранить свободу совести для всех подданных.

Но уже очень скоро начались репрессии: из действия акта об амнистии изъяли всех «цареубийц», под которыми разумели не только участников суда над королем, но и всех активных деятелей республики и революции; многих из них заключили в тюрьму или вынудили бежать за границу, а 20 человек было казнено. Даже мертвых — Кромвеля, Айртона и Бредшоу — не пощадили: тела их вырыли из могил и повесили на виселицах, а головы водрузили на шестах против здания парламента.

Преследования деятелей республики вызвали восстания наиболее крайних ее представителей — «людей пятой монархии». В январе 1661 года они под руководством бочара Томаса Ваннера подняли в Лондоне восстание под лозунгом: «Не оставить камня на камне от Вавилона (т. е. монархии Карла II. — В. В.), уничтожить всех магистратов, священников и десятиных, основать политическую свободу, обратиться в общее достояние всю собственность, захваченную в борьбе»¹.

Восстание Веннера так напугало господствующие классы, что на ноги поднялся весь имущий Лондон. Были стянуты войска, и несмотря на героическое сопротивление почти все повстанцы были перебиты, а остальные схвачены и вскоре казнены. Тем не менее деятельность «людей пятой монархии» не прекращалась, и прави-

¹ Middiman «The King's journalist», p. 138.

тельство несколько раз конфисковало их агитационные листовки и даже раскрыло новый заговор.

Под впечатлением этих событий собрался в 1661 году новый парламент, «кавалерский» парламент, как его называли, ибо громадное большинство в нем составляли роялисты. Теперь правительство почувствовало почву под ногами и решило действовать. Во главе министерства стал лорд Кларендон, старый советник Карла I и ментор его сына. С полного согласия короля были сведены на нет все уступки, которые тот обещал вначале. Конфискованные коронные и частные земли вернули прежним владельцам¹; англиканская церковь вновь сделалась господствующей в стране; епископы были восстановлены в правах и получили обратно прежде отобранные у них земли; национальные и экономические интересы Ирландии и Шотландии нарушались еще резче. Все инаковерующие обязаны были принести присягу на верность королю и англиканской церкви и отречься от кovenанта², иначе они теряли право занимать муниципальные должности. Запрещались собрания в количестве более 5 человек; участники таковых подвергались штрафу или тюремному заключению. Наконец, все священники и учителя, отказавшиеся признать обряды англиканской церкви, не смели более чем на 5 миль приближаться к городам (пятимильный акт 1665 года).

Меры эти были вызваны, с одной стороны, страхом перед революцией, а с другой — стремлением Карла II и его приближенных восстановить абсолютную монархию и самую надежную базу ее — католическую церковь. Как из рога изобилия посыпались репрессии на диссентеров (противников государственной церкви).

Преследованиям подвергались в большей или меньшей мере все группы диссентеров, но особенно суровое отношение было к «квакерам»³. Их

¹ Земли, которые роялисты продали во время революции, по настоянию Кларендона, были оставлены в руках покупателей для того, чтобы не нарушался принцип «свободной» частной собственности.

² См. «Борьбу классов» № 3 за 1935 год.

³ Религиозная секта мистического характера, отвергавшая официальную церковную организацию.

Лондон в огне. 1666 год. Старинная гравюра.

вождь Джордж Фокс, рассказывал в своем дневнике, как избивали его товарищей, издевались над ними, гноили в тюрьмах, замучивали до смерти. Самого Фокса не раз бросали в тюрьму, а побоям он и счет потерял. Как ни суровы были правительственные репрессии, диссентеры очень стойко переносили их, и случаи отказа от своих убеждений наблюдались очень редко.

Лишенные возможности заниматься свободно общественной и политической деятельностью, диссентеры обратились к промышленности и торговле. «Ни один человек из старой армии, — рассказывает современник, — не просит на улицах милостыни, а почему? Такой-то капитан стал сапожником, а такой-то лейтенант — хлебником, а другой — пивоваром, третий — мелочным торговцем»⁴. Это не значит, что диссентеры безропотно переносили свое тяжелое положение: не раз поднимали они восстания, устраивали заговоры. В 1662 году в Лондоне то и дело происходили волнения; в 1663 году в Йоркшире бывшие офицеры Кромвеля подняли восстание во главе с неким Отсом. Только после жестокого столкновения с войсками они сдались. Через несколько месяцев там же раскрыли новый заговор: участники его думали захватить Уайтгол, похитить Кларендона и герцога Йоркского, чтобы принудить короля

Отказ платить церковную десятину наряду с отрицанием насилия и войны вызвал в эпоху реставрации особое гонение против них.

⁴ P e r y s «Diary», 9/XI, 1663.

Эдуард Гайд лорд Кларендоу.

выполнить обещания, данные в Бреде. В Ирландии тогда же было подавлено восстание республиканского полковника Блода, а еще через 2 года в самом Лондоне раскрыли заговор против Карла II; душой его был бывший левеллер Уайльдмен¹.

Как ни усиливало правительство Карла II репрессивные меры против недовольных, количество их росло. Крупная буржуазия, руками которой Карл II приобрел себе корону, переходила постепенно тоже в лагерь оппозиции: ее пресвитерианские нравы не мирились с попойками и развратом короля и распущенностью придворных кавалеров. «Они ходят в португелях и со шпагами, бранятся, воруют, вмешиваются в чужие дела, иной раз и уносят вещи»², — так возмущался поведением аристократии современный буржуа. Буржуазия, может быть, и смотрела бы сквозь пальцы на «похождения» Карла II, но они стоили безумных денег: балы, празднества, подарки фаворитам и фавориткам, карточная игра и тому подобные развлечения расстраивали финансы и толкали короля на путь авантюры, невыгодных для торговли и промышленности.

¹ Pepys «Diary», 4/VIII, 20/XI, 1/VII 1663; 1/IX 1665.

² Pepys «Diary», 9/XI 1663.

Опасения буржуазии оправдались очень скоро: новые налоги — их было очень много при реставрации — оказались недостаточным источником дохода, к тому же значительная часть их уходила в руки финансистов, которым они сдавались на откуп. Продажа государственных должностей по примеру Франции тоже приносила очень мало. И вот, в поисках денег Карл II сделал первый шаг по пути предательства интересов своей страны и продал Франции, с одобрения Кларендона, Дюнкирхен — важную в военном и экономическом отношении крепость (1664 год).

Чувствуя, что от него отходят даже прежние сторонники, король издал декларацию о терпимости якобы для смягчения участи диссентеров, а на самом деле с целью ввести окольным путем в страну католицизм. Этой мерой он надеялся укрепить феодальные элементы в Англии, получить твердую опору для водворения абсолютизма и приобрести содействие католической Франции в осуществлении этих планов. Но дворянство прекрасно раскусило его замыслы: введение католицизма угрожало ему потерей награбленных во время реформации земель — и парламент потребовал от Карла II взять декларацию обратно. Из тех же побуждений и буржуазия отказалась от облегчения участи пресвитериан.

Чтобы привлечь симпатию своих поданных, Карл объявил войну Голландии, старой конкурентке английских купцов. Имушие классы поддерживали его; парламент дал требуемые на войну субсидии. Но деньги вновь пошли на развлечения двора, а война велась так плохо, военный флот был в таком расстроенном состоянии, что голландцы разбили англичан и в 1667 году вошли в устье Темзы, сожгли и захватили лучшие английские корабли, угрожая своими пушками Лондону.

Никогда еще Англия не доходила до такого позора. «Никто не верит королю и его Совету настолько, чтобы снабдить его деньгами, и никто не решается рисковать жизнью»³, — эти слова современника хорошо выражали настроение всей Англии.

³ Pepys «Diary», 11/VII 1667.

Правительство находилось на краю гибели. Кругом нарастало всеобщее недовольство. К довершению всех бед в стране разразилась чумная эпидемия (1665 год), а еще через год громадный пожар уничтожил больше половины Лондона. Нужно было найти козла отпущения и разрядить накалившуюся атмосферу. Такую роль сыграл лорд Кларендон. Им были недовольны все: католики за свое бесправие; буржуазия за репрессии против диссентеров, продажу Дюнкирхена и неудачную войну; дворянство за потерянные и невозвращенные им после революции поместья. К тому же сам Карл II мечтал избавиться от своего умеренного советника и, призвав к власти своих друзей — католиков, осуществить свои планы — сделать Англию католической и абсолютной монархией.

В 1667 году Кларендон пал. Вскоре был заключен мир с Голландией, и власть перешла в руки придворных интриганов и злейших реакционеров. Английское общество, однако, не успокоилось, и борьба развернулась еще шире и ожесточеннее.

3

В то время как на поверхности общественной жизни Англии происходила борьба за возврат к старым дореволюционным порядкам, в глубине ее процесс капиталистического развития безостановочно шел своим чередом. Крайне важно отметить, что государственная власть не только не препятствовала этому, а даже содействовала, столь сильно прониклись буржуазным духом даже дворянские круги.

В этот период Англия все еще оставалась преимущественно аграрной страной. Однако сельское хозяйство сильно изменило свое лицо и после революции прочно стало на предпринимательские рельсы. Через парламент помещики подтвердили еще раз проведенный во время гражданской войны закон об уничтожении ленной системы, т. е. феодальных повинностей, тяготевших над дворянской земельной собственностью, и таким образом превратили свои земельные владения в буржуазную собственность. «Земельные собственники..., — характеризовая эту меру Маркс, — уничтожили

феодальный строй поземельных отношений, т. е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «вознаградили» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право...»¹.

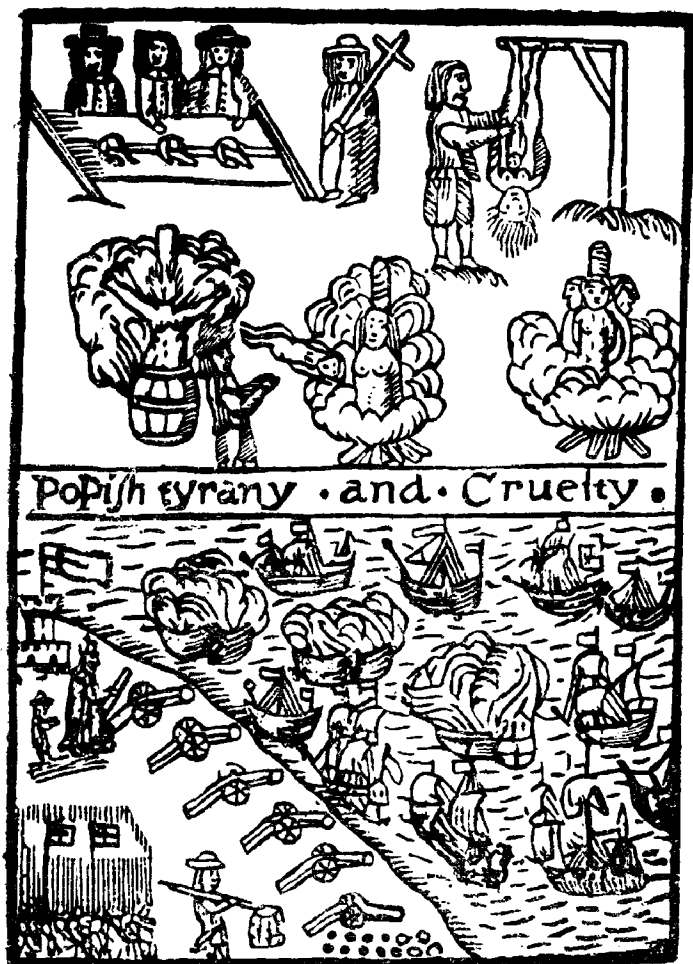
Далее, при поддержке правительства компания помещиков-предпринимателей осушила болота и озера так называемой области фенов, отняла львиную долю осушенной земли у местного крестьянства и привела его к нищете несмотря на энергичное сопротивление и даже восстания.

Другой заботой помещиков являлось повышение ренты и доходности поместья. Манорнальный обычай ломался, и земли сдавались в аренду, для чего огораживались все большие земельные пространства. К 80-м годам прошлого столетия почти весь юг Англии и значительная часть средних графств были огорожены. В 1665 году новое дворянство попыталось получить государственную санкцию огораживаний, но предложенный в парламенте билль провалили отсталые помещики севера. Тем не менее государственная власть все же оказала поддержку частным огораживанием через канцлерский суд. Огороженные земли или сдавались в аренду или на них производили технические улучшения: сеяли кормовые травы, применяли новые методы удобрения. Агронмия очень интересовала дворянство; появилась большая литература по этому вопросу; даже в королевском обществе проблемы сельского хозяйства вызвали длительную дискуссию. Однако научные методы медленно входили в жизнь: этому мешал недостаток капиталов у помещиков. «Нужда в деньгах распространена по всей стране, и земля продается за бесценок»², — писал современник.

Огороживания и технические улучшения в сельском хозяйстве привели к новому отрыву крестьян от средств производства. Последние безжалостно сгонялись с земли, так что, например,

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 580. Партиздат. 1932.

² P e r y s «Diary», 31/1, 1668.

Зверства папистов в изображении английских буржуа в XVIII веке. Старинная гравюра.

в Лестершире «крестьяне ходили повсюду в поисках земли, на которой можно осесть»¹.

Новый удар нанес крестьянам закон 1677 года, по которому копигольдерам наследственную аренду заменили краткосрочной.

Еще хуже было положение сельских рабочих. Для того чтобы сохранить себе готовую рабочую силу, помещики в 1662 году провели через парламент закон об оседлости, воспрепятствовавший свободному передвижению рабочих. «Земельные собственники... откроевали (даровали. — В. В.) сельским рабочим Англии законы о поселении..., которые сделали из них придаток общины»². Рабочие остались в полной власти у помещиков и не могли искать лучших условий жизни.

Еще больших успехов достигли капиталистические отношения в промышленности. В Англии в это время на первом месте стояло суконное производство. К началу реставрации оно сильно пострадало от кризиса 50-х годов, но в основном быстро прогрес-

сировало, хотя время от времени переживало депрессию. По форме суконная промышленность оставалась преимущественно ремесленной, но под видом мастера-ремесленника скрывался предприниматель-капиталист. В Йоркшире, одном из центров суконной промышленности, производство было организовано по принципу рассеянной мануфактуры; в Уильтшире, напротив, производство велось на широкую ногу и соединяло в себе централизованную и рассеянную мануфактуру. Даже старинные цеховые организации Лондона испытали ту же перемену: среди суконщиков мелкие мастера вытеснялись крупными и превращались постепенно в наемных рабочих. Количество последних при Карле II неуклонно росло; нищенские условия жизни не раз толкали их на стачки.

Незаметно прежние гильдии превращались в союзы капиталистов. В том же направлении развивалась и горная промышленность. Здесь полностью господствовало капиталистическое производство типа мануфактуры. Объем этой отрасли промышленности ширился: медные копи Корнуолла насчитывали до 10 — 12 тысяч рабочих. То же наблюдалось в других отраслях, особенно в угольной промышленности, в которую были вложены значительные капиталы. Рабочие-горняки находились на положении почти крепостных, заключая кабальный контракт, который всецело предоставлял их произволу хозяев.

Еще благоприятнее была почва для развития капитализма в хлопчатобумажном производстве. Эта отрасль промышленности зародилась в Англии недавно, и цеховые ограничения ее не стесняли. Рабочий здесь совершенно зависел от капиталиста и потерял всякую связь как с потребителем, так и со средствами производства.

Целый ряд других отраслей производства получил свое развитие в эту эпоху (сахарное, стекольное, переработка табака и др.). В них происходил тот же процесс: крупный предприниматель заменял ремесленника, мануфактура централизованного или рассеянного типа становилась на место ремесленной мастерской.

Что касается торговли, то неудач-

¹ Ogg England in the reign of Charles II, p. 61.

² К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 580. Партиздат. 1932.

ная внешняя политика Карла II иной раз вредила ей, но все же коммерческие отношения преодолевали все затруднения и успешно развивались. Правительство под давлением купечества вновь переиздало навигационный акт, по которому товары из Азии, Африки и Америки могли ввозиться в Англию лишь на английских судах (1660 год). Из года в год в этот акт вносились новые дополнения, охранявшие интересы английского торгового капитала. Не даром Адам Смит писал, что «навигационные акты, может быть, — одна из самых мудрых мер по регулированию торговли»¹.

Значительная часть английской внутренней и особенно внешней торговли концентрировалась в руках крупных компаний: помимо прежних Ост-Индской, Левантской, Истляндской и «Купцов-авантюристов» возникло еще много других с общим капиталом, достигавшим 2 728 000 фунтов стерлингов². Первое время торговые компании находились в жалком состоянии, но постепенно оправились. Особенно процветала Ост-Индская компания: дивиденды ее акционеров увеличились за 1657—1667 годы в 3 раза. Она вела торговлю на 28 кораблях с грузом 250—600 тонн на каждом и завязала отношения с Китаем (Амой), Персией и Индией (здесь она получила в полное владение Бомбей). Увеличивала она свои капиталы и посредством кредитных сделок, ссужая постоянно деньги королю.

Английская торговля имела господствующее положение в Португалии, вывозя туда сукна, уголь, медь, хлеб; столь же благоприятным был торговый баланс английских купцов в фламандских портах. Английский экспорт в два раза превышал импорт.

Серьезной помехой для английской торговли являлась конкуренция Франции. Торговый баланс был в пользу Франции и приносил ей ежегодно миллион франков³. Вот почему сближение Карла II с Францией так враждебно воспринималось английской бур-

жуазией. Тем не менее английская торговля неуклонно расширялась, постепенно вытесняя своих соперников. Новые просторы открывались также для нее в связи с расширением колонизации в Северной Америке, захватом Нью-Йорка (1664 год) и приобретением Пенсильвании (1681 год).

Правительство, зависевшее от капиталистов и постоянно одалживавшее у них деньги, всячески содействовало торговле. В парламенте очень часто ставились на обсуждение коммерческие вопросы и было проведено много мероприятий в помощь торговле.

Купцы и денежные люди постепенно оделались хозяевами экономической жизни страны, они наживались на откупах налогов и предоставлении кредитов правительству, причем очень многие создали себе большие состояния во время войны с Голландией на поставках флоту и ссудах министерству. Все барыши, получаемые капиталистами от государства, последнее перелажало в виде налогов на плечи народных масс, доводя их до полной нищеты и разорения.

Таким образом, прогресс буржуазных отношений наблюдался во всех отраслях хозяйственной жизни Англии: она медленно, но верно превращалась в капиталистическую страну. Не даром Маркс называет эпоху реставрации одним из этапов первоначального накопления капитала.

4

Несмотря на свои успехи английская буржуазия не могла быть уверена в их прочности. Падение Кларендона не рассеяло ее сомнений, а, наоборот, заставляло еще больше опасаться за свое будущее. Карл II, погрязший в разврате и долгах, не сумел скрыть, что желает перейти к единовластному правлению, едва лишь представится к этому возможность. Желание его всемерно подогревалось и поощрялось придворной аристократией, которую мог спасти от гибели только абсолютистский режим: так разорили ее кутежи и неуменье хозяйничать.

Открыто и сразу порвать с конституционными порядками Карл II и придворная партия не решались: симпатии населения к королю с каждым

¹ A. Smith «Wealth of Nations», p. 204.

² W. R. Scott «Joynt Stock Companies», III, p. 462—481.

³ Historical Manuscripts Commission. X Report. II, p. 11—14, 33.

Наков II.

О карт. Дж. Рили.

днем слабели, и даже в «кавалерском» парламенте образовалась оппозиционная партия: склонность короля к католицизму и неудачная внешняя политика оттолкнули от него прежде лояльных депутатов. Вот почему Карл II призвал к власти министерство «кабалы»¹.

В него входили и конституционалисты и абсолютисты, католики и протестанты, но за исключением лорда Ашли это были или интриганы-авантюристы (Бекингам), или креатуры короля.

При таком положении вещей Карл II мог пока вести двойственную политику и постепенно готовить осуществление своих планов. Так, правительство заключило союз с протестантскими державами («Тройственный альянс») и издало «акт о присяге» в 1673 году, устранивший католиков от участия в политической жизни, а втайне от всех Карл подписал через свою сестру герцогиню Орлеанскую договор с Францией (так называемый «договор Мадам»². 1670 года), по которому бессовестно предавал интересы своей страны: в обмен на денежную субсидию и поддержку против ре-

¹ По начальным буквам имен своих министров: Клиффорда, Арлингтона, Бекингема, Ашли, Лодердэйля; вообще «кабалой» называли со времен Иакова I узкий кружок доверенных лиц, правящий вместе с королем страной.

² Во Франции жена герцога Орлеанского имела титул «Мадам» — отсюда название договора.

волюции он обещал помочь Людовику XIV захватить испанские владения, подорвать мощь Нидерландов и ввести в Англии католицизм. Это соглашение было как по интересам землевладельцев, так и по интересам буржуазии, превращая Англию в французского вассала.

Между тем положение правительства «кабалы» становилось все хуже: государственное казначейство не имело средств и прекратило платежи; «мера эта не только разбила сердца подданных и разорила многих вдов и сирот, одолживших казначейству свои деньги, но и погубило его репутацию навсегда. После краха недовольство народа особенно усилилось»³. А тут на Англию обрушилось новое несчастье: верный условиям «договора Мадам», Карл II вместе с Францией разбойнически начал войну с голландцами (1672 год) и в конце концов позорно проиграл кампанию.

Возмущение буржуазных элементов в Англии достигло апогея.

Под давлением общественного мнения Карлу пришлось порвать с Францией и заключить сепаратный мир, очень тяжелый в денежном отношении. Но разрыв его с Людовиком XIV не был продолжительным: он заменил «кабалу» более сговорчивым и послушным министерством Дэнби и с его помощью возобновил соглашение с французским королем. На этот раз Карл II дал обязательство никому не объявлять войны без согласия Франции. Свобода английской торговли была теперь связана, но зато Карл получил весьма крупную сумму от Людовика XIV.

В то время как Карл II обманывал своих подданных во внешней политике, его министр делал то же самое во внутренней, добиваясь нужных решений парламента путем подкупа депутатов. Но маневры Дэнби и Карла II не спасли их от скандала: один из друзей Дэнби поссорился с ним и разоблачил все тайные махинации правительства с Францией. Буря разразилась в палате общин; большинством 70 голосов члены ее обвинили Дэнби в государственной измене и потребовали предания его суду.

³ Evelyn «Diary» 12/III 1672.

В связи с разоблачением Дэнби страх имущих классов за свою собственность необычайно усилился, а ненависть к католикам не знала предела. Начались волнения и среди городских низов, для которых католицизм означал худший вид угнетения: произошли демонстрации, и «на улицах Лондона подмастерья сожгли изображение римского папы»¹.

В обществе стали упорно распространяться слухи о подготовляемом заговоре католиков. Вскоре некий Отс, личность весьма темная, выступил публично с разоблачением папистского заговора. Католики, говорил он, сожгли в 1666 году Лондон, а теперь хотят убить короля и ввести в стране папизм. Отс не постеснялся обвинить в участии в заговоре многих лордов и даже королеву, якобы намеревавшуюся отравить своего мужа. Весь заговор, утверждал он, субсидируется папой и французским королем, агентом их в Англии является секретарь герцогини Йоркской — Кольмэн.

Под влиянием всех этих слухов парламент произвел массовые аресты, потребовал устранения герцога Йоркского (брата короля, яркого католика) от всех государственных дел и внес билль о подчинении лондонской милиции его контролю. Запуганный король согласился на все и лишь отверг билль о милиции. «Даже на полчаса, — сказал он, — я не откажусь от контроля над нею»². Возбуждение достигло высшей точки, когда Отс и другой авантюрист, Бедло, начали говорить, что католики намереваются произвести массовые убийства³.

Папистский заговор был, конечно, мифом, вера в него объяснялась недовольством широких слоев английского народа своим правительством. Выступление Отса было искрой, едва не создавшей революционного взрыва. Казнями папистов правительство сумело предотвратить его, но ненадолго. Злоупотребления Карла II и его приближенных увеличили силу оппозиции. Вот почему прав историк папистского

заговора, когда говорит, что оппозиция использовала версию об этом заговоре, чтобы раздуть недовольство широких масс⁴.

Дело Дэнби и папистский заговор вместе с тем явились концом деятельности «кавалерского» парламента. Его оппозиционность тяготила короля, и в январе 1679 года он распустил его и назначил новые выборы. В собравшемся вскоре парламенте оппозиция имела подавляющее большинство: как ни подкупало избирателей правительство, победа оказалась не на его стороне. Карл II был вынужден поручить министерство лидеру оппозиции графу Шефтсбери, а лорда Дэнби заключить в Тоуэр. Не мешкая, оппозиция приняла меры для устранения католического и абсолютистского переворота. По ее настоянию, герцога Йоркского выслали из пределов Англии; королевский совет получил широкие полномочия, и прежнюю систему «кабалы» упразднили. Оппозиция пошла еще дальше: она потребовала лишить герцога Йоркского как католика права наследовать престол (так называемый билль об исключении). Карл II увидел в этом нарушение своей прерогативы и, соглашаясь сделать герцога Йоркского королем только по имени, отказался утвердить нового наследника. Положение становилось очень тревожным. В Лондоне трудящиеся массы, проявлявшие открытую вражду к католицизму, герцогу Йоркскому и реакционным стремлениям Карла II, требовали назначить наследником престола незаконного сына короля — протестанта герцога Монмаута. Пользуясь их поддержкой, оппозиция отвергла закон о цензуре — печать получила теперь довольно широкую свободу. В то же время среди всеобщего возбуждения в парламенте прошел билль о знаменитом «Habeas corpus» (1769 год)⁵.

⁴ J. Pollack «The Popish Plot», p. 283.

⁵ «Habeas corpus act» — закон, провозглашавший гарантии личной свободы и направленный против полицейского произвола монархии.

Современник рассказывает, что этот билль провели случайно: когда подсчитывали голоса, счетчик в шутку посчитал одного толстого лорда за десятерых, ошибки на замечили, и Habeas corpus стал законом (Burnet «History of my own time». II, p. 263).

¹ Evelyn «Diary» 15/IX 1678.

² Cobbet's Parliamentary History. IV, p. 1052.

³ Эти сплетни были вызваны таинственной смертью лондонского судьи Эдмунда Годфри.

Убедившись в непримиримом настроении парламента, Карл II распустил его в июле 1679 года. Новые выборы, однако, оттягивались. Все это время страна жила в возбуждении. Возникли политические клубы, которые обсуждали вопросы текущей политики и во время работы парламента следили за поведением депутатов. Впервые оформились политические партии и появились партийные клички: «тори» и «виги». Первых, представлявших интересы придворной аристократии и отсталого дворянства, прозвали так по имени ирландских партизан-роялистов; вторые, объединявшие буржуазные элементы, получили свое прозвище от западноирландских ковенантеров (так называемые виггаморы или сокращенно виги). Обе партии подвели и теоретическую базу под свои позиции: тори в лице Фильмера доказывали «божественность» власти короля; виги устами А. Сидни провозглашали основой государства народный суверенитет, понимаемый, конечно, в смысле господства буржуазии.

Страсти разгорались, и страна была в таком состоянии, что, казалось, гражданская война недалеко. Сбравшиеся вслед за тем III и IV парламенты не смогли поладить с Карлом II. Билль об исключении отвергла палата лордов, в большинстве верная королю. В 1681 году Карл распустил неожиданно свой последний парламент и, получив новую большую субсидию от Людовика XIV, решил править как абсолютный монарх.

Началась жестокая реакция: репрессии обрушились на виггов, свирепствовала цензура, многие политические и религиозные книги были сожжены, злоупотребления в суде и финансах превосходили все предыдущее. Был объявлен поход и против буржуазии: у оппозиционного Лондона отняли его вольности и право на самоуправление, та же участь постигла и ряд других городов. Католики и крайние абсолютисты опять подняли головы.

Виги, однако, не сложили оружия: они вели агитацию вне парламента. Но в рядах их не было единогласия. Лидер их Шефтсбери вошел в соглашение с республиканцами и левеллерами, стремясь использовать неостывшее на-

строение народа и поднять восстание, но остальные вожди оппозиции (Эссекс, Рессель) предлагали собирать силы и дожидаться созыва новой палаты общин. К союзу с крайними элементами они относились отрицательно. Шефтсбери вскоре пришлось бежать за границу, так как ему грозил арест, левеллеры же после тщетных попыток договориться с умеренными начали действовать самостоятельно. Они завязали связи в провинции и Шотландии, договорились о моменте выступления, закупили оружие и в июне решили захватить короля и его брата, которые должны были возвращаться со скачек в Ньюмаркете, затем поднять восстание и образовать демократическую республику¹.

Недалеко от места проезда короля, в доме левеллера Райгауза, заговорщики устроили засаду, но план их не удался: заговор объединял многих, и скрыть его было трудно; пока руководители его обдумывали новые планы, нашлись предатели, выдавшие их правительству. Начались новые репрессии, и все участники заговора были арестованы. Правительство воспользовалось заговором, чтобы уничтожить виднейших вождей оппозиции: их притянули к райгаузскому делу, и после суда они сложили головы на эшафоте. Беззаконие на судебном процессе поражало даже современников: например Сидни осудили на казнь только на основании его книги, где он восхвалял республику.

С разгромом оппозиции сопротивление правительству закончилось; в стране воцарилось мрачное безмолвие; реакция бушевала вовсю.

5

В 1685 году умер Карл II и английский престол занял его брат, герцог Йоркский. Попытка оппозиционных кругов помешать этому была самым жестоким образом ликвидирована новым королем. В стране воцарилась еще более суровая реакция.

Декларация о терпимости, изданная Иаковом II в 1687 году, предоставляла фактическую свободу католицизму:

¹ Calendar of State Papers. Domestic Series, p. 12, 80. 1683.

католики назначались на все важнейшие посты в государстве. С парламентом король совершенно не считался и правил как самодержавный государь. Наконец, совершенно открыто проводилась политика подчинения английских экономических интересов Франции; Иаков II установил с ней еще более близкие и тесные отношения чем его брат.

Вся эта политика вызвала резкое недовольство дворянства и буржуазии. Когда же под влиянием франкофильской политики Иакова II в английской промышленности и торговле начался застой, усугубивший и без того тяжелые условия общественно-политической жизни Англии, заволновались трудящиеся массы. Волнения грозили превратиться в революцию. Тогда-то в страхе перед повторением событий 40-х годов представители дворянства и буржуазии заключили между собой соглашение, по которому они предложили корону Англии дочери Иакова II Марии и ее мужу штатгальтеру Нидерландов принцу Вильгельму Оранскому. Последний 9 ноября 1688 года высадился в Англии и без особого труда занял Лондон. Низложенный с престола Иаков II бежал во Францию, а парламент провозгласил Вильгельма и Марию королем и королевой.

Однако во избежание реакционных рецидивов королевская власть была ограничена: так называемый «билль о правах» (1689 год) ставил ее под контроль парламента, объявленного теперь высшим авторитетом в стране.

Буржуазные круги английского общества добились того, что хотели, и надолго приобрели крепкий заслон против революции.

Так неудачно закончились попытки Стюартов восстановить абсолютизм в Англии.

Несмотря на все препятствия страна продолжала неуклонно идти вперед по

пути капиталистического прогресса, который и смел реставрацию и наиболее реакционные феодальные группы английского общества. «... Страх созданных реформацией новых крупных землевладельцев перед восстановлением католицизма, при котором они, разумеется, должны были бы вернуть все свои награбленные, принадлежавшие прежде церкви земли... опасения, вызывавшиеся у торговой и промышленной буржуазии католицизмом, который совершенно не годился для их дела... беззаботность, с которой Стюарты продавали, ради своей собственной выгоды и выгоды придворной знати, всю английскую промышленность вместе с торговлей французскому правительству, т. е. правительству единственной страны, которая противопоставляла иногда англичанам опасную и во многих отношениях победоносную конкуренцию и т. д.»¹ — так определяет Маркс ближайшие причины падения Стюартов.

Устранивший Стюартов переворот 1688 года, или, как называет его английская буржуазия, «Славная революция», являясь попыткой предотвратить более серьезные социальные потрясения, имел компромиссный характер сговора между различными группами имущих классов. Многое было еще не закончено в буржуазном оформлении Англии, но была создана прочная основа—конституционная монархия, которая «...поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов»². С установлением этой монархии «...начинается в Англии грандиозное развитие и переворот в буржуазном обществе»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 278.

² К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 580. Партиздат. 1932.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 279.

А. Фохт и Е. Хазанова

КОНТРОЛЬНЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ

(Первое полугодие 1935—1936 гг.)

В свете опубликованных документов по вопросам преподавания гражданской истории, среди которых исключительное значение имеют «Замечания по поводу конспекта учебника по «истории СССР» и «Замечания о конспекте учебника «Новой истории», сделанные товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым, большой интерес представляет изучение полугодичных контрольных работ по истории, организованных Наркомпросом в средней школе в конце второй четверти 1935—1936 учебного года. Итоги этих работ чрезвычайно характерны для состояния школьного преподавания гражданской истории. Они вскрывают конкретные недостатки постановки этого преподавания, в частности влияние на него ошибок Покровского и его школы.

К сожалению, в самой организации этих контрольных работ был ряд серьезных недочетов. Вопросы ставились таким образом, что, в лучшем случае, давали возможность проверить только знание учеником какого-либо исторического события, не выявляя степени понимания его. Еще меньше давали они возможности судить об умении учеников производить разбор исторических событий, обобщать отдельные явления, т. е. выявлять, насколько данный ученик освоил марксистское понимание истории.

Для суждения о правильности ответов Наркомпрос выпустил «Ключ к контрольным работам», самая же оценка проводилась по четырехбалльной системе, совершенно отличной от

принятой в школе — пятибалльной. Это обстоятельство лишало возможности правильно сравнить оценку контрольной работы и четвертную отметку.

В ряде случаев неправильные ответы учеников выявили не столько их неуспеваемость, сколько неправильное понимание соответствующих вопросов самим «Бюро изучения успеваемости», которое являлось организатором этих контрольных работ. В формулировках самых вопросов и в ответах «Ключа», как мы это увидим ниже, также получили свое отражение ошибочные концепции Покровского. Далее, были и просто неясно сформулированные вопросы, на которые ученики по этой причине затруднялись дать ответ или давали такие ответы, которые, будучи по существу правильными, признавались «Ключом» неправильными, поскольку «Бюро изучения успеваемости» стремилось получить другой ответ.

Настоящая работа основана на предварительном выборочном изучении контрольных работ ряда школ Московской области и представляет поэтому предварительные итоги. По VIII классу обработано 224 работы, содержащие 3833 ответа; по IX классу (по 5 школам) было обработано 113 работ с 1696 ответами; по X классу (по 6 школам)—172 работы с 2816 ответами. Всего было обработано и изучено 509 работ, охватывающих 8345 ответов.

1

Сделанная на основе «Инструкции» и «Ключа» оценка контрольных работ дала такие результаты (см. таблицу).

Прежде всего обращает внимание отсутствие ответов на целый ряд вопросов, что в сумме дает 1415, или 18%.

Материалы VIII класса нами выделены особо, так как на них наиболее ярко вскрывается непосредственное влияние учебника Покровского и его схемы. С этих материалов мы и начинаем свой анализ.

Класс	Правильно	Неполно или сомнительно	Неверно	Отсутствие ответа
VIII	1 063 28%	988/26%	1 058 27%	724/19%
IX	638 40%	89/5%	589/33%	380/22%
X	1 483,50%	390 13%	613/23%	311/14%
Итого . . .	3 185,39%	1 467,15%	2 280 28%	1415/18%

Наиболее доступными пониманию учащихся вопросами, по которым значительное количество учащихся дало более или менее правильные ответы, оказались вопросы, относящиеся к периоду татарского владычества. Большинство учеников знало годы завоевания татарами Восточной Европы (1237—1240), название вновь образованного государства (Золотая Орда) и то, что оно составляло часть Монгольского государства. Указывали они и на то, что московские князья в своей междоусобной борьбе с другими феодальными князьями опирались на татар. Правда, некоторые ученики утверждали, что Золотая Орда входила в состав Персии, Турции, Китая, но таких было немного.

Более или менее правильны были и ответы, характеризующие опричнину, а именно, что она возникла при Иване Грозном, защищала интересы дворян, вела борьбу против бояр из-за земли и власти и что в этой борьбе победа оказалась на стороне дворянства. Однако из ответов в то же время явствовало, что ученики не понимали того, что и бояре и дворяне — лишь различные, враждующие между собой группы одного и того же класса.

Кстати сказать, и в ответах «Ключа» нет указания на классовую однородность дворян и бояр. Здесь сказались влияние схемы Покровского с ее противопоставлением феодализма крепостничеству.

Некоторые ученики все же основательно путались в вопросе об опричнине, отвечая, что опричнина защищала интересы служилых людей, интересы купцов, что борьба шла за усиление могущества торговых людей.

Менее четкие ответы давались по вопросу о Лжедмитрии. Дата его царствования указывалась обычно только одна — 1605 год, вторую дату — 1606

год — пропускали. Только незначительная часть учащихся отвечала, что Лжедмитрий был свергнут боярами во главе с Василием Шуйским, большинство же указывало только на Василия Шуйского. Лжедмитрий выставлялся как представитель интересов крестьянства и казачества. Лишь немногие учащиеся ответили, что Лжедмитрий представлял интересы помещиков и польских панов.

Неправильная оценка Лжедмитрия содержится и в самом «Ключе». Здесь ни слова не сказано о том, что он был агентом польской интервенции. Это в полном соответствии с Покровским, который в своем «Сжатом очерке», как известно, ставит под сомнение наличие польской интервенции во времена Лжедмитрия.

Нечеткость и неправильность характерна и для ответов на вопросы, касающиеся крестьянского движения, возглавлявшегося Разиным. Наряду с правильными ответами о том, что Разин был разбит у Симбирска, что главной целью этого крестьянского движения было уничтожить феодалов, помещиков, захватить землю, освободить крестьян от оброка, были и такие ответы: Разин был разбит у Царицына, у Астрахани, у Чернигова. Цель восстания Разина — свержение московского самодержавия, освобождение от царской зависимости. Некоторые считали Разина «выдвиженцем от казаков», употребляя несоответствующий эпохе термин.

Почти никто из учащихся не сумел полностью назвать «великий водный путь из Варяг в Греки». Большинство дает путанные, неверные ответы, примерно: Дон, Волга, Днепр, по Днепру и его притокам, из Каспийского моря по Волге с ее притоками. Есть даже такой ответ: «Этот путь шел через Средиземное море, Альпы и Рейн».

Плохо справляются учащиеся с от-

ветами на вопросы: «Кого называли в Московском государстве «служилыми людьми», кого называли «тягловыми людьми»? Правильных объяснений очень мало; преобладают такие ответы: «Служилыми людьми назывались люди, состоявшие на службе у царя, например солдаты, служилыми людьми называли тех, кто служил при военных наступлениях». «Тягловые люди», по мнению учащихся,—это холопы, или люди, которые исполняли все тяжелую грязную работу.

Мало правильных ответов дают учащиеся и на вопрос о разнице между «вотчиной» и «поместьем». Обычно отвечают: «Вотчина — крупное хозяйство с большой челядью, а поместье — мелкое хозяйство с небольшой челядью».

В работах учащихся выявилась также слабость знаний по вопросам, связанным с эпохой Петра. В ответах да и в постановке Наркомпросом самых вопросов особенно отчетливо выступает непонимание прогрессивной роли Петра I как сильной исторической личности, проявившей много инициативы в деле создания и укрепления национального государства.

Опять-таки надо подчеркнуть, что и ответ «Ключа» по вопросу о роли Петра также целиком написан по Покровскому. Ни слова о прогрессивной роли Петра для своего времени, а лишь подчеркивание того, что его реформы ухудшили положение трудящихся масс.

На вопрос о том, какие земли были захвачены Российской империей в XVIII веке, при Петре I, отвечали: берега Балтийского моря, Ревель, Рига, Карелия, Баку, Дербент, побережье Каспийского моря; Эстляндию, Лифляндию, Курляндию никто не назвал.

Ответы учащихся также показывают, что хронологические даты заучиваются ими механически, без соединения дат с определенными историческими явлениями и событиями, именами выдающихся исторических деятелей и территориальными образами.

Такое механическое заучивание не способствует прочному усвоению дат, поэтому учащиеся часто путают их.

Так, на вопрос: «Укажите годы завоевания татарами Восточной Евро-

пы», среди неправильных ответов упоминается и 862 год и XVI и XVII века!

Все приведенные нами данные говорят о том, что преподавание истории в VIII классе велось в первом полугодии бессистемно и нечетко. В погоне за фактами преподаватель истории часто преподносил учащимся слишком большой материал, не сосредоточивая их внимания на главных событиях и явлениях. Такое преподавание, сводившееся к изложению фактов, без их анализа и соответствующих выводов и обобщений, не способствует коммунистическому воспитанию молодежи.

Неправильно трактовались исторические деятели. Обычно встречались следующие неверные установки: либо чрезмерная роль отводилась личным качествам царей и императоров, оторванно от класса и классовой борьбы, либо же личность оставалась совершенно в стороне, как это имело место по отношению к Петру I.

На приведенных ответах учеников видно влияние «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского—этого основного учебного пособия по истории. В корне неправильна оценка Лжедмитрия I как защитника интересов крестьянства и казачества (Лжедмитрий на деле был ставленником интервентов—польских панов—и защищал интересы крепостников, используя восставшую массу в своих корыстных целях). Непонимание учениками прогрессивной роли преобразований Петра I, много сделавшего для создания и укрепления Российской империи—государства помещиков и купцов, идет также от Покровского. Известно, что учебник Покровского основание Российской империи совершенно не связывает с деятельностью Петра I, а его личность рисует только как одного из типичных представителей развратной романовской династии. Неправильная схема Покровского о возникновении крепостного права только на базе торгового капитализма, без феодализма, приводит к непониманию учениками терминов «служилые» и «тягловые люди», к непониманию различия между «вотчиной» и «поместьем» и т. д. Главная же беда для учеников, пользующихся учебником Покровского, за-

ключается в том, что этот учебник закрепляет в них неисторический подход к событиям прошлого, приучает их ко всем событиям прошлого, даже имевшим для своего времени прогрессивное значение, подходить с меркой сегодняшнего дня.

2

В ответах учеников IX класса по Новой истории и X класса по истории Великой пролетарской революции влияние схемы Покровского сказывается прежде всего в отсутствии исторического подхода к событиям. Наряду с этим имеется и ряд других недочетов.

Чрезвычайно важный вопрос о том, что предприняла Парижская коммуна 1871 года в отношении старого государственного аппарата, не получил четкого ответа со стороны учеников IX класса. Об армии и о полиции небольшая часть ответила правильно: «Парижская коммуна уничтожила старую армию и заменила ее новой, из народа» или «Старая полиция была уничтожена и заменена представителями рабочих». Большинство же отвечало: «Коммуной создана была новая армия», «Изменена полиция». Что касается вопроса о чиновничестве, то большинство ответило примерно так: «Старые чиновники были оставлены на местах, и над ними был установлен контроль». Только очень немногие указали на уничтожение государственного аппарата, на замену чиновников выборными должностными лицами. Неправильных ответов было дано 34 и 56, т. е. 60%. Эти цифры говорят о том, что для большинства учеников осталось невыясненным, что с Парижской коммуны начинается особый период Новой истории, «...период начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества»¹. Что Парижская коммуна сломала старую, буржуазную государ-

ственную машину и начала создавать новую, машину диктатуры пролетариата, качественно отличную от старой, судя по этим ответам, осталось для учеников неизвестным.

Ученикам неясны также сущность буржуазной демократии и парламентаризма и причины их упадка перед войной. Это особенно сказалось в ответах учащихся о «казусе» Мильерана. Вот наиболее характерные из них: «казус» Мильерана состоит в том, что «Мильеран вступил в парламент», или «Мильеран предал рабочих, войдя в парламент, где сел рядом с Галлифе. Галлифе же расстреливал парижских рабочих». Для большинства учеников неясна разница между участием социалистов в парламенте и вхождением социалистов в состав буржуазного правительства. Это подтверждается и ответом на второй вопрос данной темы: «Почему социалисты должны были отнестись отрицательно к «казусу» Мильерана?» Ученики отвечают: «Потому, что социалисты отрицают парламентскую борьбу». В ряде работ Мильеран спутан с Бернштейном.

Непонимание учащимися сущности буржуазной демократии и парламентаризма привело также к тому, что для них осталось неясным и значение Панамы и дела Дрейфуса как событий, вскрывших продажность министров и господство военщины во французской республике.

Эта тема оказалась трудной для учеников. Из 53 ответов 33 — неправильные, т. е. 62% (30 учеников не дали никакого ответа). На вопрос о том, какие стороны третьей республики характеризуют эти два дела, были такие ответы: «Панама и дело Дрейфуса говорят о жульничестве и грабеже буржуазии». Самое дело Дрейфуса состоит в том, что «его обвинили в краже денег и документов». Лишь немногие указывают на преследование национальных меньшинств во Франции, так как Дрейфус был евреем. Не представляют ученики и времени этих двух дел (о Панаме — 30 неверных ответов, о деле Дрейфуса — 41): в ответах указывается и конец XVIII столетия, годы 1810, 1826, 1832, 1874, 1880 и т. д. Некоторые ученики вместо требуемой точной да-

¹ И. Сталин, С. Киров, А. Жданов «Замечания о конспекте учебника «Новой истории». «Правда» от 27 января 1936 года.

ты указывают: «После Парижской коммуны».

Отсюда вывод: необходимо в курсе истории дать учащимся правильное представление о буржуазной демократии и парламентаризме и об их упадке, надо дать им четкое представление о различном отношении к буржуазному государству и к его использованию коммунистами, с одной стороны, и оппортунистами и анархистами — с другой.

Большинство учеников совершенно не поняло вопроса о «двойственной политике Гладстона в Ирландии». Из 33 полученных ответов только 3 могут быть признаны правильными. Большинство ответило примерно так: «Гладсон (так и написано. — Авт.) сначала хотел дать крестьянам землю, но впоследствии отказался, и земля перешла в руки помещиков». Ответы на эту группу вопросов показывают, что о героической борьбе ирландских крестьян за землю и волю ученики ничего не знают. Сами учителя указывали на трудность этого вопроса и на неудачную его формулировку.

Вследствие самого характера вопросов ученики в ответах в большинстве случаев ограничиваются только указанием имени того или другого деятеля. Но когда они пытаются охарактеризовать его, то получается полный провал. Имена еще помнят, но что собой представлял носитель данного имени, ученики совершенно не знают. Характеристика Гладстона дана в 6 работах, и во всех 6 она извращена: «Гладстон был вождь рабочего класса — либерал», — значит в 3 работах; «Гладстон, с одной стороны, — либерал, а с другой — вождь рабочих» (2 работы); «Гладстон — вождь народа» (1 работа). Неправильно освещена и личность Мильтера в 2 работах: «Мильтеран — англичанин, основатель «независимой рабочей партии», с которой боролся II интернационал», или «Радикал Мильтеран перешел к республиканцам. Гед остался пассивным, в стороне». Вот и все материалы, характеризующие личность исторических деятелей.

Много ошибок допущено при определении состава и задач Тройственного союза и Антанты. В Тройственный союз некоторые ученики включа-

ют Англию, а в Антанту — Германию. По вопросу о целях этих объединений империалистических государств накануне войны 1914—1918 годов большинство учеников дает глубоко ошибочный ответ, говорящий о полном непонимании империализма: «Для большей безопасности» или «Для охраны границ». Некоторые, правда, указывали, что Антанта была направлена против Германии. Но есть и такой ответ: «Антанта была организована для того, чтобы ослабить Россию». Большинство учеников не знает, что царская Россия входила в состав Антанты и что внешняя политика царизма диктовалась Англией и Францией вследствие полукOLONиального положения царской России. «Ключ» неправильно требует указать две даты для основания Тройственного союза и три даты для основания Антанты, т. е. пять дат вместо двух: 1882 и 1907 годов. Ученики в большинстве указали для Тройственного союза 1882 год и для Антанты — 1900 год. Такой ответ должен быть признан правильным, хотя он и расходится с требованиями «Ключа».

Надо отметить, что в вопросах для IX класса уделено недостаточно внимания хронологии. Вопросы о «казусе» Мильтера, о бернштейниаде, об империализме, об Ирландии даны без требования указать даты этих исторических событий.

Как же понимаются учениками указанные выше события, как они освещаются?

Для IX класса был поставлен вопрос: «Укажите основные черты ревизионистского учения Э. Бернштейна: а) по вопросу о росте классовых противоречий, б) по вопросу о революции, в) по вопросу о диктатуре пролетариата». В самой формулировке вопроса два недостатка: во-первых, он требует только изложения, а не разбора и критики бернштейнианства, что в корне неправильно, и, во-вторых, совершенно не затрагивает ни времени, ни классовых корней этого извращения учения Маркса. При такой формулировке вопроса не удивительно, что большинство ответов гласило примерно так: «Он говорил, что никакого роста классовых противоречий нет, а есть гармония, т. е. соче-

тание их, он говорил, что к социализму нужно идти мирным путем, он отрицал диктатуру пролетариата». Эти ответы показывают, что у учеников нет никакого представления о бернштейнианстве как о злейшем враге рабочего класса. Между тем согласно требованиям «Ключа» эти ответы должны быть признаны правильными.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что ученики не понимают многих из тех событий, о которых говорят, не имеют четкого, ясного представления об их классовой сущности и историческом значении.

Это неумение дать критический разбор учения Бернштейна или критический разбор «казуса» Мильерана очень характерно. Та же беспомощность в обобщении выявилась и в ответах на вопрос: «Укажите сущность империализма, 5 признаков империализма по Ленину». Нет нужды приводить собственные измышления учеников, которые показывают полное непонимание сущности империализма и незнание тех конкретных фактов, в которых проявляются установленные Лениным признаки империализма и которые им приведены в его работе «Империализм». И если в одной школе подавляющее большинство учеников правильно перечислило 5 признаков империализма по Ленину, то это скорее всего можно отнести за счет зубрежки, а не за счет сознательного понимания вопроса.

3

Не лучше обстоит дело и в X классе.

На вопрос о декретах Октября ни один ученик не указал декрета об образовании советского правительства — Совета народных комиссаров во главе с В. И. Лениным. На вопрос: «Укажите главные пункты декрета о земле» — большинство указывает только на самый факт передачи земли крестьянам: «Правительство передало всю землю крестьянам в пользование», «Земля была отдана крестьянам». Только единичные ответы указывают конфискацию помещичьей земли и отмену частной собственности на землю.

Надо признать совершенно неприемлемыми такие ответы на вопрос о дате победы Великой пролетарской рево-

люции, как «1917 год» — без точного указания месяца и числа или «25 ноября» — без указания даже года. Не знать точно дату 7 ноября (25 октября) 1917 года для учеников X класса совершенно недопустимо.

На вопрос о 2-м походе Антанты большинство указало только поход Деникина. Выпала героическая защита рабочими Петрограда в 1919 году от Юденича, имеются только единичные упоминания имени Юденича. Некоторые ответы указывают на Колчака, что свидетельствует о смешении ими 1-го похода Антанты со 2-м. В очень многих работах (28 из 79) нет указания на то, что Деникин угрожал Туле. Даже в ответах учеников школы такого города, как Калуга, только 8 работ из 17 (т. е. меньше половины) упоминают об этом. Калуга осенью 1919 года была также под угрозой со стороны Деникина и калужский пролетариат принимал непосредственное участие в отражении Деникина, — очевидно, эти факты остались неизвестны ученикам.

Это указывает на то, что при изучении истории гражданской войны в СССР не затрагивается история гражданской войны в данной местности, не отмечается участие местного пролетариата и крестьянства в героической защите своей социалистической родины против интервенции мирового империализма.

Точно так же на вопрос о причинах неудачи германской интервенции ни один из 93 отвечавших учеников не указал на героическую защиту своего социалистического отечества рабочими и крестьянами Украины, Белоруссии и бывшей Псковской губернии РСФСР. Ответы ограничились указанием: «В Германии началась революция. Развитие революционного движения вынудило правительство вернуть войска в Германию».

На этот недочет надо сейчас же обратить серьезнейшее внимание. Изучение героической защиты рабочими и крестьянами СССР своей социалистической родины, образы вождей революции — организаторов победы — товарищей Ленина и Сталина, образы героев гражданской войны: тт. Ворошилова, Фрунзе, Буденного, Чапаева, Щорса, французенки Жанны Лябурб

и многих других — воспитывают в подрастающем поколении любовь к своему социалистическому отечеству и стремление всеми силами защищать его. Надо помнить, что сказал тов. Стецкий на траурном собрании памяти В. И. Ленина 21 января 1936 года: «Мы говорим теперь с полным правом — наш народ, правительство народов СССР, мы Красную армию называем армией наших народов, мы слышим обращение к товарищу Сталину как к вождю народа. Да, впервые в истории такие слова, как народ, родина, народное правительство, стали реальностью, облеклись в плоть, стали полноправными»¹.

Даты гражданской войны указаны в подавляющем большинстве случаев правильно. Дата основания СССР указана также правильно (за исключением одной школы, где указан 1923 год). Это несомненно говорит об улучшении знания учениками хронологии.

Отвечая на вопрос о штрейкбрехерстве Зиновьева и Каменева перед Октябрем, большинство учеников правильно указало на факт оглашения Зиновьевым и Каменевым в меньшевистской газете решения ЦК о вооруженном восстании; многие запомнили даже название газеты — «Новая жизнь». Но некоторые работы ограничились указанием на неверие Зиновьева и Каменева в возможность пролетарской революции в России (9 работ из 17 в одной школе) и не дали конкретного изложения сути их штрейкбрехерского преступления накануне Великой пролетарской революции.

Из проверенных учащихся большинство (57 из 79) правильно разбирается в классовой природе двоевластия: «Одновременно было Временное правительство и Советы», «Двоевластие было вследствие несознательности рабочих». Однако ни один ответ не указал на борьбу этих двух властей между собою за установление единовластия. Из ошибочных ответов для примера можно привести такой: «С одной стороны, власть буржуазии, а с другой — советская власть. Во главе буржуазного правительства стали меньшевики, которые защищали инте-

ресы буржуазии, во главе рабочего правительства стали большевики, которые защищали интересы рабочих и крестьян».

Большинство учеников не знает, в чем состоит сущность событий двенадцатого года советской власти (ноябрь 1928—1929 года), того года, который товарищ Сталин назвал «Годом Великого перелома». Большинство ответов ограничивается общим указанием на рост промышленности и коллективизации. Некоторые относят победы «Года Великого перелома» за счет того, что «большую роль в этих победах играли МТС и политотделы». Есть и совершенно неграмотные, недопустимые для X класса ответы: «В это время со всех сторон наступали белогвардейские банды и победоносная Красная гвардия разгромила их на всех фронтах». При этом надо особо отметить, что в этой работе «Год Великого перелома» указан правильно — 1929 год. По инструкции Наркомпроса, указание в работе на 1929 год зачитывается как правильный ответ на один из двух вопросов о «Годе Великого перелома», хотя вышеприведенный ответ ясно показывает на полное незнание учеником этого исторического события. Поэтому указание им 1929 года не может быть засчитано как правильный ответ.

В начале статьи было уже указано, что самая методика контрольных работ, данных Наркомпросом, лишает возможности выяснить освоение учениками разбора и обобщения исторических событий и выяснить, насколько ученики подготовлены к марксистскому пониманию истории. В ответе на вопрос о международном значении Великой пролетарской революции большинство ограничилось указанием, что Октябрьская революция вызвала революцию в других странах, не разъясняя, какие это были революции, только немногие ученики указали, что Великая пролетарская революция в СССР является началом мировой пролетарской революции: «Октябрьская революция положила начало эпохе пролетарских революций и сделала начало мировой пролетарской революции. Она расколола весь мир на два лагеря: лагерь гибнущего капитализма и лагерь строящегося социализма. Наступила

¹ «Правда» от 24 января 1936 года.

эпоха господства ленинизма и III интернационала».

Ответы на вопрос о причинах снятия лозунга «Вся власть советам» от июля до сентября 1917 года показали, что причины смены лозунгов для подавляющего большинства учащихся остались непонятными. Вот типичные ответы: «Потому, что массы были разоблачены большевиками в их отношении к советам, являвшимся тогда меньшевистскими» или «Потому, что лозунг не подходил». Это непонимание сказывается и в единичных указаниях, что новым лозунгом было «Вся власть Учредительному собранию» или «Поддержка Временного правительства».

Учащиеся не умеют еще разбираться в изменениях политической ситуации, а потому не понимают и изменения тактики.

* * *

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Ответы учеников VIII, IX и X классов, данные ими на контрольные вопросы «Бюро изучения успеваемости» Наркомпроса, ярко подтверждают на конкретных примерах те основные недостатки учебников по истории, которые указаны в документах, опубликованных 27 января 1936 года.

2. Надо констатировать, по сравнению с прошлым годом, некоторое повышение знания конкретных исторических событий и хронологических дат.

3. Личности исторических деятелей попрежнему остаются в представлениях учащихся либо только одним именем либо совершенно извращены.

4. У учеников даже X класса наблюдается неумение делать правильный разбор и правильное обобщение исторических событий.

5. Почти совершенно отсутствует увязка изучения истории гражданской войны с местными событиями. Местный материал героической защиты рабочими и крестьянами своей социалистической родины совершенно не использован, и ученики не знают его.

Таким образом, основными задачами, стоящими перед преподаванием истории, являются в настоящее время, во-первых, критическое преодоление указанных партией и правительством ошибок Покровского и его школы и, во-вторых, привитие учащимся правильного исторического подхода к событиям прошлого. Для достижения этого надо обратить самое большое внимание на надлежащую постановку в школьном преподавании истории разбора исторических событий и на их обобщение.

В этом деле преподаватели истории нуждаются в систематическом руководстве и помощи; отсюда вытекает задача научно-исследовательских исторических институтов и научно-методических институтов: всемерно помочь преподавателям указаниями и материалами, как того требуют ЦК ВКП(б) и СНК СССР, преодолеть ошибку школы Покровского и организовать преподавание гражданской истории.

В. Виргинский

ЖИЛЬБЕР РОММ (ИСТОРИЯ ОДНОГО ЯКОБИНЦА)

1

Сто сорок с лишком лет назад, 17 июня 1795 года, или, как тогда выражались, 29 прериала III года французской республики, закончил свою жизнь и борьбу за якобинскую республику один из последних монтаньяров — Жильбер Ромм.

Он родился в 1750 году в овернском городе Риоме. В то время Риом славился обилием судебных-административных учреждений и религиозных учебных заведений. Особенным влиянием пользовалась в Риоме религиозная конгрегация (общество) ораторианцев, которым принадлежали лучшие школы. Отец Жильбера был судейским чиновником. Он рано умер, оставив свою жену с пятью детьми почти без средств. Дети не смогли бы получить никакого образования, если бы их выдающиеся способности не обратили на себя внимания церковников.

Первым учителем Жильбера был один каноник Сент-Амабльского монастыря. Затем мальчик поступил в лучшую ораторианскую школу. Но он не чувствовал ни малейшего призвания к духовной карьере. Единственным его стремлением было продолжение научных занятий в столице.

Блестяще окончив риомскую школу, он взял несколько рекомендаций от местных научных и литературных деятелей к их парижским знакомым и в конце 1774 года отправился в Париж без всяких средств, но с твердым намерением стать ученым.

В эти годы он был еще далек от мысли о насильственном ниспровержении существующего режима. Вместе

со многими другими просветителями он верил в «Разум» и «Добродетель» с большой буквы, верил в то, что расширение наук способно перестроить мир.

В этой философии было много наивности, нелепой веры в добрую волю «просвещенных монархов», поисков очищенного, разумного божества, совместимого с наукой, и т. д.

«Самообразование — это моя единственная цель, единственная страсть, — писал Ромм в это время. — Все современные открытия имеют право на мой интерес, и я с энтузиазмом занимаюсь ими. Универсальность — это моя слабость».

Материальное положение Ромма было крайне тяжелым: он кое-как перебивался частным репетиторством. Однако вскоре математик Дюпон рекомендовал этого талантливому и широко образованному молодому человеку русскому аристократу, графу Головкину.

Внешность Ромма совсем не соответствовала привычному облику гувернера в аристократическом доме.

Невысокий, неуклюжий, с некрасивым плебейским лицом, близорукими запавшими глазами, с бледножелтым цветом лица, свидетельствующим о многолетнем недоедании и переутомлении, — таков был внешне молодой ученый. К тому же он говорил глухо, некрасноречиво, с провинциальным акцентом. Однако то, что высказывал этот неказистый и застенчивый овернец, свидетельствовало о столь широком образовании, что вскоре воспитатель графа Головкина приобрел известность в аристократических салонах. Научные работы Ромма, за которые он взялся с еще большей энергией, после того как Головкин избавил его от заботы о хлебе, обращали на него внимание видных ученых того времени: Сажа (противника школы Лавуазье), Розье и др.

В доме Головкина Ромм часто встречался с племянником хозяина, графом Строгановым. Предки Строганова были крупнейшими деятелями периода раннего российского первоначального накопления (XV век). Петр I

возвел Строгановых в баронское достоинство; в 1761 году Строганов купил титул графа Римской империи. Потомки купцов-колонизаторов окончательно вошли в ряды международной аристократии.

Граф Строганов пригласил молодого ученого воспитателем к своему 8-летнему сыну Павлу.

В конце 1778 года семейство Строгановых переехало в Петербург.

Ромм, наивный приверженец учения о «просвещенном абсолютизме», дал себя уверить в том, что царствование Екатерины соответствует этому идеалу.

Вращаясь исключительно в кругу правящего класса, точнее, среди самой привилегированной прослойки последнего, он думал, что и народ так же предан «матушке-царице», как высшая аристократия.

В этом еще раз проявился глубочайший идеализм Ромма, не оставлявший и впоследствии будущего мелкобуржуазного революционера.

2

Молодому «просветителю» пришлось столкнуться с самым пренебрежительным отношением со стороны светских бездельников. В одном из писем Ромм с негодованием писал о «бесчестии, которым в этой стране покрыты губернеры», и о «тех лицах, которые испытывают отвращение, дыша одним воздухом с учителем».

Несмотря на это Ромм со всем пылом взялся за воспитание своего ученика. Как приверженец просветительной философии он был уверен, что достаточно убедить воспитанника в превосходстве добра над злом посредством чтения нравоучительных романов о добродетельных героях древности, чтобы он переродился. Интересно, что Ромм пытался Павлу, сыну крупнейшего рабовладельца, находящемуся непрерывно в окружении подобострастной дворни, внушить любовь к свободе... рекомендуя ему отпустить на волю птиц! Нельзя сказать, что систематические и интересные занятия, проводимые Роммом, остались без последствий. Юный Строганов заинтересовался многими просветительскими идеями, так горячо исповедуемыми Роммом, но этот

Жильбер Ромм.

интерес был поверхностным: ему не суждено было выдержать первого же испытания при столкновении с жизнью.

Ромм также не оставил научной работы: он быстро познакомился с видными учеными петербургской Академии наук.

Вместе со своим воспитанником Ромм совершил несколько поездок по России. Первая поездка охватывала Уральскую область и Сибирь, вторая — Северный край и Олонецкую губернию, третья — центральные губернии и Поволжье. Наконец, последнее путешествие было посвящено осмотру «Малороссии», как именовалась тогда Украина, а также недавно присоединенной «Тавриды» (Крыма). Ромм имел возможность изучать быт крепостнической империи уже не из окон петербургского особняка Строгановых, а на месте.

Тяжелое положение народа произвело сильное впечатление на Ромма. «Вокруг Олонца, на пространстве 35—40 верст, мне называли 164 деревни, где крестьяне покупают хлеб для еды», — пишет он в одном письме. Полицейские власти старались «обработать» население к приезду графско-

Угнетение народа привилегированными сословиями. Карикатура 1789 г.

го сына, и путешественников встречали со всяческими почестями. Эта комедия возмущает Ромма, и в письмах к Строганову-отцу он протестует против подобных встреч. Однако все это было лишь первыми робкими высказываниями. В основном Ромм интересовался не народом, а климатом, почвой, промышленностью посещаемых губерний.

Но путешествия Ромма по России не прошли даром для будущего революционера: они сыграли свою роль в формировании его общественных взглядов.

3

В 1786 году Ромм, уже давно просивший у графа разрешения съездить на родину, вместе с Павлом выехал во Францию. Посетив родину Ромма, они выехали в Швейцарию и находились там вплоть до 1789 года. Здесь они посещали лекции крупнейших швейцарских ученых: Лафатера, Пиктэ, Тенгри и др.; осматривали мануфактуры, заводы и т. д.

В начале 1789 года Ромм и его воспитанник отправились через Лион, где они по пути познакомились с шольковой промышленностью, в Париж. В столицу Франции они прибыли накануне открытия Генеральных штатов.

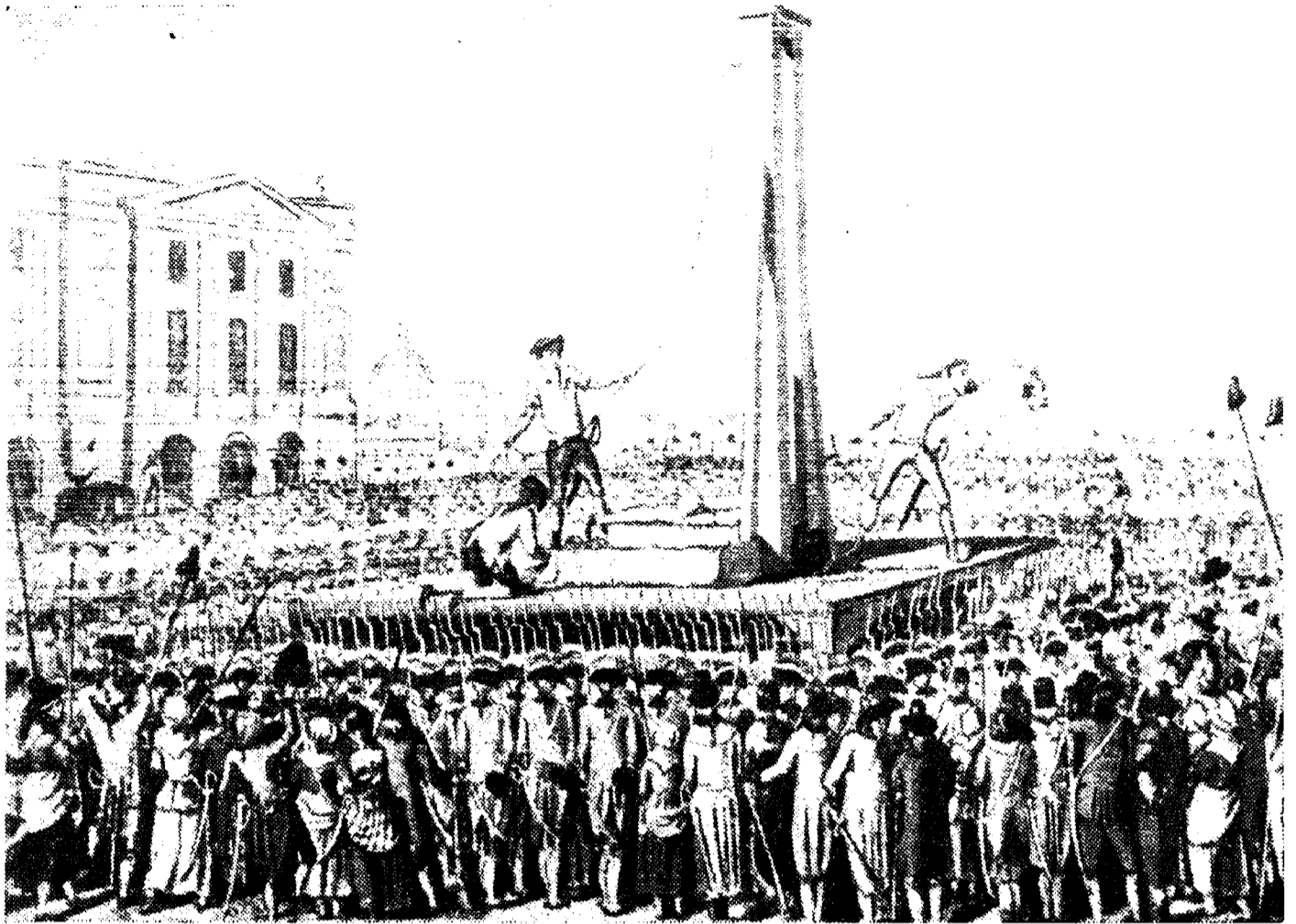
Постепенно прекраснодушный и наивный сторонник просветительной философии, освобождавший птичек и мечтавший об античной добродетели, превращался в революционера, стремящегося к освобождению народов и к насаждению добродетели и разума любыми средствами. Разумеется, этот процесс не был гладким и быстрым. До самой смерти Ромм сохранял много черт идеализма, чрезмерной доверчивости, дохсдившей до соглашательства, и т. д.

Еще в апреле 1789 года Ромм писал матери: «Мы не государственные деятели, и нам нечего делать в национальных собраниях». Через несколько месяцев он был не только постоянным посетителем Национального собрания и Бретонского клуба, но и стремился сделать своего воспитанника столь же горячим сторонником этих организаций. Семнадцатилетний наследник несметного богатства Строгановых, уже зачисленный в адъютанты князя Потемкина, переименовал свою громкую фамилию на имя Очер (по названию уральского Очерского завода Строгановых), а 7 августа 1790 года, вслед за своим воспитателем, получил членский билет (как тогда говорили, диплом) общества Друзей конституции, иначе Якобинского клуба.

Еще до этого Ромм основал свой собственный клуб «Друзей закона» главной задачей которого была борьба за свободу печати.

Доказательством того, что в это время Ромм сохранял еще солидные запасы своего прекраснодушия, является его дружеская откровенность со Строгановым-отцом насчет всех деталей парижского времяпрепровождения. Он посылал Строганову революционную литературу в твердой уверенности, что русский барин разделит его восторг от уничтожения дворянских привилегий во Франции.

Обеспокоенный граф попросил Ромма покинуть Париж. Но Ромм остался. Между тем петербургское правительство посмотрело на дело серьезнее. Нужно заметить, что события французской революции были встречены Екатериной II с бешеной ненавистью. Летом 1790 года Екатерина получила донесение от посла в Париже И. М. Симолина о похождениях

Казнь Людовика XVI. Уполномоченный Конвента показывает народу голову короля.
Парижская национальная б-ка.

графа Павла Александровича Строганова у «жакобенов» (т. е. якобинцев). Резолюция разгневанной царицы так характерна, что мы воспроизводим ее буквально.

«Читая вчерашние реляции (от 16 июля 1790 г. — В. В.) Симолина из Парижа... о российских подданных, за нужное нахожу сказать, чтобы оные непременно читаны были в Совете сего дня и чтобы генералу Брюсу (петербургскому градоначальнику. — В. В.) поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына, Ромм, сего человека молодого, ему порученного, вводит в клуб Жакобенов и Пропаганда учрежденный для взбунтования везде народов противу власти и властей, чтобы он, Строганов, сына своего из таких зловерных рук высвободил, ибо он, Граф Брюс, того Ромма в Петербург не впустит»¹.

Ромм, еще не зная о резолюции царицы, решил добровольно уехать в провинцию, чтобы только не расста-

¹ См. приложение к работе Н. М. Романова «Граф П. А. Строганов». Ч. 1-я, стр. 70—71. СПб. 1903.

ваться с Павлом. Суровый, аскетический человек, не имевший ни семьи, ни друзей, привязался к воспитаннику как к сыну. С тяжелой душевной борьбой он оставил Якобинский клуб, свой клуб «Друзей закона» и переехал в родную Овернь. Сделавшись к этому времени убежденными врагами церковников (хотя еще не атеистами), Ромм и Очер бросают вызов современному обществу, похоронив своего старого друга — слугу Клемана — по гражданскому обряду. Парижские якобинцы заинтересовались гражданскими похоронами, дали о них отчеты в газетах, ставя поведение Ромма и Очера в пример всем, кто еще не освободился от католических суеверий.

Посол Симолин снова донес обо всем в Петербург. Но, прежде чем это донесение пришло в Россию, граф Строганов, получивший жестокий нагоняй от правительства, уже потребовал от Ромма возвращения сына. За Подем Очером был послан племянник Строганова Новосильцев, прибывший во Францию в конце 1790 года.

Ромм сильно горевал. Целая полоса его жизни закончилась. Просвети-

тельные идеи, гласящие, что воспитание способно переродить человека, потерпели окончательный крах. Поль Очер не пожелал отказаться от своего положения в свете ради революционной деятельности.

4

В это время революция переживала тяжелые дни. «Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы... начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно одерживал бы победу над буржуазией...»¹.

Но испуганная разворачивающимся революционным движением буржуазия явно перешла на сторону контрреволюции. Крестьянские и солдатские восстания подавлялись со страшной жестокостью. Роялисты открыто организовывали заговоры. Иностранные дворы готовили интервенцию.

Ответом народа на наступление контрреволюции была организация сети революционных обществ по всей стране.

Ромм вступил в Народное общество города Риома и скоро приобрел глубокое доверие местных «патриотов». Даже злейшие враги отмечали его бескорыстие, неподкупность и глубокую преданность идее. Вместе с тем он не бросал и своих научных занятий. Следует подчеркнуть, что он выступил против аполитичности естественных наук. «Французский естествовед обязан быть патриотом, всякий естествовед должен признавать Декларацию прав человека и гражданина», — писал он. В это время Ромм подружился с убежденным якобинцем Субрани, которого знал еще до отъезда в Россию. В сентябре 1791 года Ромм и Субрани были избраны делегатами от департамента Пюи-де-Дом в Законодательное собрание, которое пришло на смену Учредительному.

В Законодательном собрании Ромм примкнул к левой. С этого времени он связал свою судьбу с якобинцами.

¹ Ф. Энгельс «Письмо к Каутскому от 1889 г.». «Историк-марксист» № 2, стр. 42. 1933.

Однако порой он обнаруживал колебания, которые вытекали из его прежних убеждений. Так например, когда в начале 1792 года в Нуайонском округе, недалеко от Парижа, вспыхнуло голодное восстание против Законодательного собрания, Ромм был послан в числе других депутатов, чтобы уговорить народ не бунтовать. Депутаты не знали, что за ними следуют два батальона пехоты. Ромм произнес с горячностью, заслуживавшей лучшего применения, панегирик частной собственности и заклинал голодные массы во имя добродетели не грабить чужие хлебные запасы. На этот раз речи Ромма были встречены с презрительным безразличием. Депутация вернулась в Париж, а прибывшие в Нуайон войска потопили восстание в крови. Ромм с негодованием упрекал военного министра в жестокости, но, разумеется, это ни к чему не привело.

Больше всего Ромм был занят в Комитете народного образования, где он разрабатывал проекты новой системы образования, поощрял ученых, художников и т. д.

21 сентября 1792 года открылся Национальный Конвент. Ромм и Субрани были единогласно переизбраны в члены Конвента, где они работали в первых рядах монтаньяров.

В ноябре 1792 года монтаньяры поставили вопрос о предании суду бывшего короля Людовика Капета за измену родине. В январе 1793 года он был осужден. Вызванный во время поименного опроса депутатов по вопросу о наказании для предателя своего народа, бывший поклонник «просвещенного абсолютизма», не колеблясь, сказал: «Закон карает всех виновных без исключения, я вижу в Людовике лишь великого преступника. Прошу, чтобы его приговорили к смерти. Единственно лишь это наказание способно искупить его преступление».

Ответы всех депутатов были напечатаны в газетах и приобрели широкую известность. В глазах мировой контрреволюции Жильбер Ромм в числе 387 депутатов, голосовавших за «смерть», стал отныне «цареубийцей», поставленным вне закона. Строганову-отцу пришлось пережить немало неприятных минут. Строганов-сын, иначе говоря «якобинец Очер», по

приказу Екатерины, находился под надзором в подмосковном поместье Братцове.

5

Еще в Законодательном собрании Ромм работал в Комитете по вопросам народного образования. В Конвенте эти вопросы занимали его в первую очередь. Мы знаем, что вопреки клевете реакционных историков Конвент (особенно якобинский Конвент) уделял огромное внимание развитию науки, искусства и техники. Ромм был одним из самых энергичных проводников этой политики. Так например 1 апреля 1793 года по докладу Ромма Конвент организовал опыты с первым оптическим телеграфом Клода Шаппа,¹ передающим известия при помощи световых сигналов.

Особенный интерес представляют работы Ромма в области создания нового революционного календаря. Ромм и его единомышленники негодовали против того, что летоисчисление начинается с какого-то «рождества Христова», что начало года не совпадает ни с каким важным астрономическим явлением, что названия месяцев и дней связаны с языческими богами или древними царями (июль — от Юлия Цезаря, август — от императора Августа, март — от бога Марса и т. д.).

20 сентября комиссия в составе Ромма и видных ученых, перешедших на сторону революции: Лагранжа, Монжа, Лаланда и др. — внесла проект нового календаря. По этому проекту летоисчисление начиналось с провозглашения республики Конвентом, 22 сентября 1792 года. По счастливому совпадению этот день был днем осеннего равноденствия, так что и с астрономической точки зрения начало каждого года 22 сентября себя оправдывало. В месяце было тридцать

¹ Клод Шапп (1763—1805), физик-изобретатель, впервые предложивший систему устройства оптического телеграфа (напоминающую наши семафоры), посредством которого можно было как днем, так и ночью передавать условные сигналы. Каждая приемная станция, наблюдая эти сигналы, передавала их дальше. Оптический телеграф нашел применение во всей Европе и играл огромную роль вплоть до появления электрического телеграфа в XIX веке.

Революционный календарь. Гравюра Бебюкура.

дней, или три декады. 5 и 6 последних дней в году не входили ни в один месяц, считались дополнительными и назывались санкюлотидами. Ромм предложил обозначать дни, декады и месяцы порядковыми номерами. 22 сентября 1793 года обозначалось как «1-й день 1-й декады 1-го месяца 2-го года Республики». Проект комиссии был в основном принят. Однако сложные и невыразительные обозначения месяца были заменены более яркими. Поэт-якобинец Фабр д'Эглантин придумал новые названия для месяцев, указанные в прилагаемой таблице.

Соотношение республиканского календаря с общепринятым (грегорианским).

II год Республики, единой и неделимой.

Вандемьер (месяц сбора винограда) 22 сентября—21 октября 1793 года.

Брюмер (месяц туманов) 22 октября—20 ноября.

Фример (месяц заморозков) 21 ноября — 20 декабря.

Нивоз (месяц снегов) 21 декабря 1793—12 января 1794 года.

Плювиоз (месяц дождей) 20 января — 18 февраля.

Вантоз (месяц ветров) 19 февраля — 20 марта.

Жерминаль (месяц прорастания) 21 марта — 19 апреля.

Флореаль (месяц цветов) 20 апреля — 19 мая.

Прериаль (месяц лугов) 20 мая—18 июня.

Мессидор (месяц жатвы) 19 июня—18 июля.

Термидор (месяц жары) 19 июля—17 августа.

Фрюктидор (месяц плодов) 18 августа — 16 сентября.

Дополнительные дни санкюлотиды

Праздник добродетели — 17 сентября 1794 года.

Праздник гения — 18 сентября.

Праздник труда — 19 сентября.

Праздник убежденности — 20 сентября.

Праздник вознаграждения — 21 сентября.

Каждый месяц содержал 30 дней, обозначавшихся порядковыми номерами от 1 до 30, но кроме того каждому дню соответствовало какое-нибудь сельскохозяйственное или промышленное название вместо прежнего имени святого. Например: 1 нивоза было днем торфа, 2 нивоза — днем каменного угля, 3 — днем нефти, 4 — днем серы, 9 — днем селитры, 23 — днем железа, 29 — днем ртути, 1 флореаля — днем розы, 2 — днем дуба, 15 — днем шелковичного червя и т. д.

Календарь вступил в силу с октября 1793 года (Брюмер 2-го года Республики).

Антицерковная заостренность нового календаря была сразу всем понятна. Аббат Грегуар возмущенно спрашивал Ромма: «Да на что он нужен, этот календарь?», «Чтобы уничтожить воскресенье», — ответил «неблагодарный» воспитанник монахов.

Пока в Конвенте шло обсуждение нового календаря, Ромм разрабатывал обширный план реформы образования. 20 октября 1793 года он выступил с проектом создания сети начальных школ, чисто светских, куда не помели бы сунуться ни ораторианцы, ни иезуиты, комплектуемых на основе всеобщего обязательного образования, безотносительно к имущественному положению детей. «Нужно покончить с самостоятельными школьными организациями, — говорил он, отлично зная, что эти организации всегда попадают в руки церковников, — покончить с частным образованием и правами отцов семейств. Одна лишь республика

будет бесплатно распространять знания».

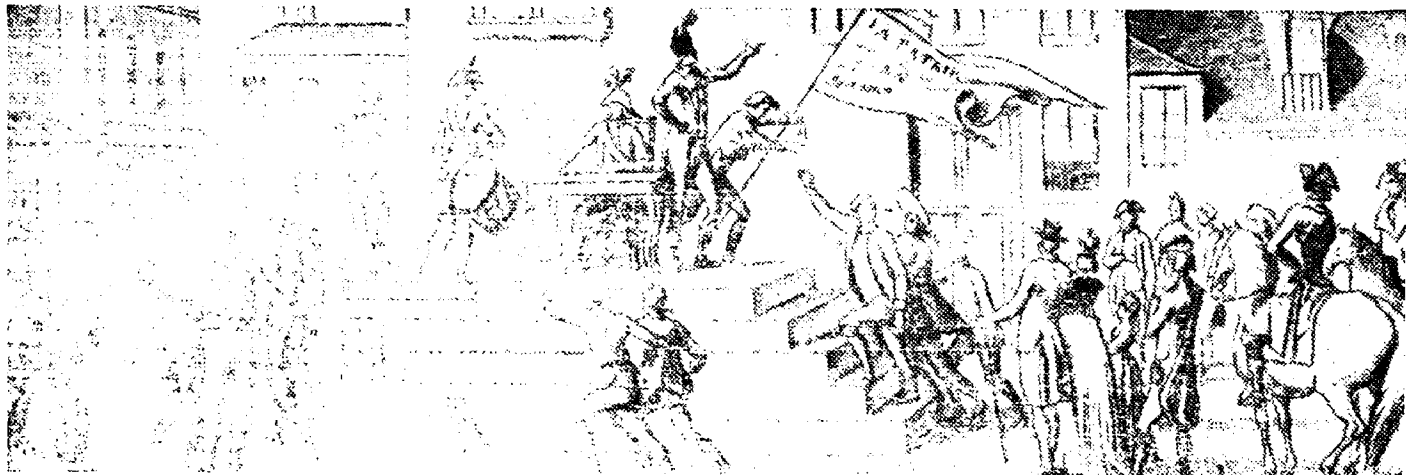
Одновременно Ромм подготовлял к печати «Ежегодник земледельца», новый календарь, где на каждый день, вместо справок о святых и праздниках, сообщались ценные научно-технические сведения о земледелии и подсобных сельских промыслах. В составлении «Ежегодника» принимал участие ряд крупных ученых-естествоиспытателей.

6

После майско-июньских дней 1793 года наступила эпоха якобинской диктатуры. «Материальное, производственное обновление Франции, в конце XVIII века, — писал Ленин, — было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею), с беспощадной войной, объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной и она была на деле таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы»¹.

Жирондисты, частично бежавшие из-под надзора, частично находившиеся в провинции, соединились с роялистами и подняли контрреволюционные восстания. Якобинский Конвент мобилизовал все свои силы и посылал на наиболее опасные участки фронта своих верных сторонников. Ромм был в их числе. Вместе с другими комиссарами он был направлен в шербургскую армию (северное побережье), где в это время образовалось гнездо жирондистов (Петион, Бюзо и др.). Ромм и Приер из Кот-д'Ора были схвачены жирондистами в качестве заложников и посажены в Канскую тюрьму. Письмо генерала Вимпфена, извещавшее Конвент об этом аресте, вызвало в Конвенте бурю негодования. «Неправда! — воскликнул якобинец Камбон на заседании 12 июня 1793 года, —

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 190.

«Отечество в опасности». Заняв добровольцев на борьбу с феодальной реакцией.
Гравюра Дюплесси Берто.

Ромм будет свободен, хотя бы его охраняли все пушки Европы»¹.

И действительно, вскоре армия жирондистов была разбита. Депутаты Конвента вышли из тюрьмы после 50-дневного заключения. Их встречали с военными почестями.

1 фримера (21 ноября) Ромм был избран в порядке очереди председателем Конвента.

Между тем положение на фронте продолжало быть угрожающим. Революционные армии не хватало оружия и прежде всего пушек. В плювиозе 2-го года Республики (начало 1793 года) Комитет общественного спасения, уверенный в широчайшей поддержке революционной демократии, выдвинул грандиозный проект планового производства артиллерийских орудий для отражения нападений внешнего врага.

Французская территория была разделена на 4 области. Каждая подчинялась специальному депутату Конвента, снабженному диктаторскими полномочиями.

Одним из четырех комиссаров был Жильбер Ромм. 5 вантоза (24 февраля 1794 года) он прибыл на место назначения вместе со своими помощниками: инженерами Жилле-Ломоном и Ламаттом. В сферу их деятельности входила югозападная часть Франции: департаменты Дордони, Шаранты и т. д. Крупнейшим предприятием района были чугунолитейные заводы в Рюэли, до революции принадлежавшие влиятельной компании Крезю, 4 прериаля (23 мая) Ромм издал общий де-

крет, формулирующий сущность его политики.

«Вся Франция представляет из себя единую обширную мастерскую, где каждый работает для республики, — писал он. — Ваш боевой пост, свободные граждане Дордони и соседних департаментов, расположен на пашнях, на заводах, в лесах, возле горнов, вы составляете внутреннюю армию, которая должна кормить, одевать, вооружать наши легионы на границах». При осуществлении этого декрета Ромму пришлось столкнуться с сильнейшим сопротивлением, особенно со стороны местной буржуазии.

Для мобилизованных на работу литейщиков, угольщиков и т. д. был установлен более высокий паек чем в других районах. У населения реквизировали свиней и распределяли мясо среди рабочих. Для снабжения рабочих хлебом и овощами использовались прежде всего запасы, реквизированные у эмигрантов и других врагов революции, а затем устраивались сборы пожертвований и среди остальных граждан. Ромм предписал местным властям принять на себя заботу о снабжении семей мобилизованных рабочих, об образовании их детей, о возделке их полей и огородов общинными средствами и т. д. Наконец, он устраивал еженедельные собрания рабочих с культурно-образовательными целями.

К мессидору-термидору 2-го года (июль 1794 года) Ромм построил и пустил в дело новый завод артиллерийских орудий с 16 отражательными печами и возобновил и усилил производство на чугунолитейных заводах, находившихся до этого в упадке. Об-

¹ M. de Vissac «Romme le Montagnard», pp. 178—179. Paris. 1883.

9 термидора (27 июля 1794 г.). Жандарм Меда стреляет в Робеспьера.

щее производство чугуна в районе достигло около 8 тысяч тонн. Это количество не только удовлетворило запросы местных оружейных заводов, но шло также на заводы и в другие районы.

7

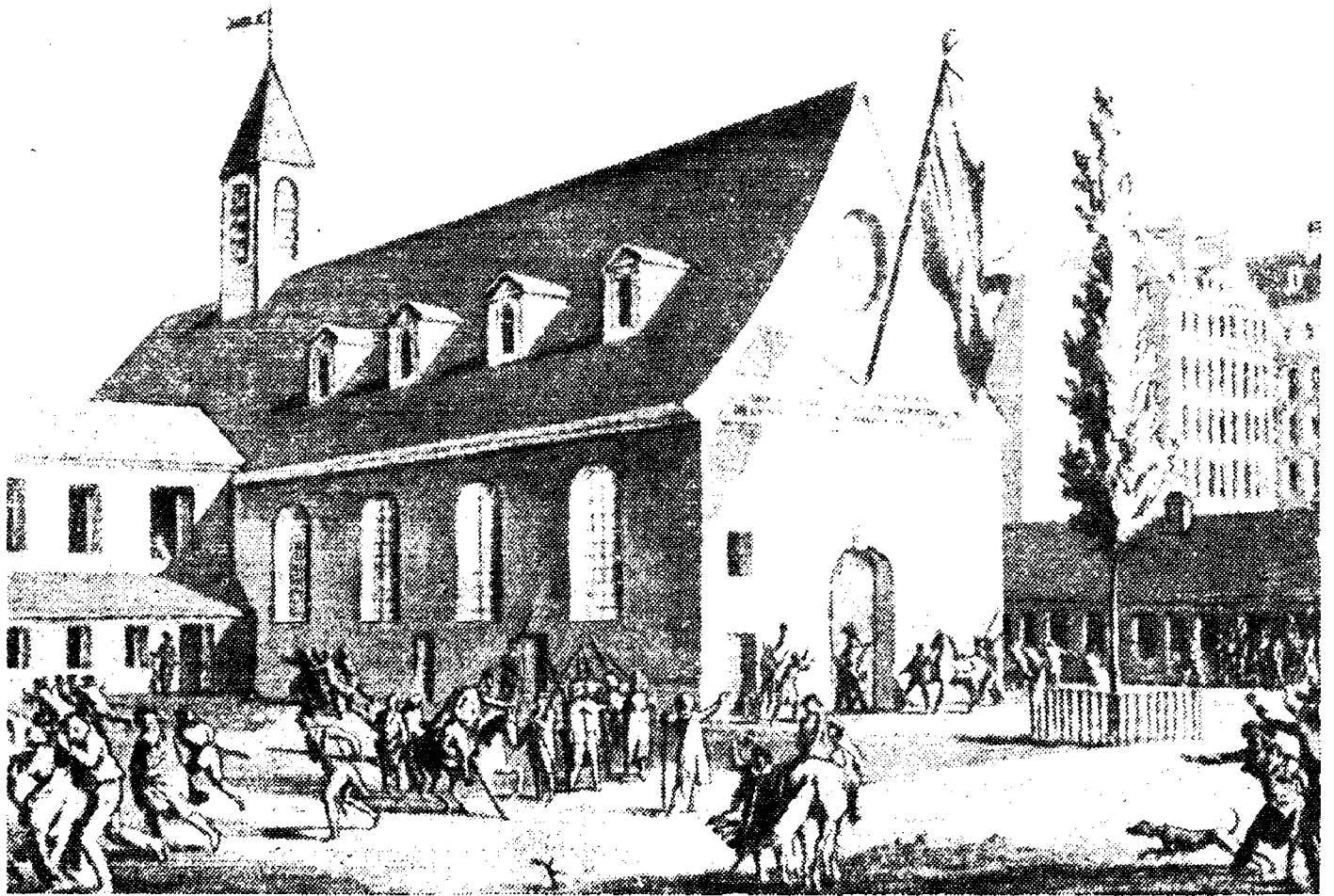
В августе 1794 года до Рюэли дошли вести о падении и казни Робеспьера и его товарищей и о начале термидорианской реакции. Ромм не был безоговорочным сторонником Робеспьера. Он не мог простить казни самых левых, атеистически настроенных революционеров: Эбера, Леклерка, Шометта и других, со многими из которых он был связан дружбой и общностью убеждений, но, услышав о разворачивающейся реакции, Ромм, опасавшийся за судьбу революции, немедленно вернулся в Париж. Действительность превзошла его мрачные ожидания.

Революционный Париж превратился в Париж новых богачей. В золоченых экипажах по улицам раз'езжали откормленные спекулянты и поставщики, нажившиеся на голоде и на крови защитников республики. Толпами рас-

хаживали буржуазные сынки, «мюскадены», в пышных и пестрых костюмах, с тяжелыми дубинками в руках. Идейным главой этих франтов-громил был перебежчик от левых якобинцев журналист Фрерон.

После нескольких уступок якобинскому меньшинству реакционное большинство Конвента, к тому же усиленное вернувшимися жирондистами, вступило с ним в борьбу. Обезглавленный остаток Горы, так называемая «Вершина», после закрытия клубов и революционных комитетов плелся в хвосте за событиями, довольствуясь словесной борьбой с реакционным термидорианским большинством. Ромм, выбранный докладчиком по делу якобинца-террориста Каррье, сперва пытался было его защищать, но под давлением большинства в конце концов признал его подлежащим суду.

Между тем по всей стране господствовал белый террор. Парижские рабочие и ремесленники, травимые «мюскаденами» и полицией, загнанные в подполье, массами увольняемые из государственных предприятий, терпели жестокую нужду. «Вершина» была неспособна ни организовать выступления

Закрытие якобинского клуба торжествующей реакцией.

Гравюра Дюпlessи-Берто.

народных масс, ни руководить ими. Демонстрация 12 жерминаля была сорвана самими монтаньярами. Крупнейшие из них после этого были сосланы (Бильо-Варенн, Колло д'Эрбуа) или заключены в тюрьму. 26 флореаля (16 мая 1798 года) хлебный паек был снижен до $\frac{1}{8}$ фунта на человека.

Но предместья готовились уже к самостоятельному выступлению.

1 прериаля (20 мая) голодающие массы сделали отчаянную попытку добиться хлеба и политических прав: огромная демонстрация подошла к Конвенту, высадила двери и ворвалась в зал с криками: «Хлеба и конституцию 93 года!» Власть термидорианцев была под угрозой. Между тем монтаньяры настолько оторвались от политической жизни предместий, что для них восстание явилось неожиданностью. Ромм и Субрани были у себя дома, когда звуки набата и шум толпы заставили их броситься к Конвенту и пробраться на свои места. Последние монтаньяры буквально потерялись перед лицом восставших масс. Они колебались между стремлением использовать захват Конвента демонстрантами

для восстановления политики прежнего, якобинского Конвента и попытками успокоить, уговорить массы.

Здесь вновь и вновь — на этот раз с трагическими для них результатами — сказалась их натура мелкобуржуазных революционеров, не умевших перешагнуть через фетиш неприкосновенности Конвента несмотря на то, что Конвент стал гнездом реакции. А драгоценное время уходило в бездействии. В течение шести часов народ бушевал в стенах Конвента, требуя хлеба и восстановления своих прав. В течение шести часов термидорианцы — представители новой, коварной и ловкой буржуазии, прошедшей через революционные испытания и научившейся великолепно изворачиваться, — сидели на своих местах, не прерывая заседания, так как понимали, что перед лицом народной ярости всякое движение и выступление заставило бы их разделить судьбу депутата Феро, убитого толпой, которую он пытался задержать. Сменявшие друг друга на председательском кресле Верньо, Андре Дюмон и Буанси д'Англа (прозванный «Голодом») умышленно затягивали заседание, ожидая прихода вызван-

ных войск и мобилизованных на этот случай банд «мюскаденов».

Было уже 9 часов, когда Ромм решил взойти на трибуну. Поддержанный Дюруа, он предложил освободить всех арестованных патриотов, производить выпечку односортного хлеба, воспретив кондитерам ввиду голода изготовление пирожных и тортов, произвести реквизицию припрятанной муки, созвать парижские секции, объявить их заседания перманентными (непрерывными), выбрать по секциям продкомиссаров. Бурботт предложил арестовать продажных контрреволюционных писак. Гужон и Дюкенуа потребовали отставки реакционных правительственных комитетов и выбора чрезвычайной комиссии. Внесено было предложение об отмене смертной казни (закон этот не распространялся на эмигрантов и поддельвателей ассигнаций).

Предложения вызвали шумные одобрения народной массы. Термидорианцы притворно соглашались на все, голосуя поднятием шляп. Этой мнимой покладистостью удалось усыпить недоверие демонстрантов. Избрана была чрезвычайная комиссия из 4 лиц (Дюкенуа, Приера с Марны, Дюруа и Бурботта) для осуществления принятых декретов. Вернье и Буасси д'Англа удалось протянуть заседание до полуночи, когда демонстранты были разогнаны штыками подоспевших отрядов. Термидорианцы, не прерывая заседания, немедленно начали расправу. Только что принятые декреты были объявлены вынужденными и отменены. Вся ярость термидорианцев, которые 8 часов трепетали и унижались перед классовыми врагами, думая, что вернулся 2-й год республики, обратилась против Ромма и его товарищей. «Смерть убийцам, кровопийцам, агентам тирании!» — раздавались бешеные крики. Монтаньяры пытались что-то сказать, но дикий рев заглушил их слова. Немедленно было вынесено решение об их аресте.

Монтаньяров силой вытаскивали с их скамей и тащили к барьеру. Ромм, Субрани, Дюруа, Гужон, Бурботт и Дюкенуа были посажены в госпитальные фуры и увезены из Парижа. Термидорианцы все еще боялись, что

предместья могут восстать для освобождения арестованных.

Перед отъездом Ромм написал жене письмо: «Дорогой друг, Национальный Конвент издал приказ о моем аресте. Заклинаю тебя, во имя любимой твоею родины, во имя равенства, ценишь которое вместе со мной я тебя научил, во имя ребенка, которого ты носишь в себе, не предаваться беспокойству. Помни каждую минуту, что ты отвечаешь перед ребенком, и, что бы ни произошло с тем, кто связал свою судьбу с твоей, пусть ребенок воспримет от тебя принципы чистейшей морали и откровеннейшего республиканства. Прощай. Прошу тебя написать матери».

8

Монтаньяров привезли в замок Торо, на мысе Финистер, недалеко от Кана (где Ромм сидел в плену у жирондистов два года тому назад). Здесь заключенные провели шесть дней. Все держались бодро. Они беседовали, писали письма родным. Гужон сочинял «Гимн узников замка Торо». На шестой день комендант сообщил, что их отвезут в Париж на суд военной комиссии.

Поняв, что смертный приговор неизбежен, заключенные собрались у Ромма и решили не отдаваться в руки палачу и покончить с собой. У всех шестерых имелось лишь два ножа, но это не остановило обреченных монтаньяров. 22 прериала (8 июня 1795 года) их привезли в Париж и заперли в тюрьму. Военная комиссия посылала на гильотину десятки действительных и мнимых участников прериальского восстания. Суд военной комиссии продолжался 5 дней. Допрос велся публично: зал был полон буржуа, «мюскаденами», уличными девицами и всяким сбродом, лакействующим перед новыми богачами. На твердые, четкие ответы Ромма и его друзей зал отвечал насмешками и ругательствами. Ромм разоблачил провокационное поведение буржуазного большинства Конвента в день 1 прериала и позорные махинации реакционеров. Заключительное слово, представленное Роммом в письменном виде, кончалось следующими словами:

«Я исполнил свой долг, мое тело

принадлежит закону, душа же остается независимой и незапятнанной. Мой последний вздох... будет за республику, единую и неделимую, за родину, так жестоко истязаемую, которой я служил верой и правдой, за несчастный и угнетенный люд, который оставляют на произвол судьбы и отталкивают...»

29 прериаля (17 июня) монтаньяров привели в судебный зал для сообщения приговора по обвинению их как «зачинщиков, виновников и соучастников мятежа 4 прериаля и следующих дней против национального представительства и французской республики». Военная комиссия приговорила всех шестерых к смертной казни. Осужденных повели на двор.

Зал суда помещался на втором этаже, недалеко от его дверей начиналась крутая лестница к выходу на улицу. Спустившись на несколько ступеней, Жильбер Ромм выхватил спрятанный нож и вонзил его себе в грудь. Нож скользнул, страшно поранив шею и лицо Ромма, но последним усилием он погрузил его в грудь до самого сердца. Окровавленное тело скатилось по лестнице, головой вниз. Жандармы остолбенели и на минуту растерялись. В этот миг Субрани, вытащив нож из раны друга, нанес себе сильный удар в левый бок и упал рядом с Роммом, успев передать нож Гужону. В то же время Дюкенуа вонзил в грудь другой нож, а Дюруа — половину ножниц. Бурботт вырвал оружие из рук Дюкенуа и ударил себя одновременно с Гужоном. Жандармы опомнились только тогда, когда все шестеро лежали на лестнице мертвые или тяжело раненные, заливая кровью все вокруг.

В зале суда, куда бросились испуганные жандармы, эта весть произвела сильнейшее впечатление. Командир конвоя был арестован. Врач, прибежавший на место происшествия, установил, что Ромм, Гужон и Дюкенуа умерли. Субрани и Бурботт в ужасном виде, со вскрытыми внутренностями, агонизировали. Дюруа был только ранен. Субрани и Бурботта вынесли на руках и положили на повозку. Дюруа сел сам, и процессия тронулась. В два часа дня всем троим отрубили головы.

Смерть Ромма и его товарищей.

Так погибли последние монтаньяры Конвента, не примирившиеся с буржуазной реакцией.

Но рабочий и ремесленный Париж предместий, Париж «несчастливых и угнетенных», не мог примириться с мыслью о гибели неподкупного «депутата от Пью-де-Дома», и после его смерти начала расти и шириться легенда о чуде спасшемся монтаньяре. Перед тем как нанести себе удар, глагола легенда, Ромм выпил опиум; врач ошибся, приняв глубокий обморок за смерть. Друзья похитили тело Ромма с кладбища и привели его в чувство. И тогда Ромма отыскал посланец русского вельможи, бывшего якобинца и друга Ромма, и устроил его тайный побег в Россию. Там, в необъятных владениях своего друга, Ромм, скрываясь от всех, разрабатывает планы последнего победоносного восстания санкюлотов против богачей.

Но это были лишь мечты отчаявшихся людей: императорская Россия была убежищем эмигрантов-дворян, а не «цареубийц». Гибель Жильбера Ромма была неразрывно связана с гибелью якобинской республики.

И. Сероглазов

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Русская история в самом сжатом очерке. Четвертое посмертное издание. Партиздат. 1933.

Решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. имеет огромное значение, далеко выходящее за пределы вопроса об учебниках гражданской истории. Это постановление касается всего исторического фронта, всей армии преподавателей вузов, средней и начальной школы, всех многочисленных читателей книг М. Н. Покровского, желавших по его учебникам приобрести необходимые знания по истории нашей великой страны.

Ошибки школы Покровского, глубоко вкоренившиеся в среде работников исторического фронта, в том числе и среди преподавателей средней и начальной школы, являются серьезным препятствием в деле надлежащей постановки преподавания гражданской истории в нашей школе, в деле выполнения решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 года. В этом решении со всей ясностью подчеркивалась необходимость преподавания конкретной истории с изложением «важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей».

Преодолеть и решительно отбросить вредные, ликвидаторские взгляды М. Н. Покровского — одно из неперемennых условий для осуществления указаний товарища Сталина и решений ЦК ВКП(б) и СНК от 26 января 1936 г. и поднятия преподавания истории на должную высоту.

1

До решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР среди историков существовало мнение, что ошибки М. Н. Покровского относились в основном к неправильной оценке им роли торгового капитала в развитии русского исторического процесса и что будто бы он сам отказался от своей ошибочной схемы. Книжки Покровского, в особенности «Русская история в самом сжатом очерке», издавались без всяких критических замечаний. Больше того: последние издания «Сжатого очерка» преподносились читателю в таком виде и с такими комментариями, что создавалось полное впечатление о пре-

одолении самим Покровским его ошибочных концепций. Партиздат, предпосылая этим изданиям краткую биографию М. Н. Покровского, ни словом не обмолвился ни об одной из его ошибок. В этой биографии издательство с самого начала неправильно ориентировало читателя, указывая, что в работах Покровского «дается блестящий марксистский анализ русского исторического процесса» (стр. IX, изд. 1932 и 1933 гг.), что Покровский показывает «пример непримиримого борца за марксистско-ленинскую теорию, за большевистскую партийность в науке» и т. д. Без всяких замечаний издательства даны также в приложении к «Очерку» две работы Покровского: «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России» и «Роль рабочего класса в революции 1905 г.». В предисловии к 10-му изданию (изданию 1931 г. — последнему, вышедшему при жизни автора) рецензируемой нами книги «Русская история в самом сжатом очерке» сам Покровский подчеркивает, что его книга «... выходит без существенных перемен... Что касается коренной переработки старого текста в прежних его рамках, то для этого также нет еще серьезных оснований... Еще менее возможно менять что-либо в общем плане и схеме (подчеркнуто М. Н. Покровским. — И. С.) книги» (стр. 3).

Между тем сравнение 10-го издания или последних тождественных с ним посмертных изданий «Сжатого очерка» с первыми его изданиями показывает, что Покровский до конца своей жизни не отказался от своих ошибок, что он все время целиком оставался на позициях, сформулированных им в предисловии к 1-му изданию «Сжатого очерка». В этом предисловии Покровский указывает, что он «вместо кукол в короне и порфире взял настоящего царя, царя-капитал, самодержавно правившего Россией от Ивана Грозного до Николая последнего. Первый очерк посвящен первому царствованию — истории возникновения в России торгового капитала (подчеркнуто Покровским.—И. С.) и захвата им власти... царствованию этого наследника торгового капитала, капитализму промышленному (подчеркнуто Покровским.—И. С.) посвящен второй очерк... В начале XX столетия на сцене уже русский империализм; ему и его крушению будет посвящен третий и последний очерк» (стр. 3, изд. 1922 г.).

Торговый капитал — центр всей схемы Покровского; торговый капитал определяет, по Покровскому, весь общественно-политический строй, являясь основной движущей силой истории России. Отводя решающую роль в развитии России торговому капиталу, он считал призрачной феодально-крепостническую власть.

В упоминавшемся уже нами предисловии к 10-му изданию М. Н. Покровский продолжает настаивать на правильности своей концепции, признавая, что им были допущены лишь некоторые «риторические преувеличения», которые он и устранил. В статье «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», помещенной в качестве первого приложения к «Сжатою очерку», М. Н. Покровский, отвечая своим критикам, заявляет, что его концепция торгового капитала совершенно правильна и что в этом вопросе у него были лишь отдельные неудачные формулировки. Основное его положение о том, что создателем Московского государства, причем не только государства Романовых, является торговый капитал, остается им в силе. По этой его концепции, русское самодержавие на всех его этапах — бюрократическая монархия.

Между тем Ленин, как известно, писал: «...русское самодержавие XVII века — боярской Думой и боярской аристократией — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии» (Ленин, т. XIV, стр. 18). Антиисторизм М. Н. Покровского, вытекающий из его антимарксистского определения истории как политики, обращенной в прошлое, помешав ему увидеть различия и качественные изменения в развитии исторического процесса.

Достаточно сравнить ряд мест из 10-го или из последних посмертных изданий с соответствующими местами первых изданий, чтобы убедиться, что «ничего нового нет» (стр. 4) и изменения сводились лишь к устранению «риторических преувеличений», которые часто заключались в устранении слова «торговый капитал» (сравни, например, стр. 73, изд. 1922 г. со стр. 70, 10-е изд.).

По существу же изложения, торговый капитал продолжал занимать у него такое же место, как и раньше (смотри, например, характеристику опричнины, Польского государства, внешней политики Петра I — стр. 43 — 67, 69 и т. д.).

В некоторых случаях устранение «риторических преувеличений» приводило лишь к вуальированию той же мысли. Укажем следующее: на стр. 71 разбираемой нами книги мы читаем: «Откупа были одним из главных источников первоначального накопления в крепостной России — именно этому первоначальному накоплению вся система и служила у нас, в нашей стране, так же, как и в Западной Европе XVI—XVIII столетий» (за исключением слов «первоначального накопления» вся разрядка моя.—И. С.),

Соответствующее место указанной работы Покровского в издании 1922 г. сформулировано более определенно: «Как видим, и в этом сборе налогов государство Петра и его преемников верно отражает свою основную сущность как владычество торгового капитала» (стр. 75).

Итак, М. Н. Покровский до конца оставался верным своей концепции торгового капитала как основной силы исторического процесса в России до середины XIX столетия. Оставаясь до конца на позициях экономического материализма, сводя исторический процесс к механически действующим экономическим силам, не понимая марксо-ленинской диалектики и обратного влияния политики на экономику, М. Н. Покровский несмотря на свой блестящий талант и огромнейшие исторические знания не сумел увидеть все многообразие исторического процесса и дать подлинно научное, ленинско-сталинское изложение истории.

Покровский дает одно неизменное объяснение историческим событиям на различных этапах: денежные отношения и хлебные цены. Приводя хлебные цены на мировом рынке конца XIX столетия, М. Н. Покровский подчеркивает: «В этих цифрах — вся «философия истории» эпохи Александра III» (стр. 151, изд. 1933 г.). Говоря об ухудшении положения крестьянства также в конце XIX столетия, М. Н. Покровский сводит причину этого ухудшения опять-таки к хлебным ценам (стр. 153) и т. д. и т. п.

Покровский прошел мимо неоднократных указаний Маркса и Энгельса: «...если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на самое движение, то он просто сражается с ветряными мельницами... К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) — это есть тоже экономическая сила» (К. Маркс. «Избранные произведения». Том I, стр. 298. Партиздат. 1933).

2

М. Н. Покровский имеет огромные заслуги в деле разоблачения великодержавной буржуазно-помещичьей, меньшевистско-троцкистской контрреволюционной историографии, трактовавшей историю России как историю Великороссии. Однако в его учебнике совершенно не показана царская Россия как тюрьма народов, не показаны истоки национально-освободительного движения многочисленных народов, покоренных феодально-крепостнической Россией. Он ограничился только одной главой «Революция 1905 г. на окраинах», в которой объясняет образование многонационального русского государства все тем же торговым капиталом и торговыми путями.

Покровский прошел мимо указаний товарища Сталина по этому вопросу: «Там, где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации, естественно, облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства. Так происходило дело в Англии (без Ирландии), Франции, Италии. На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, ускоренное побуждениями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиваться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия» (И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник избранных статей и речей, стр. 65. Партиздат. 1934).

Покровский не выявил в своей книге роль российского пролетариата как гегемона, вождя в борьбе против феодального, капиталистического и национального гнета, не показал, как российский пролетариат, руководимый большевиками, в своей непримиримой борьбе против царизма и капитализма целиком оправдал доверие к себе трудящихся масс угнетенных народов и возглавил их борьбу против царизма как очага всякого гнета. Не сказать всего этого — значит затруднить понимание учащимся образования нашего великого Советского союза. «Я помню годы 1905—1917, — говорит товарищ Сталин, — когда среди рабочих и вообще трудящихся национальностей Закавказья наблюдалась полная братская солидарность, когда узы братства связывали армянских, грузинских, азербайджанских и русских рабочих в одну социалистическую семью». (Цитирую по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», стр. 109. Партиздат. 1935). Именно этой дружной социалистической семье трудящихся различных национальностей и русских рабочих М. Н. Покровский не показал в указанной главе, тем более, во всей книге.

Ликвидаторские взгляды на историю, сведение истории к голому схематизму привели Покровского к отсутствию в его книге изображения людей, исторических деятелей, к забвению того, что люди делают историю.

3

Верный своей схеме исторического процесса, Покровский не сумел исторически подойти к фактам прошлого: он не делал различия между феодализмом и дофеодальным периодом, не видел прогрессивности самодержавного государственного строя по сравнению с периодом, характерной особенностью которого яв-

ляется раздробление на множество самостоятельных или полусамостоятельных государств.

Подчеркивая, что между феодалами шли постоянные драки, что «... мало-помалу из феодального хаоса могло сложиться нечто цельное, должна была образоваться феодальная монархия (единодержавие)» (стр. 30), Покровский благодаря отсутствию конкретного анализа данного исторического события не показал прогрессивного характера «сбирания земли русской».

Неправильно оценивается Покровским и картина событий начала XVII столетия. Лжедмитрии I и II изображены Покровским как вожди крестьянских восстаний. На самом деле они были авантюристами, ставленниками польской шляхты.

Крестьянские войны XVII—XVIII столетий Покровский называет крестьянскими революциями; даже стихийный бунт в Киевской Руси Покровским изображается как революция (стр. 24). Такая трактовка крестьянских движений вытекает из непонимания Покровским сути революции и ее движущих сил, непонимания того, что «... отдельные крестьянские восстания... ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями» (И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. Партиздат. 1933).

Неправильно показана Покровским роль Минина и Пожарского: здесь сказан его ложный интернационализм и взгляд на историю как на «политику, опрокинутую в прошлое»: «Защита родины и защита своей мощи у этих людей, как у буржуазии всех времен, сливалась таким образом в одно» (стр. 55). В словах «буржуазии всех времен» — суть методологии Покровского. Отсюда — неправильное освещение событий начала XVII столетия, недооценка положительной роли Минина и Пожарского в деле освобождения страны от польских и шведских оккупантов, ибо создание национального государства было шагом вперед в истории нашей страны по сравнению с периодом феодальной раздробленности.

По той же причине в учебнике неправильно изображено и начало XVIII столетия, преобразования Петра I. Экономический материализм Покровского исключал интерес к живым людям; если он и давал отдельные личности, то для того только, чтобы обрисовать их отрицательные стороны. На стр. 86, в характеристике Петра I, Покровский оставил только резко отрицательные черты. Огромная преобразовательная деятельность Петра осталась совершенно не выявленной. Ленин, подчеркивая, что переименование западничества проводилось Петром варварскими, т. е. феодальными методами, указывает в то же время и на про-

грессивную сторону преобразований Петра I. Товарищ Сталин также подчеркнул прогрессивный характер реформ Петра I.

Историческая наука должна давать правильное освещение исторических явлений и исторических деятелей; Ленин и Сталин дают нам яркие образцы такого изображения.

М. Н. Покровский давал неверную трактовку реформы 1861 года. «Было бы, конечно, очень naïвно думать, — писал он, — что торговый капитал и его союзник—барин-крепостник—сдадутся совсем и смиренно падут к ногам русской промышленности» (стр. 82). Реформу 1861 г. М. Н. Покровский называл сделкой между торговым капиталом, его союзником—барином-крепостником—и промышленной буржуазией. Автору разбираемой нами книги была совершенно чужда ленинская постановка о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве, ленинская оценка борьбы крестьянства накануне и после реформы как борьбы объективно за американский путь развития капитализма. Покровский не понял, что хотя русское самодержавие и после реформы 1861 г. оставалось диктатурой феодалов-крепостников, все же реформа эта была шагом вперед по пути развития производительных сил, по пути превращения феодальной монархии в буржуазную, по пути капиталистического развития страны, несмотря на то что это «пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними» (Ленин. Т. XV, стр. 142).

Покровский не показал в своей книге различия в положении крестьянства до реформы 1861 г. и после нее, утверждая, что «на самом деле и освобождения-то почти никакого не было...» (стр. 82).

В главе «Революционная буржуазия» (стр. 104—119), верный своему антиисторизму, он прежде всего подчеркивает, что буржуазия никогда не была революционна. «Этого никогда не было и нигде не бывает», — пишет он. По Покровскому, во Франции в конце XVIII в. была не буржуазная революция, не уничтожение феодально-крепостнических отношений, не замена феодально-крепостнического строя буржуазным, а промышленный капитал при помощи крестьянской и рабочей революции выкинул из седла старый торговый капитал, тесно связанный с земельной собственностью, а потом сам уселся на место купцов и помещиков. Вождем этой революции, по Покровскому, была не сама буржуазия, а «слой образованных приспешников капитала» — интеллигенция, которая «не эксплоатирует непосредственно народных масс». Причем вовсе не обязательно, чтобы эта интеллигенция сама понимала цели этой революции.

Помимо того что в этих высказываниях Покровский противопоставляет буржуазию ее идеологам, что абсолютно не-

правильно, он ни в какой мере не учел указаний Ленина о том, что «...крайне неправильно, узко, анти-исторично понимают это слово (буржуа. — И. С.), связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства» (Ленин, Т. II, стр. 315).

Говоря о декабристах, Покровский не объясняет, в чем была положительная сторона их борьбы. Выступление декабристов 14 декабря 1825 г. он считает «...революционным выступлением буржуазии в России» (стр. 119). Опытаки это делается вопреки указаниям Ленина, который писал, «...как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его. Эпоха крепостная (1827—1846 г.г.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли разбудить (подчеркнуто Лениным. — И. С.) народ» (Ленин, Т. XVI, стр. 575).

Неправильно освещает М. Н. Покровский и суть народничества. Из его ошибочного понимания ее вытекает и термин «народническая революция». Покровский считает, что революционное движение 60-х и 70-х годов есть... движение мелкобуржуазной интеллигенции. Именно интеллигентность и сделала его революционным» (стр. 122).

Но он не увидел крестьянского, мещанского, мелкобуржуазного характера народничества, не уяснил себе того, что марксизм-ленинизм и народничество — две различные идеологии двух различных классов. Отсюда непонимание глубокой реакционности идеологии народничества, того, что в народнической идеологии нет «ни грама социализма», что враждебные марксизму-ленинизму методы борьбы народников, исключавшие всякую борьбу за создание массовой партии, применение индивидуального террора вытекали из ложной субъективной философской теории народничества, теории «героев» и пассивной толпы.

Покровский не учел положения Ленина, говорящего о том, «...что деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм» (Ленин, Т. I, стр. 165). Антиисторизм не дал ему возможности разглядеть суть народничества на разных этапах исторического развития.

Излагая внешнюю колониальную политику царизма (стр. 140 и 141), Покровский не подчеркивает реакционности внешней политики Николая I и Александра II, не характеризует царскую Россию как оплот европейской реакции, как жандарма Европы. Учебник не излагает истории царской России в связи с всеоб-

щей историей, как и не показывает отсталости России и то, как ее били за эту отсталость.

4

Причины рабочего движения Покровский пытается объяснить своим излюбленным способом—хлебными ценами (стр. 151—157).

Роль царского правительства в деле угнетения и эксплуатации рабочих не показана, равно как и влияние царского крепостнического режима на положение рабочих. Больше того, у читателя создается впечатление, что царские чиновники были против бесчеловечной эксплуатации, царившей на фабриках и заводах. Рассказывая о сообщении московского губернатора московскому генерал-губернатору о причинах рабочих «беспорядков», Покровский пишет: «Но они (т. е. царские чиновники. — И. С.) были бессильны перед буржуазией» (подчеркнуто М. Н. Покровским—И. С.). Здесь русское самодержавие изображено как бессильный призрак перед всемогущей буржуазией. Покровский прошел мимо вполне четких указаний Ленина: «В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма» (Ленин. Т. VIII, стр. 57). Трудно, читая книгу Покровского, сделать вывод, что Россия конца XIX в. стояла накануне буржуазной революции.

Покровский совершенно обошел вопросы стихийности и организованности в рабочем движении. Антиисторизм помешал ему понять различие между стачками 60—70-х и 90-х годов.

«Стачки бывали в России, — говорит Ленин, — и в 70-х и 60-х годах (и даже в первой половине XIX-го века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделал за это время рабочее движение» (Ленин. Т. IV, стр. 384). В учебнике же ничего не сказано о том, что у рабочих 90-х годов еще не было понимания непримиримой противоположности между ними и капиталистами и поэтому следует считать, что забастовки 90-х гг., «...несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто-стихийным» (Там же).

Существенным недостатком является и то, что совершенно не показано значение первого выступления Ленина (90-е годы), зарождение большевизма, роль «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого Лениным, связь этого союза с рабочими массами, борьба Ленина с Плехановым, характер и значение этой борьбы.

Для 3-й части «Сжатого очерка» («Двадцатый век») характерны те же крупнейшие недостатки, свойственные ликвидаторской, ненаучной концепции Покровского.

Мы не найдем в ней освещения вопроса об образовании партии нового типа, партии большевиков. Покровский отсылает читателя к книжкам по истории партии, не понимая, что и ему надо было показать роль партии, ее борьбу в деле подготовки и в революции 1905—1907 годов. Нет здесь и соответствующей оценки сущности революции 1905—1907 годов.

Ленинская оценка движущих сил и перспектив революции 1905—1907 гг. вытекает из того факта, что революция 1905—1907 гг. происходила в период империализма. Покровский же не рассматривал царизм как «военно-феодальный империализм», а царскую Россию как очаг всякого гнета—капиталистического, колониального и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной форме. Он совершенно не учел указаний товарища Сталина, что «революция против царизма сближалась... и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 5. Партиздат. 1934). Из этого сталинского положения и вытекает оценка роли рабочего класса в революции 1905—1907 гг. как гегемона и крестьянства как движущей силы революции, отсюда вытекала и оценка большевиками роли буржуазии.

Совсем иное объяснение дает Покровский. Почему буржуазия не была революционной? На этот вопрос он отвечает так: «Но быстрое развитие русского промышленного капитализма и создавало лишнюю помеху для перехода русской буржуазии от либерализма к революционности. Русский предприниматель был заинтересован в феодальном грабеже русской деревни» (стр. 251—252).

Эта точка зрения также связана с его концепцией торгового капитала и перехода власти с середины XIX столетия к промышленному капиталу. Становится только непонятным, почему вообще должна была быть революция, раз промышленный капитал победил и царское правительство руководствуется в своей политике интересами капитала.

Из этой ошибочной концепции Покровского и вытекает неверное освещение событий в его книге, поэтому нет у него четкости, поэтому он и применяет термин «рабочая революция» (смотри стр. 413 и ряд других), поэтому он обошел выше отмеченные нами вопросы, поэтому читатель не найдет у него и должной критики меньшевиков, Троцкого и эсеров. Неправильно освещая движущие силы революции 1905 г., считая, что кулак главная движущая сила революции, Покровский писал: «Последний в своей ненависти к туеядцу-помещику шел даже впереди крестьянской массы» («Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III. «Красная новь» 1923 г., стр. 56).

Кроме изложенного выше, говоря о недостатках глав, излагающих революцию 1905—1907 гг., следует отметить еще следующее:

Покровский обошел высказывание Ленина о том, что революция 1905—1907 гг., будучи по своему содержанию буржуазно-демократической, была по средствам борьбы пролетарской.

Не показано также, что для меньшевиков, социал-революционеров, Троцкого, буржуазии кульминационной точкой революционного движения была октябрьская забастовка, а для нас, для большевиков, «своей вершины революция 1905 года достигла в декабрьском восстании в Москве» (Ленин. Т. XIX, стр. 355). А от уяснения того, что именно было кульминационным пунктом в революции 1905—1907 гг., и зависело понимание дальнейших перспектив революции и задач партии рабочего класса — большевиков.

У Покровского сказано, что «в нашей литературе существует очень много споров о том, кто создал Петербургский совет — большевики или меньшевики... Но вопрос о том, кто первый создал, кто первый сказал «а», это — вопрос третьестепенный» (стр. 515—516), вместо того чтобы подчеркнуть, что вдохновителями и организаторами советов как органов вооруженного восстания были большевики и только большевики; меньшевики же (Троцкий в том числе) сводили роль советов к органам пролетарского самоуправления.

Не разоблачается точка зрения Троцкого, меньшевиков на вооруженное восстание. Покровский не указывает, что Троцкий, меньшевики были, по сути, против восстания и Ленину и Сталину приходилось разоблачать их как врагов революции. Ограничивая развитие революции политической стачкой (о чем даже не упоминает Покровский), Троцкий, меньшевики, захватившие руководство в Петроградском совете, срывали вооруженное восстание. Смазав этот момент Покровский не показал, в чем именно заключалась положительная роль Петроградского совета, в чем именно значение борьбы петроградских рабочих. «Движение за Советы Рабочих Депутатов, начатое в 1905 году ленинградскими и московскими рабочими, привело в конечном счете к разгрому капитализма и победе социализма в одной шестой части мира» (И. Сталин. Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, стр. 12. Партиздат, 1935).

Покровский считал, что «дальневосточная политика Витте несомненно заключала в себе кое-какие зачатки империализма, главным образом в лице Русско-китайского банка, но в основе это было

продолжение захватнической колониальной политики «Романовых XVIII—XIX вв.» (стр. 292).

Иначе говоря, русско-японская война проводилась в интересах торгового и промышленного капитала и только. Совершенно не показаны военно-феодальный империализм царской России и задачи, которые он ставил перед собою, не показано скрещивание империалистических интересов крупнейших империалистических держав (Германия, Англия и др.) на Дальнем Востоке и империалистический характер русско-японской войны.

В главе «Столыпинщина», на стр. 456, Покровский с самого начала неправильно ориентирует читателя. Покровский не подчеркнул того, что после революции коренной вопрос — вопрос о власти — не был разрешен, ибо самодержавие осталось и, следовательно, остались старые задачи — революции буржуазно-демократической и перерастания ее в революцию пролетарскую, социалистическую.

Нет у Покровского и объяснения того, что законы Столыпина, еще больше обострившие противоречия внутри страны, были вызваны массовым крестьянским движением, что правительство видело во весь исполинский рост грозное рабочее движение, что «в 1908—1910 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии» (Ленин. Т. XV, стр. 83). Излагая столыпинщину, он совершенно не мобилизует внимание читателя на нарастании новой революции, революции 1917 г., положившей конец старой России, конец феодализму и капитализму в нашей стране. Революция 1905—1907 гг. как генеральная репетиция великой пролетарской революции 1917 г. не показана.

Даже такой, далеко не полный разбор «Сжатого очерка» показывает, как много вреда можно принести делу воспитания нового поколения, нашему социалистическому строительству, излагая историю по Покровскому. Задачей всех работников исторического фронта является критический пересмотр своего собственного изложения гражданской истории, преодоление и категорический отказ от вредных, антиленинских взглядов Покровского. В этом залог действительного выполнения замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории и постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. и 26 января 1936 года.

РЕШЕНИЯ КАЗАХСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП(б) ОБ ОЗНАМЕНОВАНИИ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ ВОССТАНИЯ КАЗАХСКИХ МАСС В 1916 ГОДУ

В нынешнем году трудящиеся Казахстана отмечают 20-летие героического восстания казахских масс в 1916 году. Краевой комитет партии принял специальное постановление о подготовке и проведении этой годовщины.

В постановлении подчеркивается, что восстание 1916 года является важнейшим событием в истории национально-освободительной борьбы казахского народа против русского самодержавия, против политики национального гнета и колониального грабежа, против насилия и эксплуатации байства и колониальных чиновников, которое в последующем, 1917 году во многих местах переросло в развернутую массовую борьбу против Временного правительства, против алаш-орды, за советскую власть в Казахстане.

Годовщина восстания 1916 года, которая будет отмечаться 5—10 августа 1936 года, будет ознаменована проведением следующих мероприятий.

Издается на казахском и русском языках монография в 7—8 печатных листов, дающая характеристику восстания, его руководителей, политики и мер царского правительства в подавлении восстания, роли алаш-орды как прислужницы царизма. Составление этой монографии поручено тт. Асфендиарову и Томсинскому.

К годовщине будут опубликованы тезисы крайкома партии, составление которых поручено тт. Кабулову, Асфендиарову, Сахат-Мурадову, Лекерову и Савинскому.

Будет издана о восстании 1916 года популярная массовая брошюра на русском и казахском языках, составление которой поручено тт. Мендешеву, Шафиру, Брайнину и Федорову.

Издается сборник воспоминаний участников восстания 1916 года и судебно-следственных показаний наиболее ак-

тивных его участников. Составление этого сборника поручено КНИМЛ под ответственность тов. Лекерова.

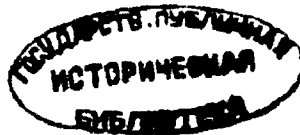
Институт национальной культуры под личную ответственность тов. Алманова должен собрать и издать сборник фольклорного материала о восстании 1916 года (народные песни, письма с фронта, поговорки и другие).

Поручено управлению по делам искусства при Совнаркоме КАССР связаться с Комитетом по делам искусства при Совнаркоме СССР и с товарищами, работающими над либретто полнометражного художественного кинофильма, посвященного восстанию 1916 года. План конкретных мероприятий по организации выпуска этого фильма представить на особое рассмотрение бюро крайкома.

Институт национальной культуры должен организовать через крайовой и областные музеи сбор оружия восставших в 1916 году (найза, ай-балта, самодельные ружья и пр.), а также фотографические и прочие материалы — памятники о восставших 1916 года (места основных боев, сборищ, могилы расстрелянных, картины и т. п.).

В постановлении крайком указывает, что в монографии, брошюре, тезисах необходимо развенчать явно ошибочные концепции о политическом и классовом характере восстания 1916 года и его движущих силах, имеющиеся в большом количестве в выпущенных за этот период статьях, брошюрах и исследовательских работах.

Ввиду того что Амангельды Иманов является наиболее выдающимся и последовательным вождем повстанцев 1916 года, поручено КНИМЛ собрать подробный материал о тов. Иманове и издать его биографию в виде отдельной брошюры. В этой брошюре и в других подготовляемых работах о восстании 1916 года должна быть показана выдающаяся роль Амангельды Иманова, который последовательно боролся против самодержавия, политики Временного правительства, политики контрреволюционной алаш-орды и геройски погиб активным коммунистом, организатором масс на борьбу за советскую власть под пулей заклятых врагов казахского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЕЗД ЛЕНИНА В РОССИЮ (апрель 1917 г.)	1
С. БЕЗБАХ — Последнее подполье В. И. Ленина (1917 г.)	7
М. МОСКАЛЕВ — Таммерфорская конференция (1905 г.)	22

ИСТОРИЯ СССР

Н. РУБИНШТЕЙН — Классовая борьба на Украине в XVII в.	35
С. ГАВЛОВ и М. РАБИНОВИЧ — Кокандское восстание (1875—1876 г.)	47
С. ГАГЛОЕВ — Эпизоды борьбы трудящихся Грузии за советскую власть	57

К ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г. РЕЙХБЕРГ — Разгром Унгерна и образование Монгольской Народной Республики (1921 г.)	64
--	----

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ю. ОСНОС — К истории последнего периода германской интервенции (1919 г.)	76
---	----

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

В. ВАСЮТИНСКИЙ — Реставрация Стюартов	89
--	----

ИСТОРИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

А. ФОХТ и Е. ХАЗАНОВА — Контрольные работы по истории	102
--	-----

БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

В. ВИРГИНСКИЙ — Жильбер Ромм (история одного якобинца)	110
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

И. СЕРОГЛАЗОВ — М. Н. Покровский „Русская история в самом сжатом очерке“. 4-е посмертное издание. Партиздат. 1933	122
--	-----

ХРОНИКА

Решение Казахского краевого комитета ВКП(б) об ознаменовании 20-летия восстания казахских масс в 1916 г.	128
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ, Т. М. ДУБЫНА**

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. СЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **Ю. ЦИШЕВСКИ**

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-13-47. Прием в редакции от 10 до 3 дня
Уполномоченный Главлита № Б--21756 Издательский № 39 Заказ № 748 Тираж 29300
Материал сдан в набор 5 IV 1936 г. Подписан к печати 16 IV 1936 г. 4 бум. листа. 80 000 зн. в печати. листе

Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перелутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в издательство „Правда“.

Адрес: Москва 40, ул. „Правды“, 24, комн. № 216